СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

составилъ

іеромонахъ **Ѳеодосій**

(подъ редакціею преосвящ. Никанора, епископа Смоленскаго и Дорогобужскаго)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная улица № 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 марта 1897 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Св. Іоаннъ Златоустъ жилъ въ IV вѣкѣ. Этотъ вѣкъ—золотой вѣкъ христіанской литературы имѣетъ въ немъ наилучшаго своего представителя. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что самые знаменитые церковные ораторы въ христіанствѣ всѣхъ девятнадцати вѣковъ должны уступить Златоустому проповѣднику пальмы ораторскаго первенства. Всякому христіанину, хотя немного образованному, извѣстенъ Златоустый проповѣдникъ Восточной церкви. Это отецъ и учитель церкви изъ великихъ—величайшій. Свѣтъ его ученія льется чрезъ его творенія и понынѣ на всѣхъ, желающихъ черпать изъ великаго и глубокаго океана премудрости. Какъ количествомъ проповѣдей, такъ и ихъ внутренними достоинствами, Златоустъ производитъ на читателя неотразимое впечатлѣніе. Одинъ изъ древнихъ русскихъ книжниковъ выразился: „Златоустовы уста—Павловы уста; Павловы уста—Христовы уста; убо (слѣдовательно) Златоустовы уста — Христовы уста“.

Впрочемъ, всѣ восторженные отзывы о Златоустѣ представляютъ собою лишь лепетъ ребенка, пораженнаго грандіозностью какого-либо памятника и не могущаго его описать... Златоустъ болѣе, чѣмъ кто-либо, достоинъ изученія. И находились люди, всей жизни которыхъ едва хватало на изученіе его твореній...

Но у св. Златоуста слово не расходилось съ жизнію. Это было живое и дѣйственное слово. Жизнь св. Іоанна показываетъ намъ дивную высоту христіанскаго совершенства, коей можетъ достигнуть христіанинъ. Жизнь св. Іоанна высокопоучительна. Доблести жизни и слова возвели сирійскаго аскета на высоту каѳедры „новаго" Рима, а злоба и зависть осатанѣлыхъ враговъ св. Іоанна уготовили ему глубокую чашу тяжелыхъ страданій, испивъ которую до конца, онъ и умеръ въ изгнаніи, съ хвалой къ Богу за радости и скорби жизни: Слава Богу за все!

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Рожденіе, семейное воспитаніе, образованіе и свѣтская жизнь св. Іоанна.

Лучшимъ изъ „христіанъ", какихъ дала міру Антіохія Сирійская, былъ св. Іоаннъ, архіепископъ Константинополя и патріархъ Востока, отъ современниковъ и потомства прозванный Златоустымъ за свое неподражаемое краснорѣчіе.

Нужно познакомиться съ городомъ, въ которомъ родился св. Іоаннъ, чтобы точно опредѣлить ту среду и обстановку, въ которыхъ прошли дѣтство и первая половина пастырской дѣятельности Златоуста.

Антіохія была расположена въ Сиріи по обоимъ берегамъ глубокой и быстрой рѣки Оронта. „Цвѣтущія массы пахучихъ олеандровъ и нѣжно-благовонныхъ жасминовъ" составляли пріятное украшеніе города, лежавшаго у подножія горы Сильпія. Равнина, окружавшая городъ, была богата виноградниками, лавровыми и миртовыми рощами, изъ коихъ особенно была знаменита „Дафна" своими цвѣтниками, фонтанами и капищемъ Аполлона. Климатъ Антіохіи былъ весьма пріятенъ; она была любимой лѣтней резиденціей тѣхъ, которымъ надоѣдалъ шумъ столицы имперіи. Въ Антіохіи всего было довольно: сквозь Ливанскіе проходы въ нее доставлялись всѣ богатства Востока, коихъ потребителей здѣсь всегда было много. Вообще Антіохія была однимъ

изъ лучшихъ городовъ „всемірной“ имперіи, какъ по красотамъ природы, такъ и по богатству двухсотъ-тысячнаго народонаселенія. Императоръ Констанцій называлъ Антіохію „царицей Востока“. Во времена св. Златоуста Антіохія была „столицей Сиріи и всего Востока“. Св. Іоаннъ называлъ ее „главой и матерію“ городовъ римской Азіи. Ее населяли: греки, римляне, сирійцы, евреи, арабы и др. Характеръ каждаго племени отражался въ складѣ духовной жизни города. Антіохійцы были просты, изящны, энергичны, искренни, сердечны, легкомысленны и мятежны. По мнѣнію Ливанія, Антіохія въ отношеніи средствъ образованія была тѣмъ же для Азіи, чѣмъ были Аѳины для Европы *).

Христіанство, еще при св. апостолѣ Павлѣ привившееся въ Антіохіи, впослѣдствіи сформировалось здѣсь въ знаменитую апостольскую церковь, одну изъ старѣйшихъ церквей Востока. Во времена Златоуста сто тысячъ антіохіянъ (половина городскаго населенія) исповѣдывали св. вѣру. Христіанскія воспоминанія и памятники города весьма знаменательны. Златоустъ говорилъ, что „Антіохія — первый изъ городовъ украсился, какъ дивнымъ вѣнцемъ, именованіемъ христіанъ“. Антіохіи досталась честь имѣть у себя епископами: св. Игнатія, дивнаго жизнію, еще болѣе предсмертными посланіями, а болѣе всего мученическою смертію въ римскомъ амфитеатрѣ, и св. Вавилу, тоже мученика. Ихъ мощи хранились въ Антіохійскихъ храмахъ, посвященныхъ ихъ памяти. Въ Антіохіи было два знаменитыхъ храма: „древній“, построенный Константиномъ В., и „новый“, весьма величественный, — основанный имъ и освященный цѣлымъ соборомъ епископовъ. О церковномъ значеніи города далъ сужденіе св. Василій Великій: „Антіохія — глава, въ случаѣ здоровья сообщающая его всему тѣлу церкви“.

---

*) Твор. св. отецъ, 1855 г., XIV, 170 (прим.).

Но городъ отличался распущенностію нравовъ: многіе антіохійцы носили только имя „христіанъ“. Дафнійская „нравственность“ вызывала улыбки у лицъ, хорошо знакомыхъ съ Антіохіей. Было время, когда Дафнійскія увеселенія въ праздникъ мраморной статуи Аполлона дѣлали городъ „постояннымъ праздникомъ порока“, какъ выражаются историки.

Кажется, въ той самой Сингонской улицѣ Антіохіи, которая (улица) въ дни древніе имѣла своимъ временнымъ жителемъ св. „учителя языковъ“ Павла, одинъ весьма приличный и зажиточный домъ принадлежалъ военачальнику Сирійскихъ войскъ Секунду. Его жену звали Анѳусою. Это была весьма добродѣтельная женщина. Оба они были „ревностными“ христіанами Антіохійской церкви. Не долго пришлось имъ наслаждаться семейнымъ счастіемъ: Секундъ умеръ, оставивъ двадцатилѣтней вдовѣ на ея попеченіе двухъ малютокъ, изъ коихъ одному суждено было стать славой и гордостью христіанства. Малютку звали Іоанномъ. Онъ родился въ 347 году.

Молодая, не по лѣтамъ заботливая мать, особенные труды употребила на то, чтобы сынъ ея получилъ наилучшее образованіе. Она берегла и любила его, какъ зеницу ока. Въ своемъ сынѣ св. Анѳуса видѣла и надѣялась имѣть утѣшеніе среди многихъ заботъ и горестей, постигшихъ ее, какъ вдову. Ребенокъ былъ для нея сокровищемъ, дарованнымъ отъ Бога, предъ Коимъ она молилась, чтобы Всемогущій Господь сохранилъ его отъ многочисленныхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. Ради него св. Анѳуса рѣшила остаться вдовою, хотя имѣла весьма почетное положеніе въ обществѣ и большія богатства, ради которыхъ было много искателей ея руки, но, какъ истинная христіанка, св. Анѳуса ничему изъ того, чему завидовали люди, не придавала никакого значенія.

Первоначальные уроки вѣры и нравственности св.

Іоаннъ получилъ подъ наблюденіемъ своей матери, у которой священныя книги были настольными. Вѣроятно, св. Анѳуса поручила какому-либо священнику давать начальные уроки религіи дорогому мальчику въ своемъ домѣ. Св. Анѳуса не очень торопилась отдать сына языческимъ учителямъ, кои вмѣсто того, чтобы образовывать умъ поручаемыхъ имъ дѣтей, иногда развращали ихъ нравственность. Наставники языческихъ школъ такъ гордились своею образованностію, цѣнили ее такъ высоко, что, какъ говоритъ блаженный Августинъ, готовы были скорѣе простить ученику нарушеніе правилъ нравственности, нежели погрѣшности противъ правилъ словесности и краснорѣчія *). Св. мать сама старалась научить мальчика всему святому и доброму и только лишь тогда рѣшилась вручить его образованіе чужимъ людямъ, когда увидѣла, что юноша съумѣетъ быть твердымъ отъ ихъ искушеній.

Св. Іоанну ко времени начала его образованія было около 16 лѣтъ. Оно началось и окончилось въ Антіохіи. Знаменитому Ливанію выпало на долю быть учителемъ двухъ христіанскихъ свѣтилъ — свв. Василія Великаго и Іоанна, впослѣдствіи названнаго Златоустомъ. Ливаній былъ, дѣйствительно, замѣчательный человѣкъ своего времени. Онъ имѣлъ въ Антіохіи, въ которой и родился, самую знаменитую школу краснорѣчія. Впрочемъ, Ливаній зналъ не одну Антіохію: онъ былъ въ Константинополѣ, гдѣ ему не посчастливилось, въ Никомидіи, въ Аѳинахъ и снова въ Антіохіи, въ которой и умеръ. У Ливанія всегда было много учениковъ и онъ никогда не переживалъ свою славу; его сочиненія расходились весьма быстро и въ языческомъ обществѣ лишь возрасталъ интересъ къ нимъ. Его судьба тѣсно связана съ Юліаномъ, несчастнымъ императоромъ Востока и Запада, который хотѣлъ повернуть исторію назадъ возвраще-

*) Твор. св. отецъ. 1855 г. XIV, 173.

ніемъ язычеству всей той славы и того почетнаго положенія, которыя быстро перешли къ христіанству. Ливаній былъ ближайшимъ сподвижникомъ Юліана, хотя не одобрялъ насилія въ дѣлѣ вѣры и совѣсти и отличался осторожностію въ сужденіи о христіанствѣ, съ примѣсью легкой ироніи и недовѣрія.

Св. Іоаннъ поступилъ ученикомъ въ школу Ливанія послѣ смерти Юліана, когда знаменитый риторъ оставилъ свою политическую роль и предался болѣе благодарному труду образованія юношества. Ливаній со свойственною ему проницательностію быстро нашелъ въ новомъ своемъ ученикѣ тѣ необыкновенныя дарованія ума и сердца, коими послѣдній дѣйствительно выдавался изъ ряда прочихъ. Ливаній, какъ любитель своего искусства, съ радостію занялся литературнымъ развитіемъ юноши. И послѣдній со свойственнымъ ему прилежаніемъ и талантомъ принялся за ученье. И ученикъ зналъ цѣну своему учителю, почему не желалъ терять времени. У него не было досуга для развлеченій, которыхъ, помня завѣты горячо любимой матери, онъ избѣгалъ. Успѣхи св. Іоанна въ школѣ Ливанія были быстры и поразительны и учитель не могъ не радоваться, глядя на своего лучшаго ученика, въ счастливо-знаменательной будущности котораго онъ не сомнѣвался, предъугадывая и предсказывая ему славу и богатство, напр., въ занятіи адвокатурой. Желая отличить своего любимаго ученика въ ряду прочихъ, менѣе его даровитыхъ, Ливаній, однажды, въ дружественномъ собраніи товарищей по ремеслу прочиталъ имъ написанную въ похвалу императоровъ рѣчь св. Іоанна, вызвавшую восторгъ въ слушателяхъ, какими были настоящіе знатоки и цѣнители краснорѣчія. Самъ Ливаній о сей талантливой рѣчи, которая, вѣроятно, относилась къ императорамъ Валентиніану и Валенту, далъ отзывъ, служившій выраженіемъ мнѣнія собранія: „Счастливъ писатель, умѣющій такъ прославлять императоровъ! Счастливы императоры,

что царствуютъ въ такое время, когда міръ владѣетъ такимъ удивительнымъ писателемъ". Намъ неизвѣстна эта рѣчь, которая была первымъ литературнымъ трудомъ св. Іоанна, и достигла-ли она ушей прославляемыхъ императоровъ — мы не знаемъ. Извѣстно только, что въ сей рѣчи, по отзыву Ливанія о ней съ формальной стороны, св. Іоаннъ „съ искусствомъ судебнаго слова соединилъ силу ораторскихъ доказательствъ". Необходимо замѣтить, что въ школѣ Ливанія св. Іоаннъ изучилъ подробно и основательно греко-римскую литературу. На томъ и закончилъ онъ свое литературное образованіе у Ливанія. Св. Іоаннъ былъ весьма многимъ обязанъ ему, какъ учителю. Привлекаемый къ Ливанію его терпимостію и честностію, мягкимъ его отношеніемъ ко всякому человѣку, помимо его убѣжденій и внѣшняго положенія, св. Іоаннъ „научился у Ливанія на началахъ свободы воли и совѣсти возводить задуманное зданіе, словомъ, какъ отзвукомъ души, вліяя на волю человѣка *).

Изъ школы краснорѣчія св. Іоаннъ сталъ ходить въ школу философіи, въ которой преподавалъ Андрофагій, имя котораго исторія сохранила только потому, что онъ былъ учителемъ Златоуста. Андрофагій не былъ на столько замѣчательнымъ мыслителемъ, чтобы могъ сильно вліять на убѣжденія своихъ учениковъ. Но для такого глубокаго ума, какимъ владѣлъ уже литературно-образованный Златоустъ, это не представляло существенныхъ неудобствъ. Св. Іоаннъ сталъ самостоятельно заниматься философіей, причемъ роль учителя, вѣроятно, сводилась къ тому, что онъ указывалъ лишь лучшія сочиненія и источники для знакомства съ исторіей человѣческой мысли.

Школьное образованіе св. Іоаннъ закончилъ, имѣя немного болѣе 20 лѣтъ отъ роду. При описаніи жизни замѣчательныхъ въ исторіи человѣчества дѣятелей

*) Богословскій Вѣстникъ, 1895 г., октябрь, стр. 335.

имѣютъ обыкновеніе останавливаться на подробностяхъ дѣтства и юности описываемыхъ людей. Сдѣлаемъ это и мы.

Мать Златоуста жила въ Сингонской улицѣ, откуда юноша и ходилъ къ своимъ учителямъ въ школы. Златоустъ происходилъ изъ зажиточной и благородной семьи, но въ обстановкѣ ея жизни было все просто. Одежда св. Іоанна, весьма приличная, не была, однако, роскошна и изыскана. Въ школу онъ ходилъ пѣшкомъ въ противоположность своимъ богатымъ товарищамъ, которые ѣздили въ колесницахъ или водили за собою большое число рабовъ. Онъ и по окончаніи образованія чуждъ былъ стремленій къ роскоши и блеску, какъ самъ говорилъ о себѣ впослѣдствіи.

Въ обращеніи съ товарищами св. Іоаннъ былъ простъ, смиренъ, скроменъ и не любилъ блистать своими богатыми познаніями. Были у него въ школѣ товарищи и друзья, но онъ отличался особенною осторожностію въ ихъ выборѣ. Исторія знаетъ, какъ близкихъ ему лицъ по школѣ: Ѳеодора, Максима и особенно Василія. Всѣ они впослѣдствіи были предстоятелями знаменитыхъ церквей. Друзья Златоуста весьма цѣнили его дружбу, потому что онъ умѣлъ быть искреннимъ, твердымъ, постояннымъ и неизмѣннымъ другомъ. Дружбу свою съ Василіемъ Златоустъ подробно описалъ въ твореніи „о священствѣ“. „Много было у меня,—пишетъ святитель—друзей искреннихъ и вѣрныхъ, знавшихъ и строго соблюдавшихъ законы дружества. Но изъ числа многихъ одинъ превосходилъ всѣхъ другихъ любовію ко мнѣ, и столько отличался предъ ними расположеніемъ ко мнѣ, сколько сіи послѣдніе въ сравненіи съ людьми, не имѣвшими особливой ко мнѣ привязанности. Онъ былъ всегда неразлучнымъ спутникомъ моимъ, мы учились однимъ наукамъ, слушали одних учителей, съ одинаковой охотой и ревностью занимались краснорѣчіемъ и другими науками, одинаковыя имѣли желанія

и изъ одного источника проистекавшіе. И не только въ то время, когда ходили къ учителямъ, но и по выходѣ изъ училища, когда надлежало совѣтываться, какъ лучше избрать намъ путь жизни, и въ семъ случаѣ мы оказались согласными въ нашихъ мысляхъ. Кромѣ того и другія причины сохранили нашъ союзъ неразрывнымъ и твердымъ. Ибо мы не могли превозноситься одинъ передъ другимъ преимущественною славою отечества; не случилось также и того, чтобы я изобиловалъ богатствомъ, а онъ жилъ въ крайней бѣдности; но и мѣра нашего имущества была столь же равна, какъ наши чувствованія“.

„Если св. Іоаннъ въ дни своей юности шелъ твердой нравственной дорогой, если онъ всегда осторожно относился къ искушеніямъ „дафнійской нравственности“ и не увлекался ими, то потому, что благодать Божія уже искала его и уготовляла въ немъ себѣ избранный сосудъ и потому, что любящій глазъ матери всегда наблюдалъ за нимъ, а ея священные завѣты добра и любви всегда громко звучали въ его чистой непостыдной совѣсти. А она всѣ силы и средства употребила на его воспитаніе, что признавалъ и весьма цѣнилъ горячо любившій ее сынъ. Ему хорошо была извѣстна трудная вдовья жизнь его матери, заботы и издержки, употребленныя ею на его воспитаніе. „Сынъ мой! я не долго,—передаетъ св. Іоаннъ разсказъ своей матери,—наслаждалась сожительствомъ твоего добродѣтельнаго отца. Такъ угодно было Богу. Смерть его, послѣдовавшая вскорѣ за болѣзнями твоего рожденія, принесла тебѣ сиротство, а мнѣ преждевременное вдовство со всѣми его горестями, которыя могутъ быть хорошо извѣстны только вдовамъ. Ибо никакими словами невозможно изобразить той бури и тѣхъ волненій, какимъ подвергается молодая женщина, недавно вышедшая изъ родительскаго дома, еще не опытная въ дѣлахъ жизни,—и вдругъ, пораженная скорбію вдовства и принужденная принять на

себя заботы, превышающія возрасть и самую природу ея. Она должна исправлять нерадѣніе слугъ, примѣчать ихъ лукавства, разрушать злые умыслы родственниковъ, мужественно переносить притѣсненія и безжалостныя вымогательства сборщиковъ податей. Если же по смерти супруга останутся дѣти,—пусть это будетъ дочь,—много и она принесетъ заботы матери, по крайней мѣрѣ забота о ней не будетъ соединена съ издержками и страхомъ. Но за сына она подвергается тысячѣ опасеній на каждый день и великимъ заботамъ. Я не говорю уже о тѣхъ издержкахъ, какія требуются отъ матери, если она желаетъ дать сыну хорошее воспитаніе. Однако, никакія невыгоды моего положенія не заставили меня вступить во второй бракъ и ввести другого мужа въ жилище твоего отца. Среди смятеній и безпокойствъ я пребыла твердою... Меня подкрѣпляла высшая помощь. Не мало въ моихъ печаляхъ утѣшалась тѣмъ, что всякую минуту смотрѣла на твое лице и видѣла въ немъ живой и вѣрный образъ твоего отца. Будучи еще младенцемъ и едва умѣя лепетать, когда дѣти бываютъ особенно пріятны родителямъ, ты уже приносилъ мнѣ много отрады... Съ своей стороны я дѣлала все, чтобы удалить отъ тебя малѣйшее попеченіе о нуждахъ жизни... Никто изъ друзей не можетъ доставить тебѣ большаго спокойствія. Нѣтъ никого, кто бы заботился о твоемъ благополучіи столько, сколько я". Какой высокій взглядъ высказала въ сихъ словахъ св. Аноуса на положеніе христіанской вдовы и на отношеніе ея къ своей семьѣ, прекрасно при томъ осуществленный на дѣлѣ замѣчательной матерью Златоуста. Не даромъ Ливаній, на свои разспросы о матери св. Іоанна получавшій отъ него точные и восторженные разсказы о ней, воскликнулъ: „какія чудныя женщины у христіанъ" *).

---

*) Жизнь св. Іоанна Златоустаго, Архіепископа Константинопольскаго. Москва. 1860 г., стр. 7.

Эти рѣчи приподнимаютъ завѣсу надъ семейной жизнію св. Анѳусы. Мы отсюда знаемъ, что воспитаніе сына она считала главнымъ призваніемъ своимъ. И вотъ достойная мать великаго сына учила его самоотреченію, самопожертвованію, покорности высшему Промыслу, горячей любви къ людямъ. Уроки эти успѣшно привились къ св. Іоанну. Онъ никогда не пренебрегалъ совѣтами матери, клонившимися къ тому, чтобы онъ принялъ въ свое юное сердце Христа, Коего она была послѣдовательницей.

Св. Іоаннъ усердно слушалъ совѣты матери. У него еще во время образованія была мысль по окончаніи ученія посвятить себя Христу; онъ уже рѣшался было подъ вліяніемъ своего друга Василія принять даже иночество. Но 20-лѣтній юноша, какимъ былъ св. Іоаннъ, оказался менѣе рѣшительнымъ въ выборѣ жизненнаго пути, чѣмъ св. Василій. Съ сожалѣніемъ вспоминалъ впослѣдствіи св. Іоаннъ о своемъ намѣреніи, когда онъ хотѣлъ въ 20 лѣтъ сдѣлаться инокомъ. „Когда другъ мой, по истинѣ блаженный, рѣшился посвятить себя иноческой жизни и истинной философіи, тогда на вѣсахъ жизни нашей потерялось равновѣсіе. Его жребій, по причинѣ легкости своей, возвысился, а я, все еще „увлекаемый пожеланіями мірскими“, унизилъ мою участь, клонилъ ее долу, отяготивъ „юношескими мечтами“... Оказалось невозможнымъ жить вмѣстѣ тѣмъ, у которыхъ „различны были желанія“. Св. Василій сдѣлался инокомъ, а св. Іоаннъ избралъ путь свѣтской жизни, который, быть можетъ, рисовался тогда его воображенію самыми радужными красками. Тутъ-то для матери св. Іоанна настала пора самыхъ разнообразныхъ, тягостныхъ и великихъ заботъ, опасеній, тревогъ, волненій, тайныхъ молитвъ за своего любимаго сына...

Но Промыслъ Божій велъ его по пути, имъ предначертанному. Богу угодно было, чтобы сей юноша, увидѣвъ жизнь съ самой ея неприглядной стороны, призналъ

собственнымъ опытомъ суетность жизни въ мірѣ. Св. Іоаннъ вмѣсто иночества избралъ адвокатуру. И онъ въ короткое время такъ освоился съ симъ сложнымъ дѣломъ, что своею успѣшною защитой невинныхъ быстро пріобрѣлъ себѣ извѣстность, друзей, многія почести. Св. Іоаннъ повелъ свѣтскій образъ жизни, сталъ посѣщать театры и мѣста увеселительныя, началъ забывать сладость Священнаго Писанія, которое издѣтства было ему знакомо, завѣты матери казались скучными... Къ счастью это увлеченіе продолжалось слишкомъ не долго. Легкое облачко мірскихъ прелестей набѣжало на сознаніе св. Іоанна съ тѣмъ, чтобы быстро сойдти и никогда, никогда не возвращаться... Однако, этотъ опытъ не прошелъ даромъ: св. Іоаннъ узналъ всю горечь мірскихъ заботъ, кои, какъ бы сложны и разсчетливы ни были, никогда не награждаютъ человѣка душевнымъ благодушіемъ. Наблюденіе надъ жизнію показало ему, что въ мірѣ слишкомъ часто попирается правда, законъ, совѣсть, честь.

Театры и зрѣлища, кои составляли страсть жителей сирійской столицы, скоро возбудили отвращеніе въ св. Іоаннѣ. Онъ пришелъ къ сознанію непригодности нравственныхъ началъ языческой жизни опытомъ, какъ то-же самое раньше ему подсказывали Св. Писаніе, мать, совѣсть его и наука, которую онъ изучилъ тщательно.

Св. Іоаннъ быстро измѣнилъ разъ навсегда свои цѣли и стремленія, а съ ними и порядокъ своей жизни. Онъ, къ великой радости матери и христіанъ, весьма о немъ наслышавшихся, рѣшилъ посвятить себя христіанству, которое и по существу и въ исторіи изучилъ основательно. Кромѣ блестящаго образованія (причина отрицательная), какое дали ему учителя, кромѣ строго нравственнаго воспитанія (положительная причина), какое дала ему мать, симпатіи св. Іоанна къ христіанству развились подъ впечатлѣніями дѣтства и родины. Юность св. Іоанна падаетъ какъ разъ на то славное и не повто-

римое время, когда центръ всемірной жизни переходилъ изъ язычества въ христіанство. Св. Іоаннъ на родинѣ своей могъ наблюдать предсмертную агонію язычества, послѣ удара, нанесеннаго ему св. Константиномъ Великимъ, и полный разцвѣтъ могучихъ Божественныхъ силъ христіанства. Изъ не далекаго прошлаго св. Іоанну передавались разсказы о мученическихъ временахъ, о славныхъ исповѣдникахъ, которые стариками были еще въ его время, о страшныхъ орудіяхъ мученій, о побѣдѣ христіанства, о великихъ всемірно-религіозныхъ волненіяхъ, наступившихъ послѣ побѣды, о вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ, о его многострадальномъ великомъ дѣятелѣ св. Аѳанасіи, о борьбѣ православія съ аріанствомъ, удары которой весьма сильно слышались и въ его родномъ городѣ, о славной дѣятельности св. Василія Великаго, о неудачѣ, постигшей императора Юліана, при исполненіи его намѣренія вновь отстроить совершенно разрушенный Іерусалимъ, когда ниспавшій съ неба чудесный огонь попалилъ всѣ начатыя постройки, такъ что іудеи въ ужасѣ отказались возстановить свою столицу, разрушенную въ возмездіе за Богоубійство...

Всѣ знаменитые отцы IV вѣка, славнѣйшаго въ исторіи христіанства, воспитались на этихъ впечатлѣніяхъ. И Златоустъ въ полной мѣрѣ испыталъ сладость воодушевленія, обнимавшаго его во время сихъ разсказовъ. А великіе характеры всегда образуются посреди бурь и скорбей.

Св. Іоаннъ въ Антіохіи собственными глазами видѣлъ гоненіе на христіанство отъ язычниковъ, давшее ей славныхъ мучениковъ и исповѣдниковъ. Это случилось въ двухлѣтнее царствованіе Юліана, который сдѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку возстановить и обновить язычество въ греко-римскомъ мірѣ и подавить христіанство. Для достиженія этихъ цѣлей были Юліаномъ употреблены различныя мѣры, не приведшія къ желательнымъ послѣдствіямъ, хотя и надѣлавшія много

вреда св. церкви. Пришлось употребить старое испытанное средство—гоненія. Но Христосъ посрамилъ язычника-императора. Это случилось на глазахъ у мальчика св. Іоанна, когда ему было около 15 лѣтъ. Юліанъ въ 362 году прибылъ въ Антіохію и сталъ тѣснить христіанство. Въ предмѣстіи ея былъ древній храмъ Аполлона. „Дафнійская" роща окружала его. Никто уже не молился въ идольскомъ капищѣ, храмъ былъ пустъ. Погребенныя неподалеку отъ него мощи св. Вавилы, еп. Антіохійскаго, въ храмѣ его имени, привлекали постоянно толпу богомольцевъ христіанъ, вѣрою получавшихъ исцѣленія отъ св. мощей. Думая, что присутствіе св. мощей умалило славу и толпу богомольцевъ идольскаго храма, Юліанъ приказалъ христіанскій храмъ закрыть, а св. мощи Вавилы перенести въ другое, болѣе отдаленное мѣсто. Нечестивое повелѣніе было исполнено. Христіане торжественно перенесли св. мощи при пѣніи псалма: „да посрамятся кланяющіеся истуканамъ, хвалящіеся о идолахъ своихъ". Это оскорбило Юліана и онъ приказалъ арестовать многихъ христіанъ, ввергнуть ихъ въ темницы и предать мукамъ, которыми 15-лѣтній пѣвецъ Ѳеодоръ и нѣкоторыя діакониссы уготовили себѣ небесные вѣнцы. Богъ отмстилъ за мучимыхъ: неожиданно для всѣхъ капище Аполлона поражено было молніей и сгорѣло. Юліанъ, озлобившись сильно, приказалъ закрыть и разграбить главный христіанскій храмъ въ Антіохіи.

При исполненіи приказанія пострадалъ мученически пресвитеръ Ѳеодоритъ. Мальчикъ св. Іоаннъ видѣлъ эти ужасы, видѣлъ печаль христіанъ и матери своей, которая объяснила ему, конечно, весь смыслъ сихъ потрясающихъ событій.

Въ душѣ мальчика зарождались глубокія симпатіи къ славному христіанству. Съ какою-же радостію оба— и мать и сынъ—услышали, что нечестивый гонитель пораженъ стрѣлою въ битвѣ съ персами; въ этомъ они

увидѣли исполненіе предсказанія, даннаго пресвитеромъ Ѳеодоритомъ предъ смертію и однимъ христіанскимъ учителемъ, на вопросъ Ливанія: что подѣлываетъ сынъ плотника?—отвѣтившимъ, „что сынъ плотника есть Господь, Христосъ и Богъ, строющій теперь погребальныя дроги“ (оказалось) для Юліана. Свѣтъ язычества померкъ совсѣмъ и послѣдствія гоненія быстро исчезли. Чудная сила христіанства для св. Іоанна была очевидна.

Перемѣнивъ жизнь, св. Іоаннъ началъ готовиться ко крещенію. Огласителемъ его въ истинахъ св. христіанской вѣры былъ самъ епископъ Антіохіи Мелетій.

Это былъ замѣчательный архипастырь, пользовавшійся удивительною любовью у пасомыхъ. „При одномъ имени его они приходили въ восторгъ“, именемъ Мелетія называя дѣтей своихъ и помѣщая изображенія его на перстняхъ, печатяхъ, чашахъ и стѣнахъ жилищъ. Св. Мелетій, пророческимъ духомъ предвидя будущую славу св. Іоанна, особенныя заботы приложилъ къ его душѣ, возращая ее въ познаніи таинъ Христовыхъ и укрѣпляя на будущіе подвиги пастырства.

Высокообразованный и высоконравственный св. Іоаннъ такъ серьезно относился къ своему духовному просвѣщенію, что счелъ нужнымъ цѣлыхъ три года пользоваться уроками и наставленіями св. Мелетія, богомудраго епископа Антіохіи.

Учитель по чувству удивленія предъ талантами ученика, а сей послѣдній по благоговѣнію и любви къ учителю, въ эти годы весьма сблизились между собою. Въ 367 году началось духовное знакомство свят. Мелетія съ св. Іоанномъ, когда онъ тогу адвоката и язычника перемѣнилъ на бѣдную одежду чернаго цвѣта.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Крещеніе св. Іоанна, его жизнь въ пустынѣ, приготовленіе къ пастырству; служеніе въ санѣ діакона и пресвитера.

Крещеніе св. Іоанна совершилось въ 369 году. Св. Іоаннъ давно понималъ важность сего таинства, которое для него было полнымъ внутреннимъ обновленіемъ. По Палладію, краснорѣчивѣйшему біографу Златоуста, его другу и ученику, св. Іоаннъ по принятіи благодати крещенія никогда не употреблялъ клятвы, не говорилъ неправды, не злословилъ, не зложелательствовалъ и не дозволялъ себѣ насмѣшекъ и даже шутокъ надъ ближними, но былъ весьма скроменъ и молчаливъ. Златоустъ съ особымъ рвеніемъ, присущимъ ему и раньше, принялся тщательно изучать священное Писаніе и вмѣстѣ съ другомъ монахомъ Василіемъ началъ посѣщать христіанскую Антіохійскую въ монастырѣ помѣщавшуюся школу, знаменитостями которой были извѣстнѣйшіе толкователи св. Писанія—пресвитеры Діодоръ и Флавіанъ.

Св. Іоаннъ началъ давно, но теперь усиленно продолжалъ аскетическіе подвиги, пока въ домѣ матери, хотя св. Василій, посѣщавшій его ежедневно, убѣждалъ его оставить шумный городъ и переселиться въ пустыню для подвижническихъ цѣлей. И хотя въ 370 году св. Іоаннъ былъ сдѣланъ „чтецомъ“ свящ. Писанія (какая скромная должность для христіанина съ такими блестящими талантами, какими обладалъ св. Іоаннъ!) въ главной Антіохійской церкви, онъ тѣмъ не менѣе было окончательно рѣшился послѣдовать совѣтамъ своего друга. Убѣжденія и слезы матери, по удаленіи сына имѣвшей остаться совершенно одинокой, однако, еще разъ оказались сильнѣе пламенныхъ и краснорѣчивыхъ

описаніи прелестей аскетической жизни, коей св. Іоаннъ въ душѣ глубоко сочувствовалъ. Мать говорила ему: „Потерпи до моей кончины. Можетъ быть жизнь моя не долго продлится... Когда предашь тѣло мое землѣ и прахъ мой соединишь съ прахомъ твоего отца, тогда предпринимай далекія путешествія... Но пока я дышу, не разлучайся со мною... Если я дѣлаю съ своей стороны все, чтобы удалить отъ тебя малѣйшее попеченіе о нуждахъ жизни, то пусть хотя это привяжетъ тебя ко мнѣ“... Златоустъ послушался матери, которая еще не долго жила. Ей суждено было съ высоты небесъ созерцать борьбу, торжество и страданія, которыя суждены были ея любимому сыну. И св. Іоаннъ послѣ ея смерти получилъ полную свободу дѣйствій, которою воспользовался для того, чтобы, покончивъ счеты съ міромъ, удалиться въ монастырь. Это случилось въ 373—4 году, когда св. Іоанну было не болѣе 26½ лѣтъ.

Но въ это время случилось еще одно событіе, которое сначала было препятствіемъ, а потомъ поводомъ для того, чтобы скорѣе скрыться въ монастырь. Императоръ Валентъ, аріанинъ по исповѣданію, началъ съ 370 года преслѣдовать православныхъ епископовъ, изъ коихъ многихъ (даже св. Мелетія Антіохійскаго) отсылалъ въ заточеніе, вслѣдствіе чего многіе епископскіе престолы остались безъ епископовъ. Антіохійцамъ — православнымъ уже теперь настолько были извѣстны и любезны имена Василія и Іоанна, что соборъ епископовъ рѣшилъ поставить сихъ „юношей“, по уваженію къ ихъ православію, учености и нравственной крѣпости, епископами, не смотря на то, что св. Іоанну, напр., тогда едва минуло 27 лѣтъ. Но „мудрость не числомъ лѣтъ исчитается“ — особенно та, которая состоитъ въ покорности всепросвѣщающему св. Духу благодати и вѣдѣнія. Друзья смутились, когда узнали о рѣшеніи собора, и начали совѣщаться, что предпринять въ семъ истинно затруднительномъ случаѣ. Св. Іоаннъ, узнавъ о колеблющемся

согласіи Василія принять епископство, не хотѣлъ лишать церкви Рафанской, къ которой его поставить хотѣли, такого достойнаго мужа, какимъ былъ св. Василій, и рѣшилъ содѣйствовать его посвященію. Самъ же св. Іоаннъ положилъ въ сердцѣ бѣжать, бѣжать въ пустыню отъ опасной епископской почести, которую считалъ для себя совершенно непосильнымъ бременемъ. Св. Іоаннъ просилъ друга повременить рѣшеніемъ, которое подскажутъ обстоятельства, и друзья разстались, при чемъ св. Василій былъ убѣжденъ, что св. Іоаннъ будетъ единодушенъ съ нимъ въ рѣшеніи. Въ назначенное время св. Василія вызвали въ засѣданіе собора изъ пустыни и объявили ему касавшееся его рѣшеніе. Когда св. Василій началъ отказываться, ему нечаянно намекнули, что св. Іоаннъ согласился на принятіе епископства,—и онъ выразилъ покорность принять посвященіе. Но каковы-же были его удивленіе, печаль и слезы, когда онъ узналъ, что св. Іоаннъ удалился въ милую пустыню для аскетическихъ подвиговъ, которую св. Василій теперь потерялъ, сдѣлавшись Рафанскимъ епископомъ!

Намѣренія собора, имѣвшаго такое высокое мнѣніе о достоинствахъ 27 лѣтняго Іоанна, взволновали весь его внутренній міръ. Онъ искренно удивлялся, какъ выдающіеся пастыри могли находить въ немъ скрытые таланты, когда, по собственному суду, онъ имѣлъ одни только недостатки. Св. Іоаннъ и самъ радъ былъ послужить въ пастырскомъ санѣ Церкви Христовой, но ужасался своей нравственной немощи, недозволявшей его совѣсти дать свое согласіе на избраніе въ святительскій санъ. Онъ понялъ, что ему надо было много работать надъ собой, чтобы освободиться отъ немощей, сколько послѣднее по силамъ для христіанина. Для сего св. Іоаннъ удалился туда, гдѣ главнымъ и единственнымъ дѣломъ было искорененіе страстей, воспитаніе души по закону Христову—въ монастырь, въ горы Сиріи. Для

св. Іоанна монастырская жизнь была школой воспитанія пастырскаго духа, которое сводится къ личному нравственному совершенствованію и возращенію въ себѣ любви къ людямъ до отданія за нихъ спасеніе жизни своей. Св. Іоаннъ хорошо зналъ, что пастыремъ можетъ быть только тотъ, кто, елико возможно, достигъ нравственной побѣды надъ своими немощами, ибо безъ сего нельзя быть примѣромъ благочестія, и возлюбилъ немощныхъ людей, не смотря на ихъ немощи, такъ какъ нельзя спасать людей, не любя ихъ. Св. Іоаннъ полюбилъ иноческую жизнь общежительныхъ сирійскихъ монастырей, которую велъ четыре года подъ неослабнымъ и бдительнымъ руководствомъ одного грубаго и суроваго пустынника (Гезихія), котораго совѣты исполнялъ безпрекословно. Онъ всегда съ благоговѣніемъ описывалъ иноческую жизнь, ея обстановку, удобство спасенія, недостатки удобствъ житейскихъ и проч.

Жизнь монаховъ, въ среду которыхъ вступилъ Златоустъ, была очень сурова. Ими населились сирійскія горы, пустыни и долины. „Сіи свѣтильники міра, едва начинаетъ восходить солнце, или еще до разсвѣта, встаютъ съ ложа здравы, бодры и свѣжи. Ибо ихъ не возмущаетъ ни печаль, ни забота, ни трудъ, ни множество дѣлъ; но они живутъ подобно Ангеламъ на небѣ. Вставъ съ ложа, бодрые и веселые, всѣ вмѣстѣ съ свѣтлымъ лицемъ и совѣстію составляютъ одинъ ликъ, и какъ бы едиными устами поютъ гимны Богу всяческихъ, прославляя и благодаря Его... Съ колѣнопреклоненіемъ призываютъ они Господа на помощь въ такихъ дѣлахъ, которыя другимъ не скоро бы и на умъ пришли“. Послѣ молитвы иноки занимались священнымъ Писаніемъ, а неграмотные рукодѣліемъ. По разговору ихъ легко догадаться, что они—граждане неба. „Уста ихъ не могутъ произносить ни одного дурнаго слова..., но каждое достойно неба“. „Низшихъ тамъ не оскорбляютъ презрѣніемъ; ибо тамъ никто не уни-

жаетъ другихъ. А если бы кто ихъ и унижалъ, они тѣмъ болѣе научаются переносить презрѣніе, поруганіе, уничиженіе въ словахъ и дѣлахъ". „Тамъ не услышишь, чтобы кто оскорблялъ другаго, не увидишь тамъ оскорбляемыхъ". „У пустынниковъ не только одна пища и одинаковая одежда, но и одна душа по взаимной любви, по отсутствію у всѣхъ гордости... У нихъ нѣтъ ни бѣдности, ни богатства, ни славы, ни безчестія"... „Трапеза ихъ безъ всякаго излишества, чиста, исполнена благочестія... Въ пищу у нихъ употребляются только хлѣбъ и вода—хлѣбъ отъ трудовъ праведныхъ и вода отъ чистаго источника, овощи составляютъ ихъ лакомство"... „Трапеза ихъ—трапеза ангеловъ". „Одежду дѣлали они себѣ изъ козьей или верблюжьей шерсти, а нѣкоторые довольствовались одною кожею, и то ветхою". „Многимъ постелью служитъ просто трава, небо служитъ вмѣсто покрова, луна вмѣсто свѣтильника." „Сонъ ихъ благоприличенъ... Великій страхъ предъ Богомъ не позволяетъ имъ впадать въ глубокій сонъ и погружать душу въ плоть". „Тамъ никто не призываетъ слуги, ибо всякій самъ можетъ удовлетворить свои нужды. Сами они разводятъ огонь, сами колютъ дрова, сами готовятъ пищу, сами служатъ приходящимъ. Нѣтъ тамъ ни принимающихъ приказанія, ни приказывающихъ, но всѣ слуги, каждый омываетъ ноги странниковъ и одинъ передъ другимъ стараются оказывать имъ услуги, не разбираютъ они, кто къ нимъ пришелъ, рабъ или свободный, но дѣлаютъ это для всѣхъ равно". „Любятъ они обращаться съ нищими и увѣчными и за столомъ ихъ много такихъ гостей и потому-то они достойны неба. Одинъ врачуетъ раны недужнаго, другой водитъ слѣпого, иной носитъ безногаго". „И все это происходитъ у иноковъ отъ благого настроенія души". „Самоумерщвленіе и любовь къ ближнимъ—вотъ отличительныя начала жизни братіи". „И если бы можно было отворить двери сердца ихъ, и увидѣть душу ихъ и

всю красоту внутреннюю, то невозможно было бы вынести сіянія красоты ихъ души, свѣтлости внутреннихъ одеждъ и блеска ихъ совѣсти". „Они-суть свѣтильники, сіяющіе по всей землѣ; стѣны, которыми ограждаются и поддерживаются города" *).

Св. Іоаннъ раздѣлялъ съ братіей всѣ трудности иноческаго житія, учась смиренію, побѣждая горячность и гнѣвливость, борясь съ плотію, служа другимъ по любви къ нимъ. Онъ старался бороться съ многоразличными искушеніями и побѣда досталась ему послѣ тяжелой борьбы, о которой онъ самъ разсказалъ. Дамаскинъ сказалъ въ похвальномъ словѣ св. Іоанну, что „какъ роза выростаетъ среди шиповъ, такъ въ подвигахъ добродѣтели возросло это благовонное и пріятное Богу растеніе", именно высокопоучительный и мощный характеръ св. Іоанна. Не говоря объ искушеніяхъ плоти и діавола, самая суровость обстановки иногда ужасала его. „Видъ густыхъ лѣсовъ, сотрясаемыхъ бурными порывами вѣтра, на вершинѣ которыхъ вили гнѣзда хищныя птицы, невозмутимое уединеніе, неприступныя скалы надъ глубокими пропастями, свирѣпый ревъ быстрыхъ потоковъ, съ стремительностію несшихся по каменистой поверхности горныхъ ущелій, не могли не производить грустнаго впечатлѣнія на сердце человѣка, привыкшаго видѣть чистые, прозрачные источники съ кипарисовыми рощами Дафны, роскошные сады Антіохіи съ ея великолѣпными зданіями, и ея очаровательныя окрестности" **). Однако, всѣ условія, подъ совокупнымъ дѣйствіемъ которыхъ развивался пастырскій духъ св. Іоанна, помогли ему воспитать въ себѣ такую твердость, что онъ говорилъ: „пусть станетъ противъ меня все—поношеніе, брань, насмѣшки, клевета, мечъ, огнь, голодъ, болѣзни, смерть и все жестокое, что ни случается въ этой жизни—

---

*) Б. Вѣстникъ, 1895 г. Октябрь, 23—28 стр.

**) Жизнь св. Іоанна Златоуста. Москва. 1860. 50 стр.

я пойду своимъ путемъ". Это—результатъ четырехлѣтняго подвижничества. И Промыслъ уже указывалъ св. Іоанну направленіе его пути. Аріанствующій императоръ Валентъ, въ 372 году изгнавшій горячолюбимаго христіанской Антіохіей и св. Іоанномъ еп. Мелетія въ заточеніе, теперь въ 376 году издалъ указъ о изгнаніи монаховъ изъ монастырей для отдачи ихъ въ военную службу. Монахи были оплотомъ преслѣдуемаго императоромъ православія. Св. Іоаннъ, монахъ и приверженецъ иночества, по влеченію мужественнаго сердца своего и просьбѣ другихъ, выступилъ съ сочиненіемъ въ защиту гонимыхъ, произведшимъ ослабленіе дѣйствія страннаго указа. Наконецъ, св. Іоаннъ (подобно Моисею, Иліи и самому Спасителю предъ началомъ ихъ общественной дѣятельности) удалился въ уединенную пещеру для новыхъ тяжелыхъ аскетическихъ подвиговъ. „Одному Богу извѣстны великіе подвиги, имъ въ ней совершенные, всѣ труды, имъ подъятые, всѣ скорби, имъ испытанныя" *), и пламенная молитва, непрестанно чистымъ ѳиміамомъ изъ глубины сокрушеннаго сердца его возносившаяся къ Богу. Два года подвизался святой Іоаннъ въ уединеніи, въ которомъ питался однимъ хлѣбомъ и мало отдыхалъ, опираясь на стѣну пещеры, мрачной, сырой и холодной. Все это тяжело отозвалось на слабомъ и болѣзненномъ тѣлѣ подвижника, но, при немощи тѣла, духъ отличался твердостію и полнотою силъ. А изъ Антіохіи, съ ея стотысячнымъ христіанскимъ населеніемъ, уже доходилъ до Іоанна зовъ возвратившагося изъ ссылки епископа Мелетія, приглашавшій новаго Илію, новаго Іоанна, новаго Моисея — святого Іоанна послужить обуреваемой волненіями и страстями людей церкви Божіей и немощнымъ людямъ. Св. Іоаннъ, уже мужъ, крѣпкій духомъ, великій умомъ, нѣжный сердцемъ, еще разъ оглянулся на себя, само-

*) Жизнь св. Іоанна Златоуста. Москва. 1860. 95 стр.

углубился въ свою душу, сказалъ себѣ подъ вліяніемъ благодати Христовой: „я готовъ“ — и явился въ Антіохію...

Отчасти это нужно было ему для возстановленія ослабленныхъ подвигами тѣлесныхъ силъ и здоровья. Но „не только для излѣченія отъ тяжкихъ недуговъ, не для покойной жизни возвратился св. Іоаннъ въ міръ, а главнымъ образомъ для труднаго и тяжелаго служенія человѣческому страданію и возрожденію въ качествѣ пастыря Церкви... Его возвращеніе въ Антіохію подобно таковымъ же возвращеніямъ великихъ отшельниковъ, столпниковъ и подвижниковъ въ оставленный ими міръ, когда наставали трудныя времена для церкви Христовой. Оно подобно выступленію на общественное служеніе великихъ носителей пастырскаго духа—пророковъ Ветхаго Завѣта, когда они, долго отказываясь и избѣгая возвѣщенія грѣховному міру необходимости покаянія, наконецъ были побѣждаемы внутреннимъ призваніемъ. И шли эти великіе и пламенные люди въ грѣховный, ожесточенный, жестоковыйный міръ возвѣщать людямъ покаяніе... Такъ и созрѣвшее въ Златоустѣ пастырское призваніе проявилось въ немъ, какъ великій и всепоядающій пламень, какъ горящій уголь въ устахъ пророка, и покорило его противоборствовавшую волю“ *). Св. Іоаннъ, въ постѣ, молитвѣ, подвигахъ и самоуглубленіи проведшій шесть лѣтъ, явился въ Антіохію „глаголомъ жечь сердца людей“.

Велика была радость многострадальнаго Мелетія, когда онъ увидѣлъ своего ученика мужемъ, исполненнымъ духовно-аскетическихъ опытовъ и готовымъ къ пастырскому дѣланію. Непродолжительный отдыхъ по возвращеніи (380 г.) изъ пустыни настолько возстановилъ силы св. Іоанна, что въ началѣ 381 года онъ готовъ былъ принять смиренное діаконское служеніе, ко-

*) Б. В. 1895 г. Ноябрь. 195 стр.

торое несъ въ теченіе 5 лѣтъ при преемникѣ Мелетія, епископѣ Флавіанѣ. Какое медленное восхожденіе по ступенямъ церковной іерархіи для человѣка, восемь лѣтъ назадъ избраннаго во епископа! Но не мѣсто краситъ человѣка, а онъ возвышаетъ его значеніе. И въ должности діакона Златоустъ съумѣлъ быть весьма полезнымъ для церкви Христовой. По должности діакона, св. Іоаннъ обязанъ былъ завѣдывать церковною благотворительностію. Св. Іоанну пришлось имѣть дѣло прежде всего съ бѣдными, больными, старыми, неимѣвшими крова, пищи и одежды. Нѣжному и сострадательному св. Іоанну, бывшему раньше свидѣтелемъ многоразличныхъ неправдъ и обидъ, причинявшихся людямъ, теперь пришлось видѣть бѣдность и убожество со всѣми ихъ послѣдствіями, часто содрогавшими душу. Св. Іоаннъ сталъ опорой бѣдныхъ, кормителемъ алчущихъ и жаждущихъ, и дѣлалъ это съ такою любовію, что всѣ удивлялись прекраснымъ качествамъ его сердца. „Первое серебро, которое св. Іоаннъ отдалъ бѣднымъ, — это его собственное“... и съ сего времени „это былъ первый бѣднякъ Антіохійской церкви“ *). Да, св. Іоаннъ, дѣйствительно, умѣлъ любить до полнаго забвенія своихъ матеріальныхъ нуждъ!

Антіохійцы узнали красоту его сердца, по аскетическимъ писаніямъ его—прекраснымъ плодамъ пустынныхъ уединеній—судили о глубинѣ его ума, но христіанамъ еще не извѣстна была прелесть и потрясающее могущество его огненнаго слова. Съ саномъ діакона въ Антіохійской церкви не соединялись учительскія обязанности. Учить и проповѣдывать—считалось главной обязанностію пресвитерскаго служенія, къ которому послѣ 5-лѣтняго діаконства призванъ былъ Златоустъ.

---

*) Труды К. Д. Акад. 1890, III, 189. Статья Н. Малышевскаго: «Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца и въ санѣ діакона и пресвитера».

Для сего служенія „св. Іоаннъ прошелъ двойное воспитаніе:—воспитаніе пустыни, которая укрѣпляетъ и возвышаетъ духъ, и воспитаніе жизни общественной, которая показываетъ человѣку человѣка и даетъ ему знаніе страстей, интересовъ, бѣдствій, пороковъ, — печальное знаніе, но необходимое для того, кто хочетъ имѣть какое-нибудь вліяніе на подобныхъ себѣ“—для пастыря *).

Св. Іоаннъ, опытный подвижникъ, ученый и писатель, пресвитеромъ сталъ лишь послѣ 15-лѣтняго служенія въ клирѣ, на 39 году жизни, посвященный въ 386 г. предъ началомъ великаго поста, при громадномъ стеченіи народа въ главномъ Антіохійскомъ храмѣ, который отнынѣ сталъ весьма часто оглашаться краснорѣчивѣйшими проповѣдями св. Іоанна Златоуста. Обязанность проповѣдничества въ Антіохіи, любившей краснорѣчіе и ораторовъ, поручалась наиболѣе образованнымъ пресвитерамъ-проповѣдникамъ, среди которыхъ быстро занялъ первое мѣсто Златоустый ораторъ. Слава св. Іоанна, какъ проповѣдника, быстро росла. Въ главный храмъ Антіохіи послушать Златоуста сходились люди разныхъ партій, возраста, пола, состоянія, народности и убѣжденій. Тутъ были: язычники, іудеи, еретики (аріане, аномеи и маркіониты) и православные. И всѣмъ слушателямъ проповѣдникъ давалъ обильную пищу, объясняя догматы, обличая пороки, опровергая лжеученія, призывая къ миру и любви. Его проповѣдямъ рукоплескали. Но смиренному Златоусту сіе не любо было. „Не нужно мнѣ ни рукоплесканій, ни волненій, ни восклицаній. Одного желаю, чтобы, слушая съ безмолвіемъ и разумѣніемъ, вы исполняли сказанное. Это для меня то же, что рукоплесканіе, это для меня—похвала“. Св. Іоаннъ постановилъ, чтобы ему не рукоплескали, и любящіе его проповѣди, хотя съ трудомъ, однако, стали удерживаться отъ языческаго обычая рукоплесканій. Св. Іоаннъ удостоилъ

---

*) Труды К. Д. А. 1890, III, 189.

нхъ за сіе послушаніе благодарности. Его назвали за краснорѣчіе Златоустомъ и исторія утвердила за однимъ св. Іоанномъ этотъ исключительно почетный титулъ. Самая исторія жизни Златоуста есть собственно разсказъ о дивныхъ дѣйствіяхъ его краснорѣчія, о возраставшей славѣ св. Іоанна, какъ оратора. Жадно внимавшій вдохновенному, высокосодержательному, ясному и простому слову св. Іоанна народъ никогда не утомлялся въ слушаніи бесѣдъ своего достойнолюбимаго проповѣдника, такъ что иногда согласно желанію народному епископъ Флавіанъ уступалъ слово св. Іоанну, не завидуя, но радуясь его успѣхамъ въ пастырскомъ дѣланіи. И святой Іоаннъ шелъ на встрѣчу этой любви народной къ его огненному слову, готовый всегда и вездѣ проповѣдывать, лишь бы находились внимательные и усердные слушатели. О предметахъ-же проповѣди св. Іоаннъ никогда не заботился: наличная жизнь и собственный духовный опытъ всегда выручали св. Іоанна, дѣлая его проповѣдь жизненною, убѣдительной и назидательной. Онъ владѣлъ импровизаціей въ лучшемъ и полномъ смыслѣ сего слова. Въ продолженіе 12 лѣтъ священства, святой Іоаннъ обязательно проповѣдывалъ разъ въ недѣлю, большею частію—дважды, весьма часто—каждый день, а иногда въ день—два раза. И если св. Іоанну, вслѣдствіе усиленныхъ проповѣдническихъ трудовъ приходилось заболѣвать и лежать въ постелѣ или отлучаться изъ города, хотя бы на короткое время, Антіохійская паства томилась отъ ожиданія, въ которомъ дни ей казались недѣлями, и не успокоивалась до тѣхъ поръ, пока Златоустый ораторъ не появлялся на каѳедрѣ. Св. Іоаннъ далъ наставленіе, пасомыми исполненное, какъ слушать съ пользой его проповѣди. „Одной милости попрошу у васъ, прежде нежели приступлю къ словамъ Евангельскимъ, прошу не откажите-же въ просьбѣ. Не важнаго и не тяжелаго требую, и если получу, польза изъ того не для меня только, а и для васъ,

или лучше далеко больше для васъ. Чего же прошу у васъ? Того..., чтобы каждый изъ васъ ту часть Евангелія, которую надобно слушать въ проповѣди, имѣлъ въ рукахъ, часто читалъ въ домѣ, часто испытывалъ и изслѣдывалъ слова, и замѣчалъ бы, что ясно, что темно покажется, что представится противорѣчущимъ или непротиворѣчущимъ, и, испытавъ такимъ образомъ, приходилъ бы слушать проповѣдь". „Умный совѣтъ! Превосходная просьба!"—повторимъ вслѣдъ за святителемъ Филаретомъ *).

Св. Іоаннъ весьма старался словомъ своимъ ослабить такъ называемый мелетіанскій расколъ въ Антіохійской церкви. Послѣдній возникъ довольно неожиданно во время аріанскихъ смутъ и преимущественнаго господства аріанъ въ Восточной церкви. Въ 330 году они низложили православнаго епископа Антіохіи Евстафія, а на его мѣсто поставили еретика Павлина, но православные считали своимъ архипастыремъ низложеннаго и не подчинились новоизбранному. Послѣ Павлина, умершаго въ 361 году, аріане поставили для Антіохійской церкви епископомъ Мелетія, считая его своимъ одновѣрцемъ. Но еретики ошиблись, ибо скромный Мелетій оказался строго православнымъ. Тѣмъ не менѣе православные не всѣ признали его своимъ епископомъ, ибо онъ былъ поставленъ аріанами. Православные подчинились, какъ епископу, пресвитеру Павлину. Хотя аріане преслѣдовали епископа Мелетія, ими же поставленнаго, но православнаго, и хотя не всѣ православные признавали его, но дѣло еще было легко поправимо, и Аѳанасій Александрійскій, умиротворитель Востока, послалъ двухъ епископовъ убѣдить православную партію Павлина подчиниться епископу Мелетію, какъ тоже православному. Но Люциферъ, еп. каральскій,

*) «Историческое ученіе объ отцахъ церкви». А. Филарета. II т., стр. 276.

еще до прибытія сихъ епископовъ поставилъ пресвитера Павлина епископомъ Антіохіи. Въ ней оказалось такимъ образомъ два православныхъ епископа, которые весьма уважали другъ друга, но не успѣли, не могли убѣдить своихъ пасомыхъ, обѣ партіи, жить въ мирѣ и любви. Это и поставилъ своей задачей краснорѣчивый пресвитеръ Іоаннъ, принадлежавшій къ партіи преемника Мелетія епископа Флавіана, при которомъ расколъ и окончился смертью еп. Павлина въ 392 году. Но до тѣхъ поръ пастырское слово Златоуста въ данномъ случаѣ не имѣло обычнаго блестящаго успѣха. Златоустъ прибѣгъ къ другой чисто пастырской мѣрѣ. И это дѣло было однимъ изъ первыхъ по поставленіи его въ пресвитера. Епископъ Антіохійскій Мелетій умеръ въ 381 году въ Константинополѣ во время II-го вселенскаго собора. Тогда же тѣло его было перевезено въ Антіохію и христіане встрѣтили его мощи съ любовію и благоговѣніемъ. Св. Іоаннъ тогда былъ діакономъ. Теперь онъ, какъ проповѣдникъ, въ день памяти святителя, рѣшилъ почтить его особеннымъ похвальнымъ словомъ, для чего устроилъ торжественное чествованіе его памяти. Въ словѣ были восхвалены его православіе и страданія отъ аріанъ, его сердечныя качества, снискавшія любовь и благоговѣйную память большинства православныхъ Антіохійцевъ—все это для того, чтобы побудить меньшинство (Евстафіанъ-Павлинистовъ) прекратить расколъ. Повторяемое ежегодно торжественное чествованіе памяти еп. Мелетія съ пламенными рѣчами Златоуста достигли цѣли; по смерти еп. Павлина его приверженцы признали своимъ епископомъ Флавіана, преемствовавшаго Мелетію. Златоустъ имѣлъ радость наслаждаться плодами своего пастырскаго вліянія. Но еще ранѣе оно возрасло до колоссальныхъ размѣровъ. Сему способствовали чрезвычайныя обстоятельства, пережитыя Антіохіей.

Мы говоримъ о бунтѣ, который былъ произведенъ въ 387 году жителями Антіохіи вслѣдствіе показавшагося

имъ тяжелымъ налога, предписаннаго императоромъ Θеодосіемъ, для удовлетворенія военныхъ нуждъ полуразрушенной имперіи. Въ ней корыстолюбивые чиновники всегда излишне строго производили сборы налога. Не смотря на то, что налогъ былъ чрезвычайно тяжелъ, чиновники не были милостивѣе въ его собираніи. Во-время бунта, произведеннаго какими-то темными личностями, пришельцами, богохульниками, нанесено было величайшее оскорбленіе священной особѣ императора разрушеніемъ Антіохійской статуи его и любимой имъ почившей супруги Флациллы. Власти сначала оказали робость, что̀ дало возможность развиться бунту и усилиться мятежникамъ, но потомъ, собравшись съ силами, власти войсками успѣли подавить возстаніе. За преступленіемъ послѣдовали наказанія: казни, пытки, допросы и пр. Антіохійцы пришли въ ужасъ, сознавъ великость зла и грядущаго за нимъ наказанія. Всѣ ихъ укоряли, а заступника не было. Тутъ-то св. Іоаннъ Златоустъ оказался истиннымъ утѣшителемъ смятенныхъ Антіохійцевъ, какъ епископъ Флавіанъ—ихъ заступникомъ. Златоустъ, подобно Іову, молчалъ всю недѣлю бѣдствій, не выходя изъ своего дома. Наконецъ, въ сыропустное воскресенье (предъ началомъ великаго поста) началъ свои утѣшительно-обличительныя слова къ Антіохійцамъ, призывавшія ихъ къ покаянію и перемѣнѣ жизни.. Эти бесѣды (числомъ 21, но собственно 17-ть изъ нихъ относятся къ Антіохійскому бунту), снискали ему славу перваго оратора въ мірѣ. Императоръ Θеодосій, узнавъ о происшедшемъ, пришелъ въ страшное негодованіе на свой раньше любимый, обласканный и, такъ сказать, избалованный милостями городъ и порѣшилъ наказать его лишеніемъ всѣхъ преимуществъ, раньше дарованныхъ. Для разслѣдованія о существѣ бунта, для наказанія мятежниковъ, теперь уже трепетавшихъ и покорныхъ, посланы были императоромъ два сановника Еллевихъ и Кесарій, облеченные безграничнымъ правомъ

карать, пытать, казнить и миловать. Слухъ о грядущей бѣдѣ повергъ въ страшное отчаяніе Антіохійцевъ, которые, вопреки совѣтамъ Златоуста, истиннаго отца несчастнаго города, начали разбѣгаться, оставляя домы, имущества и спасая жизнь свою. Флавіанъ, епископъ Антіохіи, не смотря на зимнее время года, неудобное для путешествій, свою старость, болѣзнь единственной горячо любимой сестры, рѣшился ѣхать (840 миль) въ Константинополь, предстать предъ императора, не помнившаго въ гнѣвѣ самаго себя, и испросить прощеніе мятежному городу.

Между тѣмъ императорскіе чиновники прибыли и начали кровавую расправу съ мятежниками. Допросы, пытки, темницы, казни, стоны матерей, лишавшихся мужей и дѣтей, стоны дѣтей, лишавшихся родителей и сродниковъ, всеобщій ужасъ наполнили Антіохію, городъ славный и царицу всего Востока... Въ сердцахъ Антіохіянъ, безумныхъ, безразсудныхъ и мятежныхъ (по отзыву поэта Авзонія), едва-едва мягкимъ ласкающимъ свѣтомъ искрилась надежда на то, что христіанскій еп. Флавіанъ съумѣетъ испросить прощеніе погибающему городу у христіанина-императора. Эту надежду въ прекрасныхъ своихъ рѣчахъ теперь и поддерживалъ св. Іоаннъ. Это былъ чистый елей, возливавшійся вдохновеннымъ пастыремъ-врачемъ, на сердечныя раны трепетавшихъ отъ ужаса антіохіянъ. Св. Флавіанъ спѣшилъ въ Константинополь: „какъ юноша, летѣлъ старецъ, окрыленный ревностію“. Что испытала его душа, видѣвшая много бурь на своемъ вѣку, во время этого путешествія? Что почувствовалъ великій святитель, когда предсталъ предъ могущественнымъ властелиномъ востока и запада хлопотать за тотъ городъ, въ которомъ опозорена была статуя его любимой императрицы Флациллы? Отправляя чиновниковъ, Θеодосій думалъ, что ему далѣе придется испытать лишь земныя чувства удовлетвореннаго страшной местью самолюбія—чувство

весьма сладкое для обладателя могуществомъ. Но нѣтъ: ему еще разъ пришлось поднять въ своей душѣ всю бурю гнѣва и горя, связанныхъ съ Антіохійскими событіями—для того лишь, чтобы за тѣмъ подъ вліяніемъ христіанскаго представителя милосердія испытать всю небесную сладость чувствъ, связанныхъ со всепрощеніемъ враговъ, не вѣдавшихъ, что творили. Величественный представитель правосудія встрѣтился лицемъ къ лицу съ смиреннымъ образомъ Христова милосердія— и послѣднее побѣдило. Святитель Флавіанъ зналъ, что за счастливымъ исходомъ его дѣла трепетной душой слѣдитъ 200,000-ная Антіохія: и язычники и христіане, и это наполняло его душу неземнымъ мужествомъ. Явившись предъ лице Ѳеодосія, святитель сталъ въ дверяхъ залы, съ поникшею головой, молча и лишь плачемъ умоляя о помилованіи его согражданъ. Онъ былъ въ сей моментъ воплощенною виновностью. Рѣчь Ѳеодосія звучала укоромъ виновнымъ, обидою на нихъ, раньше обласканныхъ милостями, за то, что они оскорбили въ своемъ неистовствѣ даже мертвыхъ. Ѳеодосій былъ спокоенъ, когда оканчивалъ свою рѣчь, мало думая еще о прощеніи оскорбителей. Епископъ Антіохіи началъ свое проникнутое горькою печалью слово, приготовленное, по вѣроятнымъ предположеніямъ, Златоустомъ. Св. Флавіанъ указывалъ, что преступленіе города не можетъ быть достойно наказано, что преступники въ великомъ ужасѣ отъ своего дѣла. Епископъ просилъ простить городъ: „Низвергнули-ли твои статуи? Но можно тебѣ воздвигнуть болѣе тѣхъ блистательныя. Если простишь вину оскорбившихъ и не подвергнешь ихъ никакому наказанію: они воздвигнутъ тебѣ не мѣдный, не златый, и не каменный столбъ на площади, но дражайшій всякаго вещества, украшенный человѣколюбіемъ и милосердіемъ. Такъ каждый изъ нихъ поставитъ тебя въ сердцѣ своемъ, и у тебѣ будетъ столько статуй, сколько есть и будетъ людей во вселенной!

Утверждають о блаженномъ Константинѣ, что когда нѣкоторые бросали камни въ его изображеніе, и когда многіе побуждали его наказать оскорбителей, представляя, что они все лицо его изранили камнями, то онъ, осязая лицо свое рукою и нѣсколько улыбнувшись, сказалъ: „Я не чувствую никакой раны на моемъ лицѣ, у меня цѣла и вся голова, цѣло и все лицо“. Это изрѣченіе его и донынѣ всѣ произносятъ. Долгое время не истребило изъ памяти сего великодушія царя. Не славнѣе ли оно многихъ трофеевъ? Прощеніе мятежниковъ, изреченное императоромъ-христіаниномъ, показало-бы язычникамъ, что „воистину великъ Богъ христіанскій“ — выяснилъ св. Флавіанъ. Онъ указывалъ далѣе, что, уважив ходатайство христіанскаго епископа, императоръ далъ-бы всѣмъ понять, что онъ „во всей подвластной ему державѣ болѣе всѣхъ уважаетъ священниковъ Божіихъ, хотя они и не знатны“. Послѣднимъ словомъ святителя было твердо высказанное имъ намѣреніе скорѣе удалиться въ ссылку—подальше отъ несчастнаго города, чѣмъ видѣть свое ходатайство неуваженнымъ и свой родной городъ непрощеннымъ, а главнымъ предметомъ рѣчи было святительское убѣжденіе императора послѣдовать скорѣе голосу милосердія, чѣмъ голосу правосудія, быть подражателемъ Господа, простившаго Своихъ враговъ въ минуту величайшихъ мученій на крестѣ. „Умоляю тебя подражать твоему Господу, Который, будучи ежедневно оскорбляемъ нами, не перестаетъ подавать всѣмъ блага свои. Не постыди меня въ надеждѣ, не отвергни моего предстательства“. Ходатаі умолкъ. Онъ ожидалъ рѣшенія судьбы Антіохіи. О, если-бы она могла угадать этотъ моментъ: какъ-бы тревожно забились сердца Антіохіянъ, какъ-бы они зарыдали, склонивъ свою повинную голову, умоляя о помилованіи. О, если-бы они могли въ сей моментъ слышать голосъ всесвѣтнаго повелителя, какъ-бы жадно они стали ловить каждый отзвукъ его рѣчи, каждое движеніе его глазъ, каждое

содроганіе мускуловъ на его „мужественномъ“ лицѣ! Вѣдь теперь шелъ вопросъ о жизни и смерти Антіохіи, царицы востока, бывшихъ во власти императора Θеодосія. Онъ какъ-бы колебался съ минуту, но она показалась Флавіану цѣлой вѣчностью: въ минуту можно много пережить. Бывали случаи, когда въ одинъ моментъ люди сѣдѣли. Θеодосій прослезился и сказалъ въ порывѣ христіанскаго великодушія, объятый, какъ пламенемъ, чувствомъ всепрощенія, свое царское слово. Онъ прощалъ Антіохію, прощалъ ей оскорбленіе своего величія и памяти своей любимѣйшей почившей супруги, потому что, „если и Господь вселенной, Который для насъ сошелъ на землю, для насъ принялъ зракъ раба и былъ распятъ облагодѣтельствованными Имъ, молился за распинателей Отцу Небесному: „Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что̀ творятъ“,—то какъ не простить ругавшихся надо мною мнѣ, подобному имъ, человѣку“! За обѣдомъ царскимъ святитель былъ внѣ себя отъ духовнаго одушевленія, распѣвая стихи объ отчаяніи и покаяніи Антіохійцевъ. Приближалась Пасха и еп. Флавіанъ въ знакъ благодарности къ императору хотѣлъ провести ее въ Константинополѣ, но императоръ просилъ еп. Флавіана къ Пасхѣ прибыть въ Антіохію, чтобы въ сей великій день она могла ликовать, „увидѣвъ своего кормчаго“, привезшаго ей согласіе оскорбленнаго императора изгладить изъ памяти все грустное прошедшее Антіохіи. Привезенный нарочитымъ гонцомъ императорскій указъ былъ составленъ въ семъ смыслѣ и Антіохія, по нему, получила обратно на время отнятыя у нея всѣ преимущества столичнаго города всего востока; даже бѣдные были обрадованы обычной годовой раздачей хлѣба, хотя, какъ мятежники, не могли на сіе разсчитывать.

Что-же великій ораторъ, утѣшитель народа въ его горестяхъ, соучастникъ его необычныхъ радостей? Онъ ликовалъ, радуясь торжеству христіанскаго Бога, вели-

чію вліянія своего епископа, посрамленію язычниковъ-философовъ, ничего для облегченія судьбы города не сдѣлавшихъ, пораженію язычества. „А вотъ иноки, подобно ангеламъ, спустившись съ своихъ пустынныхъ высотъ, устрашили величіе меча и скипетра славою христіанской святости“—говорилъ проповѣдникъ, вспоминая изъ прошлаго, какъ на пути слѣдованія императорскихъ чиновниковъ плотными рядами стали иноки и умоляли судей быть снисходительнѣе къ виновнымъ, коихъ пытали и казнили безъ жалости. Но прошедшій урокъ не пропалъ даромъ. Антіохійцамъ глубоко сталъ памятенъ великій постъ 387 года со всѣми его ужасами. Они научились горькимъ опытомъ почитать силу христіанскаго епископа. Его смѣлости и мужеству они были обязаны своими послѣдними великими радостями. И Антіохійцы были глубоко благодарны св. Флавіану, что выразилось въ торжественной встрѣчѣ своего святителя-спасителя. Онъ едва успѣлъ возвратиться къ началу Пасхи. „Никогда еще пасхальная заря не загоралась такъ ярко надъ Антіохіей. Многимъ изъ народа казалось, что они вмѣстѣ со Христомъ воскресли изъ мертвыхъ“ *)—говоритъ Фарраръ. Въ своей знаменитой бесѣдѣ, произнесенной въ день Пасхи 381 г., св. Іоаннъ описалъ всю исторію путешествія св. Флавіана, заключивъ проповѣдь увѣщаніемъ къ многочисленному народу, тысячами тѣснившемуся въ главный храмъ, украшать жизнь свою розами добродѣтели, а душу—свѣтильниками мудрости и благочестія, подобно тому, какъ Антіохійцы въ порывахъ радости украсили дома цвѣтами и иллюминаціей.

Счастливымъ исходомъ бѣдствія, облегченіемъ сердечной скорби Антіохія обязана была въ значительной мѣрѣ Златоусту, который былъ, такъ сказать, душою ходатай-

---

*) «Власть тьмы въ царствѣ свѣта» соч. Фаррара. Спб. 1896 г. 71 стр.

ства за смятенный народъ. Послѣдній теперь слишкомъ хорошо узналъ увлекательную силу ораторскаго таланта Златоуста для того, чтобы внимательно относиться къ совѣтамъ и предостереженіямъ, укорамъ и обличеніямъ, исходившимъ изъ его „златыхъ“ устъ. Никто раньше, какъ теперь Златоустъ, никогда не владѣлъ умами и сердцами Антіохіянъ. „Теперь именно достигло высшаго обнаруженія его значеніе, какъ всенароднаго церковнаго учителя Антіохіи. Съ этого-же времени проповѣдническое слово его, прошедшее чрезвычайное упражненіе въ девятнадцати сряду сказанныхъ бесѣдахъ по поводу событія 387 года, сохраняя свойства любви, кротости, простоты живости, пріобрѣло черты нѣкоторой властности, господственности учителя надъ учениками, отца надъ дѣтьми“ *). Св. Іоанна знала вся Антіохія. Онъ пріобрѣлъ великій нравственный авторитетъ надъ пасомыми, коихъ число было весьма велико. Но великія нравственныя потрясенія, связанныя съ антіохійскимъ бѣдствіемъ, которое св. Іоаннъ пережилъ въ душѣ, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, не прошли для подвижника-пастыря даромъ: болѣзнь уложила его въ постель на нѣсколько недѣль послѣ Пасхи. Въ августѣ 387 г. Златоустъ уже безостановочно продолжалъ свое пастырско-проповѣдническое служеніе.

Антіохія была мѣстомъ ораторскаго торжества Златоуста, мѣстомъ, гдѣ росла его слава, какъ великаго христіанскаго оратора, своимъ блескомъ помрачившая даже славу ритора Ливанія, какъ Константинополь, новая столица міра, сталъ впослѣдствіи причиной страданій св. Іоанна, нравственныхъ и физическихъ, коихъ концомъ былъ далекій Питіунтъ, на пути къ которому великій страдалецъ-мученикъ „безъ пролитія крови“ скончался. Но тучи на горизонтѣ жизни св. Іоанна появились гораздо позднѣе и въ настоящемъ блестящемъ положеніи

*) Труды... 1891, I, 301.

великаго проповѣдника еще ничто не предвѣщало столь печальный конецъ. И еслибы кто предположилъ его, то, конечно, былъ бы встрѣченъ насмѣшками. Лишь, быть можетъ, св. Іоаннъ, хорошо освѣдомленный о жизни св. мужей Божіихъ, предсказалъ бы себѣ сію участь, еслибы имѣлъ смѣлость считать себя въ ихъ числѣ. Но онъ о себѣ былъ самаго скромнаго мнѣнія. Другіе, какъ Ливаній, справедливо были о немъ противнаго мнѣнія. Ливанія предъ смертью († 395 г.) ученики спросили: кого онъ хочетъ назначить своимъ преемникомъ? Іоанна,—отвѣтилъ ихъ учитель, съ глубокимъ сожалѣніемъ, что „его у него отняли христіане“ и его не кѣмъ было замѣнить. Это безпристрастный отзывъ о силѣ ораторскаго таланта Златоуста. Слава Златоуста, какъ пастыря-оратора, проникла далеко за предѣлы Антіохіи, распространяясь ~~по Сиріи,~~ Египту и дошла до Константинополя. Съ 395 г. въ немъ уже царилъ другой императоръ — Аркадій, сынъ, совершенно непохожій на своего великаго отца Ѳеодосія. Это былъ слабый, вялый, пресыщенный жизнью и властью восемнадцатилѣтній юноша. Всѣми дѣйствіями его руководилъ временщикъ Евтропій, преемникъ знаменитаго Руфина. Въ жизни Златоуста онъ съигралъ, быть можетъ, самую важную роль. Ему—Евтропію — именно св. Іоаннъ обязанъ тѣмъ, что сталъ архіепископомъ Константинополя и патріархомъ Востока. И въ жизни Евтропія это, быть можетъ, было самое благородное дѣло, когда онъ, низкій, презрѣнный, лживый и хитрый старикъ, первый и единственный разъ въ своей порочной жизни послѣдовалъ голосу своей совѣсти, ко благу церкви воспользовался своею властью и вліяніемъ на императора, посовѣтовавъ ему на мѣсто скончавшагося Нектарія, преемника Григорія Богослова, избрать краснорѣчиваго антіохійскаго пресвитера-подвижника.

Евтропій когда-то имѣлъ случай слушать краснорѣчивую рѣчь св. Іоанна въ Антіохіи. „Въ его пламен-

номъ краснорѣчіи Евтропій признавалъ вопль, исходящій изъ глубины человѣческаго сердца. Никогда онъ раньше не слыхалъ столь неземныхъ тоновъ и столь сильной, пламенной искренности. Его слова подобно молніи озаряли внутреннюю сущность каждаго, обнажая ту мрачную бездну злобы, ожесточенности и коварства, подъ которыми, подобно погасающей искрѣ подъ толстымъ слоемъ пепла, томилась истинная натура человѣка, какимъ его создалъ Богъ“ *). Прекрасное впечатлѣніе отъ суровой рѣчи св. Іоанна неизгладимо врѣзалось въ памяти испорченнаго Евтропія и онъ вспомнилъ объ антіохійскомъ проповѣдникѣ теперь, когда освободился за смертью архіепископа Нектарія константинопольскій престолъ. Это было въ концѣ 397 г. Явилось весьма много кандидатовъ на эту должность, „которая въ рукахъ достойнаго и вѣрнаго своему долгу человѣка могла бы считаться одной изъ величайшихъ должностей въ мірѣ“, по мнѣнію Феррара **). Но всѣ кандидаты на константинопольское епископство были уже тѣмъ недостойны, что хотѣли добиться его путемъ подкуповъ, упрашиваній лести, пресмыкательства предъ власть имущими. Были такіе искатели, которые устраивали сходки или сборища и ставъ предъ толпою на колѣна, упрашивали ее подать голосъ за нихъ: такъ имъ хотѣлось архіепископства и связаннаго съ нимъ блестящаго положенія при дворѣ, а о важности сана, о связанной съ нимъ отвѣтственности за души многочисленныхъ пасомыхъ они не помышляли. „О, жалкіе люди! священники по названію, но недостойные священства!“—восклицаетъ Палладій ***). Конечно, такихъ недостойныхъ носителей сана было весьма немного. Всѣ избиратели и вліятельныя лица при дворѣ понимали, что нельзя предоставить столь

*) Фарраръ. «Власть тьмы въ царствѣ свѣта», 146 стр.
**) Тамъ же, 146.
***) Жизнь св. Іоанна. 266 стр.

высокую каѳедру какому-нибудь проходимцу, болѣе другихъ искусному. Надо было найти такое лицо, съ которымъ никто бы не могъ идти въ сравненіе: это требовалось уже самымъ достоинствомъ константинопольской каѳедры. Въ это тревожное время при дворѣ жилъ Ѳеофилъ, патріархъ Александрійскій. Онъ выставилъ своего кандидата на константинопольскую каѳедру, священника Исидора, человѣка хорошей жизни, достаточно умнаго, бывшаго въ должности попечителя о пришельцахъ и бѣдныхъ (въ Александріи), но все же не настолько знаменитаго, чтобы имъ можно было замѣстить свободную столичную каѳедру. Но рекомендаціи Ѳеофила не довѣряли. При томъ самъ Исидоръ скрылся въ Александрію, когда узналъ, что его хотятъ поставить въ избирательный списокъ. Евтропій своею находчивостью вывелъ всѣхъ изъ затрудненія. Онъ представилъ собору епископовъ, бывшему въ Константинополѣ, кандидатомъ на архіепископію такое лицо, о блестящихъ достоинствахъ котораго слава гремѣла по всему востоку послѣ антіохійскаго бунта. Это былъ св. Іоаннъ. Императоръ утвердилъ выборъ клира и народа, къ вящей досадѣ мстительнаго Ѳеофила.

Но св. Іоаннъ, пастырствуя въ Антіохіи, конечно, не зналъ о томъ, что имя его въ Константинополѣ было у всѣхъ на устахъ, что всѣ ждали его пріѣзда и посвященія въ архіепископа Константинопольскаго и патріарха всего Востока. Онъ безостановочно занимался проповѣдью, исполняя и другія обязанности своего званія: посѣщая больныхъ и бѣдныхъ, помогая имъ деньгами и вліяніемъ, вразумляя и утѣшая, поддерживая отношенія съ пустынниками, отъ которыхъ оторвало его пастырство.

Плодотворно-ли было проповѣдническое служеніе св. Іоанна въ Антіохіи? Да, оно оказало сильное, неотразимое и глубокое вліяніе на жизнь Антіохійцевъ въ весьма многихъ отношеніяхъ. Раньше пресыщенные и избалованные различнаго рода риторами, они было по-

теряли уваженіе къ пастырскому слову, интересуясь болѣе его внѣшними качествами, нежели внутренними достоинствами. Св. Іоаннъ научилъ ихъ уважать и цѣнить пастырскія увѣщанія и стараться пользоваться ими въ жизни по выходѣ изъ церкви. Благочестіе стало процвѣтать въ Антіохіи. Церкви посѣщались весьма усиленно; службы въ нихъ правились торжественно; народъ выстаивалъ службы до конца; семейная жизнь стала выше; родители начали посылать дѣтей своихъ для религіознаго воспитанія къ пустынникамъ. Клятвы стали раздаваться рѣже. Благотворительность возросла. Театры потеряли свою прелесть для Антіохійцевъ. Всѣ эти явленія были весьма замѣтны въ нравственной жизни города, составляя плоды 12-лѣтней пастырской ревности Златоуста. Пастырь и паства любили и понимали другъ друга; у нихъ были общими и печали и радости духовной жизни. Они не думали между собою разставаться. Если-бы Антіохійцамъ сказали, что ихъ любимаго проповѣдника, ихъ радость, гордость и отраду, хотятъ отнять у нихъ, то они день и ночь стали бы стеречь его, доколѣ воображаемая опасность не миновала бы, и никогда бы добровольно отъ себя его не пустили. Если-бы св. Іоаннъ узналъ, что ему предстоитъ судьба гораздо болѣе блестящая, то онъ никогда бы не промѣнялъ свою родную Антіохію съ ея великолѣпнымъ храмомъ, съ мощами мучениковъ, на невѣдомое счастье въ другой странѣ, никогда бы не разстался „съ городомъ апостоловъ", гдѣ его такъ любили и его пастырскому слову покорялись — тѣмъ болѣе, что все это ему стоило громадныхъ пастырскихъ трудовъ и болѣзней. А что достается труднѣе, обыкновенно дороже цѣнится.

Однако, Промыслъ Божій судилъ иное. И для Златоуста и для Антіохіянъ это было неожиданностью. Какъ же это случилось?

Въ Константинополѣ не знали, какъ увезти св. Іоанна изъ Антіохіи, ибо были справедливо увѣрены, что на-

родъ добровольно не пуститъ своего любимаго пастыря Боялись и того, что Златоустъ, узнавъ объ избраніи, снова скроется, какъ было уже разъ, когда его избрали во епископа, ибо смиреніе его не покинуло на вершинѣ ораторской славы. Но изворотливый Евтропій нашелся. Онъ указалъ восточному правителю Астерію средство тайнымъ образомъ доставить новоизбраннаго въ Константинополь, посовѣтовавъ лишь дѣйствовать осторожно. Астерій, выбравъ время и людей, пригласилъ однажды за городъ св. Іоанна помолиться, какъ онъ писалъ, св. мученикамъ и переговорить о важномъ дѣлѣ. Удивленный необычайностью приглашенія, Златоустъ не замедлилъ явиться въ назначенное мѣсто. Астерій и Златоустъ усѣлись въ коляску, которая доставила ихъ до первой станціи, а тамъ почетнаго плѣннаго уже ждали посланные отъ императора, которые, по перемѣнѣ лошадей, отправились съ нимъ въ Константинополь. Златоусту не суждено было болѣе видѣть ни родной Антіохіи, ни Сингонской улицы, ни великаго храма, а антіохійской паствѣ—своего любимаго оратора.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Служеніе св. Іоанна въ званіи Константинопольскаго Архіепископа и Патріарха Востока.

«Мой обычай таковъ, чтобы терпѣть гоненіе, а не гнать, быть утѣсняему, а не утѣснять».

Златоустъ.

Во все время пріятнаго пути до Константинополя св. Іоаннъ мучился неизвѣстностію: зачѣмъ онъ понадобился въ шумной столицѣ? Разгадка скоро послѣдовала. Въ Константинополѣ онъ былъ торжественно встрѣченъ на-

родомъ и властями. Императоръ Аркадій, которому представилъ св. Іоанна Евтропій, назначилъ днемъ посвященія 26 февраля (398 года). Для посвященія Златоуста вызваны были наиболѣе старѣйшіе епископы, почему оно отличалось особой торжественностію. По посвященіи св. Златоустъ произнесъ первую бесѣду, до насъ недошедшую, которая произвела сильное впечатлѣніе на народъ. Надобно замѣтить, что Нектарій, преемникъ великаго Богослова и предшественникъ Златоустаго оратора по каѳедрѣ, не отличался даромъ слова. До принятія каѳедры Нектарій былъ міряниномъ, даже не былъ крещенъ, что тогда часто случалось, къ епископству не имѣлъ призванія, выборъ его былъ случаенъ и неожиданъ. Нектарій былъ честный человѣкъ, но слишкомъ безхарактерный вельможа. Въ жизнь епископа онъ ввелъ привычки вельможи, пріучилъ вельможъ посѣщать епископскія пиршества, до которыхъ и самъ былъ большой охотникъ. Мало понимая сущность управленія церковію и будучи весьма недѣятеленъ, Нектарій не съумѣлъ остановить быстро увеличивавшейся распущенности нравовъ въ клирѣ и мірянахъ, чѣмъ и создалъ трудную задачу своему преемнику.

Преемникъ былъ совершенною противоположностію своему предшественнику. „Предъ лицо двора развратнаго и пышнаго, который занимался церковными дѣлами между наслажденіями, Евтропій поставилъ непреклоннѣйшаго изъ иноковъ; предъ лицо клира, до крайности суетнаго, — отшельника, благоговѣвшаго предъ одною пустынею; передъ лицо общества, гордаго своимъ богатствомъ и роскошью,—человѣка, которому богатство внушало ужасъ, и который до послѣдней крайности отличался простотою жизни“ *). Св. Іоаннъ не убоялся трудности возлагаемой на него саномъ и обстоятель-

*) А. Тьерри. Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдокія. Переводъ. Москва. 1884 г., стр. 26.

ствами задачи, а, сознавая ее, призывалъ лишь на помощь Божію благодать, все немощное укрѣпляющую и недугующее восполняющую. Св. Іоаннъ на первыхъ же порахъ заявилъ себя весьма дѣятельнымъ, какимъ былъ и всю жизнь, несмотря на непривычную ему новизну лицъ, событій, обстановки, сана и его обязанностей. Въ сіе время св. Іоанну шелъ 52 годъ. Оно было могучимъ разцвѣтомъ его геніальныхъ духовныхъ дарованій. Слава св. Іоанна теперь достигла своего апогея. Скоро весь Константинополь заговорилъ о новомъ архипастырѣ. Народъ толпами спѣшилъ въ церковь послушать знаменитаго витію. Цѣнителей его ораторскихъ дарованій было здѣсь много, но исполнителей пастырскихъ увѣщаній было гораздо меньше, чѣмъ въ Антіохіи. Оттуда на крыльяхъ стоустной молвы прилетѣли всѣ подробности жизни и служенія св. Іоанна, но всѣ слухи являлись лишь слабымъ отголоскомъ того, что пришлось видѣть самимъ жителямъ столицы „втораго Рима". Св. Іоанна стали величать Златоустымъ, рукоплескать его проповѣдямъ и репутація его, какъ оратора, установилась весьма быстро: самые строгіе цѣнители его ораторскаго искусства остались отъ него въ изумленіи и предъ нимъ преклонились. Св. Іоаннъ со свойственной ему энергіей, которой ничуть не ослабилъ пожилой возрастъ, немощи тѣла и многочисленность новыхъ обязанностей, быстро принялся за исправленіе нестроеній церковныхъ, которыхъ время и бездѣятельность Нектарія накопили громадное количество. „Обширное поле открылось теперь для дѣятельности св. Іоанна и почти необозримы дѣла, которыя совершилъ онъ въ немногіе годы пастырскаго служенія" *).

Какъ аскетъ, св. Іоаннъ началъ съ епископскаго дворца, въ которомъ все—отъ слугъ до мебели—показалось ему чрезвычайно роскошнымъ. Св. Іоаннъ ни-

*) А. Филаретъ. II, 281.

когда не заботился о блестящей обстановкѣ своей епископской жизни и ея удобствахъ: онъ доволенъ былъ весьма малымъ. Епископскій дворецъ былъ роскошенъ и обширенъ; Златоустъ занялъ въ немъ лишь три-четыре комнаты. Во дворцѣ была роскошная мебель; Златоустъ всю ее продалъ, а деньги роздалъ бѣднымъ; свои же жилыя комнаты украсилъ самою простою мебелью.

„Не было болѣе видно шелка на немъ, ни золотой парчи, ни багряницъ на его свитѣ: самыя простыя ткани на ней и родъ монашескаго одѣянія на самомъ архіепископѣ—вотъ неожиданная новость, поразившая Константинополь“ *). Нектарій для поддержанія достоинства своего держалъ многочисленный штатъ прислуги; Златоустъ удовольствовался услуженіемъ двухъ-трехъ преданныхъ лицъ, а остальныхъ удалилъ. Расходы по столу аскетъ-архипастырь сократилъ до крайности; пиры, къ которымъ привыкла константинопольская знать, Златоустомъ были сразу же уничтожены; онъ обѣдалъ всегда одинъ, довольствуясь весьма скромною пищею. Златоустъ и самъ не посѣщалъ роскошныхъ пиршествъ константинопольскаго двора, ибо не желалъ терять дорогое время, предназначенное для пастырскаго дѣланія.

Строгій къ самому себѣ, святитель Златоустъ былъ столь же строгъ къ пастырямъ и къ пасомымъ. И тѣ, и другіе увидѣли въ немъ ревностнаго, справедливаго и настойчиваго обличителя своихъ пороковъ. Такіе дѣятели, какъ Златоустъ, быстро наживаютъ себѣ враговъ, непримиримыхъ и злобныхъ. Простота жизни Златоуста уже возбудила большое удивленіе въ той массѣ лицъ, которые думали, что богатство и роскошь—необходимая прибавка къ жизни власть и почести имущихъ, безъ которой нельзя быть и считаться вельможей. И простой народъ скоро увидѣлъ, что Златоустъ тратилъ на себя

*) Тьерри, 35.

мало средствъ потому, что любовь его къ бѣднымъ, голоднымъ и холоднымъ почти не имѣла себѣ предѣловъ. Скоро убѣдились, что Златоустъ всѣ свои средства тратилъ на помощь бѣднымъ. А средства Константинопольской каѳедры были весьма велики. И св. Іоаннъ, еще въ Антіохіи прозванный „защитникомъ бѣдныхъ", умѣлъ эти богатства расходовать по апостольски. Странники, немощные, больные и бѣдные были любимыми гостями у св. Іоанна, удалявшагося отъ роскошныхъ пиршествъ знати. И самъ св. Іоаннъ любилъ навѣщать бѣдныхъ и несчастныхъ, дѣлая имъ неизрѣченную радость видѣть своего самоотверженнаго пастыря. Простой народъ съ любовію относился къ своему пастырю, толпами стремясь на его сладко-словесныя бесѣды. Впрочемъ, вначалѣ св. Іоаннъ не находилъ въ сердцахъ богачей и знати сочувствія своимъ заботамъ о бѣдныхъ. Богачи мало помогали ему своимъ золотомъ. И рѣчи св. Іоанна противъ богатства и богатыхъ, имъ злоупотреблявшихъ, лившіяся огненнымъ потокомъ въ ихъ ожесточенныя души, были для нихъ горькимъ ѧдомъ, а не пріятною пищею. Впрочемъ, кто же могъ устоять противъ огненнаго краснорѣчія св. Іоанна, когда онъ громилъ роскошь и распущенность богатыхъ, забвеніе ими нуждъ бѣдныхъ и больныхъ, когда онъ говорилъ о „царицѣ добродѣтелей" милостынѣ, какъ величайшемъ долгѣ христіанъ, открывающемъ имъ двери вожделѣннаго̊ рая и его святыхъ радостей? Подъ вліяніемъ рѣчей Златоуста, и богатые проявили сильную заботливость о бѣдныхъ и больныхъ. Благодаря Златоусту, быстро пришли въ порядокъ богоугодныя заведенія, раньше устроенныя, и кромѣ того появилось весьма много новыхъ богадѣленъ, больницъ вокругъ храма Господня, представлявшихъ собою лучшіе „плоды христіанскаго человѣколюбія". Надзоръ за больницами св. Іоаннъ поручилъ наиболѣе безкорыстнымъ пастырямъ. Обращая всѣ свои деньги на помощь бѣднымъ, Златоустъ не могъ все-

таки удовлетворить всѣхъ нуждъ сего многочисленнаго класса, почему однажды продалъ нѣсколько даже священныхъ сосудовъ для той же великой цѣли. Чтобы удобнѣе помогать бѣднымъ, онъ сдѣлалъ распоряженіе въ извѣстные сроки собирать ихъ въ одно мѣсто: какая раскрывалась тротательная картина, когда милостивый архипастырь появлялся въ сей сорока-тысячной толпѣ, разсыпая радость и помощь всѣмъ, кто ея былъ достоинъ; благословенія и знаки любви были наградою Златоусту за его любовь къ бѣдности и нищетѣ. Популярность его росла быстро.

Одновременно съ заботами о бѣдныхъ шли обличенія пороковъ, духовенства, дѣвственницъ, монастырей. И тутъ у св. Іоанна нашлись враги; ими стали тѣ, которыхъ особенно касались пламенныя рѣчи проповѣдника. Онъ былъ новымъ Іоанномъ въ этомъ Вавилонѣ разврата. Было, дѣйствительно, чѣмъ возмущаться! Священнослужители полюбили балы, пиршества богатыхъ болѣе, чѣмъ труды пастырства. Служителямъ алтаря для пропитанія было мало доходовъ церковныхъ: по свойственному многимъ изъ нихъ корыстолюбію они весьма усердно заботились о составленіи завѣщаній въ свою пользу, любили строить роскошныя помѣщенія для себя, пріобрѣтали земли и т. д. Златоустъ вооружился противъ сихъ безпорядковъ нравственной жизни пастырей, чѣмъ нажилъ въ нихъ средѣ себѣ много враговъ. Пастырей св. Іоаннъ убѣждалъ жить сообразно своему призванію, а пасомыхъ—доставлять все необходимое для безбѣднаго существованія духовенства.

Со всей силой своего убѣжденія возсталъ св. Іоаннъ противъ совмѣстной жизни пастырей-иноковъ съ дѣвственницами. Нѣкоторые пастыри того времени считали иночество самымъ удобнымъ средствомъ для выполненія цѣлей пастырскаго служенія. Но въ то же время насущныя житейскія хлопоты заставляли сихъ дѣвственниковъ брать къ себѣ въ домъ благочестивыхъ жен-

щинъ и дѣвъ, съ которыми жили подъ одной кровлей, ѣли съ одного стола и называли другъ друга братьями и сестрами. Иногда сожительницы оказывались очень пристрастными къ свѣтскимъ удовольствіямъ, что̀ заставляло покровительствовавшихъ имъ духовныхъ лицъ отвлекаться отъ пастырскихъ заботъ. Этотъ обычай вызвалъ понятныя и иногда справедливыя насмѣшки со стороны иновѣрныхъ (язычниковъ и евреевъ), а со стороны Златоуста, какъ и другихъ достойныхъ пастырей того времени, горкія укоризны и жестокія обличенія, ибо отъ сего обычая происходило много несправедливыхъ нареканій на духовныхъ лицъ. „Бойтесь, — говорилъ такимъ пастырямъ св. Іоаннъ, — разслабить свои силы, потерять энергію чрезъ обращеніе съ женщинами. А это неизбѣжно съ вами случится, если вы ихъ часто будете посѣщать. Знайте, что онѣ содѣлаютъ васъ слабыми, неразумными, неосторожными, гнѣвливыми, дерзкими, раздражительными, низкими, презрѣнными, скупыми, жестокими, пустыми, изнѣженными, каковы онѣ сами“. Въ сихъ словахъ указываются опасности для пастырей-иноковъ отъ обращенія съ женщинами.

Институтъ дѣвственницъ подвергся нравственной порчѣ, которую всѣми мѣрами пастырскаго воздѣйствія Златоустъ старался искоренить. Нѣкоторыя дѣвственницы, посвятившія себя на служеніе Господу, и вдовы, благоговѣйныя и воздержныя, позволяли въ своихъ домахъ распоряжаться житейскими нуждами мужчинамъ. „Если сихъ лицъ нельзя причислить ни къ разряду дѣвъ, ни къ разряду женъ замужнихъ, то остается одно: отнести ихъ къ состоянію потерянныхъ женщинъ“—писалъ св. Іоаннъ. Въ Константинополѣ было нѣсколько монастырей, въ которыхъ строгость иноческой жизни быстро исчезла подъ растлѣннымъ вліяніемъ столицы. Населявшія ихъ монахини болѣе „помышляли о баняхъ, благовоніяхъ и нарядахъ, чѣмъ о постѣ и молитвѣ“. Принятыя Златоустомъ мѣры къ очищенію монашеской

нравственности достигли того, что сіи „училища нравственности“ стали достойны своего наименованія.

Изъ дѣвственницъ и благочестивыхъ вдовъ выбирались наилучшія въ церковное званіе „діакониссъ“. Ихъ обязанности были тѣ же для женщинъ, какія у діаконовъ для мужчинъ. Діакониссы посѣщали темницы, помогали больнымъ и т. д. Богатыя изъ нихъ жертвовали свое состояніе въ пользу церкви, которой служили. Суетность и пристрастіе къ непозволительнымъ удовольствіямъ омрачали ихъ званіе, что и послужило предметомъ пастырскихъ попеченій неутомимаго св. Іоанна. Впрочемъ, въ рядахъ діакониссъ были иногда истинныя подвижницы, какъ, напримѣръ, Олимпіада, судьба которой тѣсно связана съ судьбой св. Іоанна Златоуста, бывшаго руководителемъ въ ея духовной жизни, исполненной благотвореній и милостыни. Олимпіада, „украшеніе вдовъ церкви восточной“, была воспитанницею Өеодосіи, сестры св. епископа Амфилохія. Поучительна исторія жизни этой замѣчательной женщины. Она вышла замужъ за юношу, бывшаго главнымъ управителемъ царскихъ имѣній Өеодосія Великаго и вмѣстѣ константинопольскимъ префектомъ. Но мужъ Олимпіады чрезъ два года скончался. Она, давъ обѣтъ посвятить свое вдовство Господу, начала служить бѣднымъ и больнымъ. Өеодосій же скоро нашелъ ей другаго жениха, еще болѣе знаменитаго, чѣмъ первый. Это былъ весьма близкій родственникъ императора, Елпидій. Отказъ Олимпіады, проистекавшій изъ ея твердости разъ данному обѣту, послужилъ началомъ гоненій, обрушившихся на нее со стороны разгнѣваннаго императора. Происходя изъ знаменитой и богатой фамиліи, Олимпіада владѣла громадными богатствами, которыми распоряжалась къ пользѣ церкви и бѣдныхъ. Өеодосій Великій отнялъ у Олимпіады распоряженіе ея имуществомъ и имѣніями, запретилъ ей видѣться съ духовными лицами, выѣзжать изъ Кон-

стантинополя, и пр. Никакія гоненія не могли поколебать твердости Олимпіады. Оскорбленная діакониса написала императору: „Благодарю тебя, августѣйшій монархъ, за то, что съ мудростью и благоволеніемъ, достойнымъ не только государя, но и епископа, ты соизволилъ возложить на себя управленіе моимъ имѣніемъ и тѣмъ облегчить мнѣ тяжесть земныхъ заботъ. Соблаговоли увѣнчать твое дѣло, раздавъ это богатство бѣднымъ и церквамъ, какъ я это намѣревалась сдѣлать. Твои уполномоченные это исполнятъ съ большимъ знаніемъ дѣла, а сверхъ того ты избавишь меня отъ уколовъ преступнаго тщеславія, которые очень часто сопровождаютъ благотвореніе“ [1]). Этотъ мужественный отвѣтъ Олимпіады, побудившій императора возвратить ей права распоряженія своими богатствами, вполнѣ оправдываетъ замѣчательный отзывъ о ней діакона Палладія: „Олимпіада обладала сердцемъ по истинѣ великодушнымъ, и кто узнавалъ ее и видѣлъ соединеніе такой красоты и прелести съ мужественной и твердой смѣлостію духа, которая презирала мелочи свѣта, всякій страхъ и опасность,—тотъ колебался назвать ее женщиной“. Между прочимъ сей Олимпіадѣ Златоустъ далъ совѣтъ не слишкомъ довѣрять епископамъ и священникамъ, которые взялись быть благотворителями изъ ея имущества и отъ ея имени, но предложилъ дать ему одному право распоряжаться ея имѣніями для помощи бѣднымъ, что Олимпіада съ удовольствіемъ исполнила, ибо св. Іоанну она довѣряла болѣе, чѣмъ отцу. Ея обильныя милостыни, по сравненію св. Іоанна, лились широкой рѣкой, которая, протекая до концъ земли, обиліемъ водъ своихъ превосходила самый океанъ: всѣ церкви испытали ея благотворительность.

У Олимпіады, какъ діакониссы, были весьма достой-

---

[1]) Тьерри, 56.

ныя подруги по должности, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательна Пентадія тѣмъ, что, какъ жена консула Тимасія, пострадавшаго отъ Евтропія, сосланнаго за оскорбленіе величества въ ссылку, чуть было не удостоилась одной участи съ невинно-оклеветаннымъ мужемъ. Она нашла убѣжище въ церкви, которая спасла ее отъ постыдной участи. Евтропій приказалъ силою взять гонимую изъ церкви, чѣмъ нарушилъ право убѣжища, дарованное христіанской церкви. Тутъ вступился за Пентадію Златоустъ, какъ охранитель правъ и интересовъ церковныхъ, и успѣлъ отстоять предъ императоромъ право убѣжища. Пентадія всю жизнь была признательна св. Златоусту, явившемуся спасителемъ ея жизни. Впослѣдствіи она сдѣлалась украшеніемъ сословія діакониссъ.

Борьба между архіепископомъ столицы св. Іоанномъ и всесильнымъ министромъ Евтропіемъ по вопросу о правѣ убѣжища окончилась гибелью послѣдняго. Евтропій былъ сдѣланъ консуломъ (т. е. первымъ сановникомъ имперіи послѣ священной особы императора), что еще болѣе прибавило надменности этому хитрому и нравственно ничтожному человѣку. Судьба какъ бы въ насмѣшку наградила Евтропія этой высшей почестью, какой могъ удостоиться придворный сановникъ того времени (и притомъ евнухъ), лишь для того, чтобы низринуть его съ этой головокружительной высоты, дабы паденіе его было болѣе ужаснымъ и поразительнымъ. Св. Іоаннъ Златоустъ принималъ участіе въ сей борьбѣ, достойное его личности. Св. архипастырь былъ противникомъ Евтропія до тѣхъ поръ, пока не успѣлъ защитить церковные интересы о правѣ убѣжища, котораго Евтропій былъ нарушителемъ. Достигнувъ возстановленія закона о правѣ церковнаго убѣжища, св. Іоаннъ явился далѣе защитникомъ Евтропія, которому Промыслъ Божій за гордость, несправедливости, имъ содѣянныя, послалъ цѣлый рядъ бѣдствій въ достойное

возмездіе. Гордый консулъ забылся до того, что осмѣлился оскорбить самое императрицу Евдокію, которая со слезами на глазахъ, приведя своихъ дѣтей къ императору Аркадію, потребовала отъ него наказанія Евтропію. Аркадій приказалъ ему оставить всѣ должности и содержаться подъ стражей до окончательнаго рѣшенія. Несчастный временщикъ понималъ, что рѣшеніемъ будетъ ему смертная казнь, но заступниковъ у него не оказалось. Что было дѣлать? Онъ, недавно управлявшій „всѣми дѣйствіями императорской власти“, принужденъ былъ бѣгствомъ скрыться подъ защиту церкви. Лишь теперь онъ вспомнилъ о правѣ убѣжища, которое самъ-же раньше отмѣнилъ. Св. Іоаннъ укрылъ несчастнаго бѣглеца отъ ярости враговъ, весьма многочисленныхъ, не смотря на то, что раздраженная императрица приказала было военной силой взять Евтропія отъ церковнаго жертвенника. „Вы убьете Евтропія не раньше, какъ умертвивъ меня“ — сказалъ ревностный защитникъ церковныхъ правъ и преимуществъ св. Іоаннъ, въ такихъ случаяхъ „всегда оказывавшійся на высотѣ свойственнаго его сану величія и непреклоннаго великодушія“. Его потребовалъ императоръ для объясненій, которыхъ слѣдствіемъ была лишь ссылка Евтропія. Но Промыслъ готовилъ ему новый и послѣдній ударъ. Св. Іоаннъ, по случаю сихъ поразительныхъ обстоятельствъ, сказалъ проповѣдь, „въ которой огненными красками изображалась суетность человѣческая“ и непрочность земнаго величія. Мѣстомъ ссылки Евтропія былъ назначенъ островъ Кипръ.

Начальникъ римскихъ войскъ Гайна, готъ по происхожденію и аріанинъ по исповѣданію, по порученію Аркадія, отправился въ 398 году въ походъ для усмиренія мятежника Требигальда, который возмутилъ часть Фригіи, отпавшей теперь отъ имперіи. Гайна, измѣннически соединившись съ Требигальдомъ, потребовалъ отъ Аркадія головы Евтропія, доложивъ императору, что страшнаго бунтовщика можно успокоить только этимъ

средствомъ. Аркадій согласился и Евтропій, быть можетъ, не достигнувъ мѣста ссылки, былъ выданъ своимъ врагамъ, которыхъ въ дни могущества не захотѣлъ обласкать, и ими обезглавленъ. Гайна, ослѣпленный своей удачей и ободренный слабостью Аркадія, сталъ себя считать наслѣдникомъ всѣхъ должностей Евтропія, но, обманувшись въ своихъ планахъ, началъ мстить Аркадію грабежами и разореніями Фригіи. Аркадій испугался послѣдствій разрушенія и послалъ къ Гайнѣ вельможъ для переговоровъ, но условія послѣдняго были весьма тяжелы тѣмъ болѣе, что постепенно, по мѣрѣ удачъ, увеличивались. Гайна, наконецъ, потребовалъ самого императора для переговоровъ, состоявшихся въ Халкидонѣ. Гайна клятвенно увѣрилъ Аркадія въ своей дальнѣйшей покорности и получилъ отъ него управленіе арміей.

Скоро представился случай самому св. Іоанну имѣть серьезныя объясненія съ Гайной. Св. Іоаннъ весьма ревностно, какъ видно изъ дѣла Евтропія, оберегалъ интересы св. Христовой церкви. Ко времени управленія св. Іоанна константинопольской каѳедрой уже всѣ церкви отъ аріанъ перешли къ православнымъ и аріане свои богослужебныя собранія припуждены были устраивать за городомъ, гдѣ имѣли и храмы. Гайна, какъ аріанинъ, не желалъ молиться въ одномъ храмѣ съ православными, почему для молитвы долженъ былъ ѣздить за городъ въ единовѣрный храмъ. Это показалось Гайнѣ оскорбительнымъ, почему онъ потребовалъ, чтобы одинъ изъ столичныхъ храмовъ былъ преданъ во власть аріанъ. Сколько императоръ ни просилъ Гайну отказаться отъ своего оскорбительнаго для православной церкви требованія, гордый готъ остался непреклоннымъ. Императоръ передалъ дѣло св. Златоусту, который силой своего пастырскаго убѣжденія заставилъ Гайну уступить. Между прочимъ, св. Іоаннъ сказалъ, что если Гайна желаетъ молиться, то для него открытъ каждый храмъ въ Константинополѣ, чѣмъ указано было на необходи-

мость присоединенія къ православію. Кромѣ того св. Іоаннъ поставилъ на видъ государю, что интересы православія онъ обязанъ блюсти выше своихъ государственныхъ преимуществъ и въ доказательство своей мысли показалъ изданный Өеодосіемъ указъ, коимъ запрещалось аріанамъ имѣть молитвенные дома въ столицѣ. Гайна покорился, но не надолго. Вскорѣ мстительный варваръ уже открылъ бунтъ во Өракіи, чѣмъ въ Константинополѣ устрашились до того, что всѣ военачальники отказались идти въ походъ противъ Гайны. Но тутъ-то вотъ, когда мечъ военный не могъ помочь бѣдѣ, мечъ духовный спасъ столицу отъ варварскаго опустошенія. И Златоустъ умѣлъ владѣть мечемъ духовнымъ. Когда всѣ отказались отправиться къ разсерженному Гайнѣ въ качествѣ посла-умилостивителя, Златоустъ принялъ на себя это трудное, опасное и отвѣтственное дѣло; вѣдь онъ былъ ученикъ антіохійскаго епископа Флавіана и, подобно ему, не боялся положить жизнь свою за пасомыхъ. Однако св. Іоанну почти не пришлось употребить въ дѣло своего грознаго оружія, огненнаго слова, коимъ единственно и былъ силенъ. Суровый и злобный Гайна, узнавъ, что посланникомъ отъ императора идетъ святитель—слава міра, вышелъ къ нему на встрѣчу и поклонился ему и подчинился всѣмъ его увѣщаніямъ. Гайна поклонился силѣ пастырскаго вліянія, дѣйствовавшей въ св. Іоаннѣ. Стало быть, тотъ, кто не убоялся цѣлой имперіи, подчинился слабому воину Христа, сильному Его силою, потому что онъ былъ сильнѣе цѣлой арміи. Это было великой побѣдой Златоуста въ 398—9 году. Однако, Гайну скоро постигла давно заслуженная имъ участь: онъ былъ убитъ въ войнѣ съ варварами.

Гайна дѣйствовалъ, конечно, по проискамъ аріанъ, коихъ былъ силой, гордостью и главою. Но происки ихъ не увѣнчались успѣхомъ: волки не проникли въ церковную ограду. Это впрочемъ не была ихъ единственная

къ сему попытка, но и прочія окончились неудачей, потому что во главѣ православнаго стада стоялъ пастырь добрый—св. Іоаннъ Златоустъ. Для распространенія своихъ лжеученій аріане придумали новое довольно сильное средство: торжественныя внѣцерковныя процессіи по улицамъ столицы съ пѣніемъ священныхъ пѣсней аріанскаго содержанія. Эти процессіи оказались весьма полезны для еретическихъ цѣлей, ибо увлекали даже многихъ православныхъ, любителей церковнаго пѣнія. Златоустъ призпавъ увлекающую силу церковнаго пѣнія, обратилъ съ обычной мудростію это средство въ пользу православія. Изъ православныхъ церквей въ урочное время стали выходить православныя процессіи съ пѣніемъ гимновъ православнаго характера, съ возженными факелами, привлекшіе громадныя толпы народа, одушевленнаго религіозной ревностію. Въ православныхъ процессіяхъ участвовала даже императрица, принявшая на себя весь свѣчной расходъ по сему дѣлу. Это противодѣйствіе православія еретическимъ замысламъ, душой котораго былъ архіепископъ столицы, раздражило еретиковъ. Они устроили безпорядки. Однажды процессіи аріанъ и православныхъ встрѣтились въ одной улицѣ, послышались въ промежуткахъ пѣнія обоюдныя насмѣшки и ругательства, полетѣли камни въ головы православныхъ и аріанъ, при чемъ приближенный къ Евдокіи евнухъ Бризонъ былъ тяжело раненъ камнемъ въ голову.

Правительство запретило процессіи. Златоустъ съ улицъ, такъ сказать, перенесъ торжества въ храмы, которыхъ въ городѣ у аріанъ не было. Православные, собираясь по вечерамъ въ храмы, ярко освѣщенные одушевлялись въ нихъ пѣніемъ гимновъ, что послужило началомъ нашихъ всенощныхъ бдѣній, которыя въ вѣкъ Златоуста были всенощными въ собственномъ смыслѣ... „Ночь“, говорилъ святитель, „создана не для того, чтобы всю проводить ее во снѣ и покоѣ... Церковь

Божія встаетъ въ полночь. Встань и ты и созерцай хоръ звѣздъ, это глубокое безмолвіе, эту безграничную тишину. Преклонись предъ Провидѣніемъ твоего Господа. Во время ночи душа болѣе чиста, болѣе легка, она съ меньшими усиліями поднимается выше; самая тьма и это величавое безмолвіе располагаютъ ее къ созерцательности"...

Златоустъ, дѣйствительно, любилъ и умѣлъ одушевлять свою паству, убѣждая ее къ великимъ подвигамъ, для чего иногда пользовался выдающимися обстоятельствами въ ея жизни. Въ 398 году случилось величайшее землетрясеніе въ Константинополѣ; съ нимъ и раньше случались подобныя бѣдствія, но ни одно изъ нихъ не принесло столько горя и бѣдъ жителямъ столицы, какъ это. Народъ былъ въ волненіи; власти не могли управиться съ безпорядками; царская семья поспѣшно удалилась изъ столицы. Въ ней остался одинъ хозяинъ, одинъ утѣшитель, одинъ начальникъ—св. Іоаннъ. Ему эта роль была хорошо знакома. И архипастырь выполнилъ ее такъ-же блестяще, какъ и въ Антіохіи. Его проповѣди привлекли массы народа и успокоили его. Отъ бѣдствія осталось лишь одно горькое воспоминаніе. Златоустъ весьма удачно съумѣлъ поворотить мысль и чувство народное къ религіи. Въ 9 миляхъ отъ Константинополя за Босфоромъ былъ устроенъ новый великолѣпный храмъ въ честь св. апостола Θомы. Св. Іоаннъ рѣшилъ перенести въ новоустроенный храмъ мощи св. мучениковъ, что и было исполнено въ сентябрѣ. По совершеніи всенощнаго бдѣнія въ такъ называвшейся Великой Константинопольской церкви св. мощи ночью, при громадномъ стеченіи жителей съ зажженными факелами, имѣвшихъ во главѣ саму императрицу, были перенесены въ предназначенный храмъ св. апостола Θомы.

Это шествіе было умилительно. Златоустъ краснорѣчиво описалъ его въ проповѣди. „Какъ бы нѣкое новое

море (народа) разлилось отъ самаго города до сего мѣста (храма св. Ѳомы, въ которомъ произнесена эта проповѣдь), море, не воздымаемое волнами, не угрожающее кораблекрушеніемъ, не имѣющее подводныхъ камней, море съ водою сладчайшею всякаго меда и болѣе всякой другой воды годное къ питію.

„Не ошибется тотъ, кто сіе море назоветъ огненною рѣкою. Подлинно въ продолженіе ночи свѣтильники въ великомъ множествѣ и непрерывно черезъ весь путь, даже до самаго сего храма распространенные, представляли видъ рѣки огненной“. Пустыня сдѣлалась городомъ, который за отсутствіемъ жителей сдѣлался пустымъ. „Смотри: сколько овецъ и ни одного волка! Сколько винограда и нѣтъ тернія!“—воскликнулъ проповѣдникъ. Присущее Златоусту смиреніе не позволяло ему сознаться, что именно онъ былъ виновникомъ такого прекраснаго духовнаго настроенія христіанъ. Императоръ Аркадій со всею свитою на другой день явился для поклоненія мощамъ, чѣмъ увеличилъ торжество, къ великой радости его устроителя св. Іоанна *). Это торжество св. вѣры и усердія къ ней православныхъ привело въ уныніе еретиковъ, населявшихъ Константинополь, чѣмъ св. ревнитель православія былъ очень доволенъ, потому что могъ стараться далѣе распространить его свѣтъ въ тьму язычества.

Св. Іоаннъ, дѣйствительно, замѣчателенъ своею миссіонерскою работой. Приближался 400-й годъ христіан-

*) Въ 399 году снова было волненіе народа въ Константинополѣ предъ Пасхой. Въ среду страстной седмицы жители столицы были напуганы грозою и дождемъ, отъ которыхъ нашли спасеніе въ постѣ и молитвѣ по храмамъ; въ пятницу же той-же недѣли массы народа уже съ упоеніемъ смотрѣли конскіе бѣга, а въ субботу—зрѣлища. Такое непостоянство въ дѣлѣ вѣры сильно смутило Златоуста и онъ разразился громовой проповѣдью, получившей всемірную извѣстность. Народъ покаялся, платя слезами Златоусту за его любовь къ нему.

ской эры. Язычники, увлеченные своими оракулами, начали распространять убѣжденіе, что сей годъ—роковой для христіанства, которому суждено существовать лишь четыре столѣтія, чтобы за тѣмъ снова уступить мѣсто язычеству. Оно подняло было голову. Но императоры востока и запада издавали указъ за указомъ, клонившіеся къ ослабленію язычества, нелѣпыхъ надеждъ котораго не раздѣляли, конечно. Язычество сильно было въ Финикіи, въ которой очень распространена была слава маіюмскихъ празднествъ, отличавшихся развратомъ. Нѣсколько разъ подвергавшіяся запрещенію и потомъ возстановлявшіяся эти безобразія были окончательно отмѣнены при несомнѣнномъ стараніи объ этомъ Златоуста, хорошо знакомаго съ Финикіей. Онъ отправилъ для насажденія христіанства туда миссію, о которой всегда впослѣдствіи заботился.

Но Златоустъ мало доволенъ былъ всѣмъ этимъ. Это былъ—глубокій государственный умъ того времени (IV в.). Одушевленный идеей Промысла Божія, строющаго міръ, онъ лучше другихъ понималъ сущность совершавшихся около него народныхъ движеній съ востока на западъ, понималъ роль христіанства въ великомъ переселеніи народовъ, увѣренъ былъ въ ихъ будущности и не желалъ оставаться празднымъ зрителемъ современныхъ ему міровыхъ переворотовъ. Какъ апостолъ, св. Іоаннъ горѣлъ желаніемъ просвѣтить варваровъ-язычниковъ или аріанъ свѣтомъ православія, о которомъ онъ думалъ, что оно должно стать основнымъ камнемъ ихъ цивилизаціи. Скиѳы, занимавшіе равнину по Днѣпру и Дунаю (часть нынѣшней Россіи), и готы-аріане испытали благотворное вліяніе снаряженной къ нимъ св. Іоанномъ миссіи. Богъ благословилъ ея труды и тѣ варвары, „которые раньше пили кровь человѣческую“, научились считать любовь, явленную во Христѣ, высшимъ благомъ жизни и сердца. Не мало святитель заботился и о готахъ, которымъ позволилъ совершать

богослуженіе на ихъ туземномъ языкѣ и самъ бесѣдовалъ иногда съ ними чрезъ переводчиковъ въ храмѣ, для готовъ отведенномъ.

Другія дѣла церковныя не менѣе озабочивали Златоуста. Онъ образовалъ вокругъ себя партію преданныхъ ему лицъ. Съ ними онъ хотѣлъ исправить всѣ церковные пороки. Партія его была немногочисленна, но въ ея средѣ были достойные люди, какъ, напр., архидіаконъ Серапіонъ, суровый и непреклонный инокъ Златоустъ желалъ, чтобы учащее сословіе—пастыри самымъ дѣломъ проповѣдывали то, чему учили. Для архипастырскихъ бесѣдъ Златоустъ собиралъ къ себѣ клиръ, которому внушалъ ходить достойно принятаго званія. Но проповѣди епископа-аскета падали на невоспріимчивую почву: изнѣженные столичные пастыри разсѣянно и равнодушно слушали укоры, обличенія, наставленія и совѣты своего верховнаго вождя. Это раздражило однажды преданнаго Златоусту архидіакона Серапіона, наблюдавшаго за дѣйствіемъ рѣчи на слушателей, на столько, что онъ сказалъ, обратившись къ Златоусту: „не можешь, владыка, исправить ихъ, если всѣхъ не погонишь однимъ жезломъ“.

Этотъ совѣтъ далъ другое направленіе чувствамъ слушавшихъ. Они съ негодованіемъ встрѣтили этотъ совѣтъ и многіе изъ нихъ стали ярыми врагами Златоуста.

Но „какъ пламя тѣмъ болѣе возвышается, растетъ и укрѣпляется въ своей силѣ, чѣмъ болѣе получаетъ для своего питанія горючаго вещества: такъ и ревность апостольская всегда возгорается и возрастаетъ по мѣрѣ встрѣчаемыхъ препятствій и величія жертвъ, которыя она должна принесть для славы Божіей и спасенія ближнихъ. Человѣкъ съ апостольскою ревностію, чѣмъ болѣе сдѣлалъ, тѣмъ болѣе желаетъ дѣлать; и такъ какъ онъ заимствуетъ свою силу отъ Бога, то съ усердіемъ дѣлаетъ не тогда только, когда видитъ успѣхъ

въ дѣлахъ, но и при встрѣчающихся препятствіяхъ не унывать и не ослабѣвать въ усердіи къ дѣлу. Какъ потокъ течетъ всегда, хотя бы никто не черпалъ изъ него воды: такъ и пастырь духовный, согрѣтый пламенною любовію къ ближнимъ, не перестаетъ заботиться о спасеніи своей паствы, не смотря на безплодіе почвы, имъ воздѣлываемой" *). Въ сихъ словахъ точно высказано основное правило пастырской дѣятельности Златоуста,—настойчивость въ проведеніи разъ принятыхъ пастырскихъ цѣлей безъ всякой уступки обстоятельствамъ времени и лицамъ. Слабый тѣломъ св. Іоаннъ обладалъ весьма крѣпкимъ духомъ.

Весьма рѣзко выразилась эта пастырская настойчивость св. Іоанна въ результатахъ его поѣздки по Малоазійскимъ церквамъ, въ управленіи которыхъ онъ произвелъ существенныя перемѣны. Предстоятелемъ церкви Ефесской въ самомъ началѣ 5 столѣтія былъ нѣкто Антонинъ, епископъ, совершенно недостойный носимаго сана. Его онъ пріобрѣлъ подкупомъ, „на чистыя деньги", и чтобы вернуть понесенные при избраніи расходы, онъ продавалъ церковныя должности.

Не Антонинъ ввелъ этотъ порядокъ купли-продажи церковныхъ посвященій, но онъ былъ скупѣе и жаднѣе другихъ, такъ что сильно разросшееся зло, къ которому уже начали привыкать, потребовало серьезныхъ мѣръ для леченія.

На Константинопольскомъ соборѣ 400 года явился обвинителемъ Антонина и поставленныхъ отъ него за деньги епископъ Евсевій Валентинопольскій и св. Іоаннъ ужаснулся предъ той глубиной нравственнаго паденія, въ какой погрязъ Ефесскій клиръ. Обвинителя обязали немедленно представить свидѣтелей, но обвиняемый скоро умеръ, а дѣло, на время затихшее, быстро разгорѣлось. Безпорядки при избраніи преемника Антонину

*) Жизнь св. Іоанна Златоуста. Москва. 1860 г. стр. 307—308.

разрослись до такой степени, что лучшіе люди въ Ефесѣ изъ клира и народа, собравшись, послали письмо св. Іоанну, которымъ просили его, какъ архіепископа столицы, пріѣхать въ Ефесъ для возстановленія запутанныхъ дѣлъ. „Въ то время, какъ мы пишемъ тебѣ, щедро раздаются деньги (въ народѣ, избирателямъ) и стая бѣшеныхъ волковъ бросается на нашъ епископскій престолъ, какъ на свою добычу“. Архіепископъ, не смотря на трудность зимняго пути и нездоровье, не замедлилъ явиться въ Ефесъ, въ которомъ избирательная горячка достигла высшей степени. На собранномъ изъ 70 епископовъ соборѣ, Златоустъ, оплакавъ бѣдствія Ефесской церкви, предложилъ избрать діакона Гераклида съ нимъ пріѣхавшаго, во епископа Ефесу. Это было неожиданнымъ, но неотразимымъ ударомъ для всѣхъ искателей, дѣйствовавшихъ подкупомъ. Мнѣніе Златоуста было принято большинствомъ собора и народа и Гераклидъ былъ посвященъ. Онъ отличался краснорѣчіемъ, былъ извѣстенъ, какъ толкователь Писаній и аскетъ. Богъ послалъ ему долю Златоуста.

Гераклидъ умеръ въ изгнаніи. Порѣшивъ дѣло, по которому пріѣхалъ, Златоустъ взялся за другія преобразованія въ Малоазійскихъ церквахъ. Евсевій, снова появившійся, представилъ такія вѣскія обвиненія и такую массу свидѣтелей, что шесть епископовъ были низложены и замѣнены другими, избранными не за деньги, а по достоинству. Скоро и другіе епископы другихъ областей Востока, въ числѣ тринадцати, были низложены за безнравственность, симонію *) и др. пороки. Особенно строго поступилъ св. Іоаннъ съ никомидійскимъ епископомъ Геронтіемъ.

Эта личность была загадочна. Когда-то Геронтій въ Миланѣ (на Западѣ) былъ врачемъ и магомъ, но такъ

*) «Симоніей» и называется пріобрѣтеніе церковнаго сана подкупомъ или за деньги.

искусно умѣлъ притвориться благочестивымъ, что св. Амвросій, епископъ медіоланскій, сдѣлалъ его діакономъ. Новопосвященный не переставалъ заниматься медициной и магіей. Когда объ этомъ узналъ св. Амвросій, то исключилъ его изъ клира. Геронтій удалился въ Константинополь попытать счастья. Въ столицѣ имперіи ему повезло: благодаря своимъ медицинскимъ познаніямъ, пронырливости, хитрости, Геронтій попалъ ко двору. Оттуда взялъ его въ клиръ Гелладій, епископъ Кесаріи Каппадокійской, которому Геронтій съумѣлъ оказать крупную услугу, и посвятилъ его во епископа Никомидійскаго. Не смотря на любовь Никомидійцевъ къ Геронтію, Златоустъ привелъ его къ суду, ибо зналъ его позорное прошлое. Геронтій защищался, но безуспѣшно: онъ былъ осужденъ. Его мѣсто занялъ Пансофій, когда-то бывшій учителемъ императрицы, человѣкъ достойный, хотя Никомидійцы приняли его съ ненавистью, ибо Геронтій имъ нравился.

Крутыя мѣры Златоуста были причиной того, что противъ грознаго архипастыря въ Малой Азіи составилась цѣлая партія недовольныхъ, съ Геронтіемъ во главѣ. Ихъ впрочемъ было гораздо больше въ Константинополѣ.

Во время отсутствія св. архипастыря изъ столицы въ ней происходило соединеніе многочисленныхъ враговъ Златоуста въ одну партію. Ее составляли: епископы, священники, діаконы, діакониссы и монахи, недовольные обличеніями Златоуста, близко ихъ касавшимися; дамы высшаго столичнаго общества, которыхъ неумолимо-суровый подвижникъ-архипастырь обличалъ за роскошь, безнравственность, пересуды, жадность къ деньгамъ,—въ числѣ ихъ особенно были извѣстны: Марса, Кастриція и Евграфія, близкія ко двору и императрицѣ; богачи, трепетавшіе предъ краспорѣчивымъ описаніемъ тѣхъ мукъ, которые уготованы немилосердымъ и многіе другіе, „имъ же число легіонъ“.

Но мы не указали еще самыхъ главныхъ враговъ Златоуста, которыхъ имена сохранила исторія для того лишь, чтобы запятнать ихъ позоромъ. Три женщины—Марса, Кастриція и Евграфія—были тайными пружинами заговора. Онъ имѣлъ цѣлью низложеніе св. Іоанна.

Но не имъ принадлежала главная роль въ семъ позорномъ дѣлѣ. Душой заговора была сама императрица, оскорбленная намеками на свои пороки въ проповѣдяхъ св. Іоанна. Ей передавали, что подъ Іезавелью и Иродіадой разумѣется именно сама августѣйшая царица, а имена этихъ позорныхъ женщинъ весьма часто попадались въ рѣчахъ Златоуста. Евдокія была женщина мстительная, честолюбивая, властная, внѣшне-религіозная, безнравственная и жадная. Она дѣйствительно могла узнать себя во многихъ обличеніяхъ св. Іоанна, хотя онъ и не направлялъ ихъ противъ нее.

Вина его была въ томъ, что „онъ умѣлъ давать плоть и кровь самымъ суровымъ наставленіямъ; что онъ сильно бичевалъ порокъ, вполнѣ освѣщая его, дабы представить его отвратительнымъ и достойнымъ посмѣянія“ *). Какъ вербовались въ эту партію церковные сановники, могшіе быть полезными, легко представить по нѣсколькимъ случаямъ. Акакій Берійскій, весьма уважаемый 80-лѣтній старецъ-епископъ, изъ крѣпкихъ друзей Златоуста, жившій съ нимъ въ одномъ домѣ, превратился въ ожесточеннаго врага потому лишь, что св. Іоаннъ не умѣлъ угостить его, какъ слѣдовало бы. Акакій любилъ поѣсть, а св. Іоаннъ предложилъ ему самый простой обѣдъ, которымъ самъ всегда довольствовался. Акакію объяснили, что Златоустъ хотѣлъ чрезъ это посмѣяться надъ его сластолюбіемъ, чему старикъ повѣрилъ и, оскорбленный, воскликнулъ: „если онъ такъ пренебрегаетъ мною, то отплачу-же ему и заварю питье, которое ему не такъ-то легко будетъ вы-

*) Тьерри, 36.

нить“ *). Еще раньше малоазійскихъ событій въ столицу пріѣхалъ епископъ габальскій Северіанъ, землякъ Златоусту (оба—изъ Сиріи).

Северіанъ былъ умный, пронырливый, льстивый, нѣсколько краснорѣчивый человѣкъ. Онъ сказалъ нѣсколько проповѣдей, понравившихся при дворѣ. Златоустъ предъ отъѣздомъ поручилъ Северіану управленіе каѳедрой—и ошибся: онъ оказался тайнымъ врагомъ святителя.

Северіанъ рѣшилъ превзойти Златоуста краснорѣчіемъ. Честолюбивому Северіану, цѣли котораго были очевидны всѣмъ, дали понять при дворѣ, что его краснорѣчіе даетъ ему право быть преемникомъ св. Іоанна, если Северіанъ поможетъ его низложенію У Августы Евдокіи родился сынъ, котораго крестилъ замѣститель св. Іоанна Северіанъ, ставшій чрезъ это весьма близкимъ епископомъ при дворѣ. Северіанъ изъ поклонниковъ Златоуста быстро перешелъ въ число враговъ, надѣясь быть его преемникомъ. Антіохъ епископъ Птолемаидскій подобнымъ же образомъ былъ завербованъ въ партію враговъ св. Іоанна, который къ маю 401 года возвратился въ Константинополь. Народъ, весьма любившій Златоуста, торжественно встрѣтилъ своего пастыря. Побужденіемъ скорѣе возвратиться въ столицу для св. Іоанна было письмо къ нему его друга Серапіона, который писалъ о всѣхъ козняхъ Северіана. Привѣтственная рѣчь св. Іоанна къ народу сквозитъ намеками на его враговъ, которые во время его отсутствія весьма усиленно развивали свою дѣятельность, вредную для блага церкви. При свиданіи св. Іоаннъ лично сказалъ Антіоху и Северіану: „вы ведете жизнь прихлебателей и льстецовъ; вы стали басней города, васъ изображаетъ въ театрѣ комедія“. Это была правда.

Народъ смѣялся надъ этими проповѣдниками, видя

*) Тьерри, 76.

ихъ безуспѣшныя усилія соперничать съ св. Златоустомъ въ краснорѣчіи. Лагерь сторонниковъ Златоуста въ средѣ аристократіи былъ весьма малочисленъ, но на его сторонѣ былъ народъ и правда. И вотъ теперь, къ началу 402 года,—когда слава Златоуста стала всемірной, ненависть его враговъ уже не знала себѣ предѣловъ. Въ Константинополѣ возгорѣлась война, въ которой противниками оказались враги и почитатели Златоуста. Дворъ и знать образовали центръ его враговъ, а народъ и лучшая часть клира составили крѣпкую защиту св. страдальца. Впослѣдствіи же любовь и ненависть къ нему подѣлили даже весь христіанскій міръ на двѣ половины.

Поводомъ къ обнаруженію ненависти послужила ссора между Северіаномъ и Серапіономъ. Северіанъ уже разсчитывалъ скоро смѣнить Златоуста, значеніе котораго пошатнулось послѣ путешествія, почему сталъ гордъ, заносчивъ и не оказывалъ повиновенія и почтенія архіепископу. Серапіонъ далъ понять Северіану неприличіе его поведенія. Северіанъ оскорбилъ архидіакона. Оскорбитель судомъ архіепископа былъ лишенъ причастія св. Таинъ и долженъ былъ бѣжать изъ столицы, ибо народъ, узнавъ о козняхъ Северіана, хотѣлъ было съ нимъ расправиться по своему. Евдокія заступилась за Северіана. Она просила Златоуста простить его. Тотъ не соглашался было, но, наконецъ, уступилъ настойчивости императрицы. Св. Іоаннъ сказалъ рѣчь, которой убѣждалъ народъ простить Северіану его неповиновеніе. Северіанъ принялъ примиреніе св. Іоанна съ извиненіемъ предъ нимъ. Буря такимъ образомъ улеглась, но не надолго. „Въ то же время собиралась другая—на далекомъ краю Восточной имперіи, близъ *Нильской долины*—и дуновенія, враждебныя Златоусту, надвигали ее изъ Александріи въ Константинополь“ *).

*) А. Тьерри, 89.

Перо отказывается изображать тѣ бѣдствія, которыя причинила эта новая буря Златоусту, сведя его въ безвременную могилу въ далекомъ изгнаніи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Борьба св. Іоанна Златоуста съ врагами, его изгнаніе, смерть и прославленіе.

«Слава Богу за все!»
Аминь.

Какъ ни велика была партія враговъ Златоуста, все-же въ ней не было на столько виднаго церковнаго сановника, который могъ бы завязать борьбу съ Златоустомъ. Извѣстно, что умѣлое начало дѣла есть предвѣстникъ его хорошаго конца. Почва для борьбы была подготовлена. Нужно было начинать *самую борьбу*, искать для нея новаго повода, ибо *желаніе* враговъ Златоуста видѣть его *низложеннымъ—желательный* результатъ предполагавшейся борьбы—заявляло въ нихъ о себѣ съ большею силою, нежели потребность питанія и сна. Такое преслѣдованіе возбудили правда и добро въ высшемъ своемъ обнаруженіи въ лицѣ Златоуста.

Нужно замѣтить, что историки жизни Златоуста уже ничего не передаютъ намъ о его административной архипастырской дѣятельности, ибо она до крайности съузилась подъ противодѣйствіемъ враговъ, а занимаются лишь изображеніемъ борьбы, открывшейся между Златоустомъ и его врагами. *Насколько безупречно* было поведеніе Златоуста въ сей борьбѣ, настолько враги его *запятнали себя* подкупами, лестью, наговорами, клеветой, насиліями, подлогами и т. п. пороками.

Наконецъ, нашли поводъ для борьбы и лицо, весьма высокопоставленное для того, чтобы начать ее.

Далеко отъ Константинополя, въ Египетской Нитрійской пустынѣ, гдѣ „городами были монастыри, а земледѣльцами—пустынники“, пользовались великой славой четыре брата, извѣстные подъ именемъ „Длинныхъ“ или „Долгихъ“ (сообразно ихъ высокому росту). Ведя аскетическую жизнь, они занимались толкованіемъ священнаго Писанія и ихъ литературные опыты этого рода стяжали имъ извѣстность. Епископы Александрійскіе относились къ нимъ внимательно. Поочередно всѣмъ симъ братьямъ предлагались епископскіе престолы, отъ которыхъ они упорно отказались, кромѣ Діоскора, поставленнаго епископомъ „горъ Нитрійскихъ“ (заселенныхъ одними скитами), но не оставившаго обычныхъ суровыхъ подвиговъ аскетизма. Эти братья дружили съ „великимъ страннопріимцемъ“ Исидоромъ, который имѣлъ несчастіе обратить на себя несправедливый гнѣвъ Θеофила, александрійскаго архіепископа, по дѣлу, въ которомъ Богъ и совѣсть оправдывали поведеніе Исидора.

Θеофилъ былъ злымъ геніемъ своего вѣка. Онъ обладалъ громадными богословскими познаніями и авторитетъ его, какъ ученаго, былъ весьма высокъ. Его церковная дѣятельность была длиннымъ рядомъ злодѣяній. Θеофилъ былъ мстителенъ, честолюбивъ и корыстолюбивъ и для удовлетворенія сихъ страстей употреблялъ хитрость, лесть, насиліе, клевету, подкупъ и прочія недозволенныя средства. Клирики его не любили. Епископовъ онъ притѣснялъ. Церковное имущество присваивалъ себѣ. Исидоръ Пелусіотъ называлъ Θеофила „пламеннымъ другомъ драгоцѣнныхъ камней, усерднымъ почитателемъ золота“. Пользуясь въ Константинополѣ уваженіемъ, Θеофилъ всегда принималъ сильное участіе въ замѣщеніи Александрійской префектуры. Θеофилу шпіоны усердно (за деньги) доносили, что дѣлается въ императорскомъ дворцѣ и въ средѣ высшей столичной знати. Палладій называетъ Θеофила „христіанскимъ фараономъ“ Египта.

Вражда между Исидоромъ и Ѳеофиломъ возникла изъ-за корыстолюбія послѣдняго, которое было безмѣрно. Исидоръ, по просьбѣ одной женщины, не заявилъ Ѳеофилу, что отъ нея получилъ сумму денегъ для раздачи бѣднымъ. Деньги были розданы безъ участія Ѳеофила, которому ничего не досталось. Во второй разъ Исидоръ не подтвердилъ ложнаго показанія, котораго требовалъ отъ него Ѳеофилъ, чтобы присвоить себѣ наслѣдство, предназначенное чрезъ его сестру въ пользу церкви. Исидоръ былъ преданъ суду Ѳеофиломъ, но не за эти поступки. „Долгимъ" братьямъ приказано было подтвердить взведенныя на Исидора Ѳеофиломъ клеветы. Но „Долгіе" монахи сказали, что „не знаютъ въ Египтѣ человѣка болѣе достойнаго", чѣмъ Исидоръ. Исидоръ, все-таки осужденный, долженъ былъ искать спасенія отъ преслѣдованій мстительнаго Ѳеофила и не надолго нашелъ покой въ Нитрійскомъ скитѣ у Долгихъ братьевъ. Они старались испросить ему прощеніе у Ѳеофила, но сіе не удалось.

Ѳеофилъ обвинилъ Долгихъ братьевъ въ ереси Оригена, въ оригенизмѣ *), заковалъ въ цѣпи, а Аммонію избилъ лицо до крови, заключилъ несчастныхъ иноковъ

*) Оригенъ былъ знаменитѣйшимъ Александрійскимъ богословомъ III вѣка. Его сочиненіе «о началахъ», излагавшее догматику христіанства, и толкованія Священнаго Писанія стяжали Оригену всемірную извѣстность. Но въ его, дѣйствительно, замѣчательныхъ твореніяхъ встрѣчались ошибочныя, неправославныя мнѣнія, которыхъ упорнымъ защитникомъ Оригенъ не былъ. Были въ христіанствѣ двѣ партіи, изъ которыхъ одна считала Оригена православнымъ, а другая даже еретикомъ. Совокупность ошибочныхъ мнѣній Оригена называется «оригенизмомъ», и, какъ таковой, онъ достоинъ порицанія. Ѳеофилъ сначала считалъ Оригена еретикомъ, а потомъ сталъ уважать его, кромѣ его ошибочныхъ мнѣній· послѣдняго рода отношеніе къ Оригену справедливо. Нужно замѣтить, что Долгіе братья весьма уважали Оригена, исключая его ошибочныхъ воззрѣній, чего Ѳеофилъ никакъ не хотѣлъ принять во вниманіе. «Оригенизмомъ» «Долгіе» иноки не страдали.

въ тюрьму, а потомъ, выпустивъ ихъ по настоянію любившаго ихъ народа, отправилъ въ мѣста ихъ суровыхъ подвиговъ. Обитатели пустыни удивились, что монахи, составлявшіе ихъ гордость, закованы въ цѣпи. Скоро посланіе Θеофила разъяснило, что оригенизмъ Долгихъ братьевъ навлекъ на нихъ сію кару. Θеофилъ подговорилъ негодныхъ личностей, „которыхъ не захотѣли бы ранѣе сдѣлать привратниками“, а впослѣдствіи одного изъ нихъ посвятили епископомъ,—наклеветать, что въ Нитріи оригенизмъ нашелъ себѣ прочное гнѣздо. Желанный доносъ явился и Θеофилъ съ войскомъ, пьянымъ и грубымъ, отправился походомъ на Нитрію, чтобы оттуда изгнать ересь.

Ужасна была ночь, въ которую происходила расправа съ мнимыми еретиками: ихъ кельи грабили и ломали, обитатели разбѣжались въ ночь, которую освѣтило зарево пожара. Долгіе братья скрылись, почему Θеофилъ, питавшій надежду поймать ихъ, сильно разгнѣвался, сжегъ ихъ хижину вмѣстѣ съ охранявшимъ ее мальчикомъ и „уѣхалъ не ранѣе, какъ потухли послѣдніе отблески пожара“. Разбѣжавшіеся монахи—около 300—были осуждены, какъ еретики, безъ принятія отъ нихъ оправданій окружнымъ соборомъ Египетскихъ епископовъ по настоянію Θеофила, и родной Египетъ сталъ для всѣхъ сихъ монаховъ чуждой страной, изъ которой осужденные спѣшили удалиться, чтобы гдѣ нибудь найдти на землѣ правду и защиту отъ насилія. Но... ихъ надеждамъ не суждено было сбыться.

Долгіе братья—о нихъ теперь рѣчь — спѣшили въ Константинополь, въ великому Іоанну, который по положенію столичнаго епископа былъ выше Θеофила; у святого Златоуста, о которомъ слава шла по всему Египту, невинные страдальцы искали справедливаго суда надъ Θеофиломъ. Труденъ былъ путь иноковъ до столицы, ибо окружное посланіе Θеофила извѣщало, что они еретики, но наконецъ, послѣ многочисленныхъ лишеній,

Долгіе братья съ другими монахами - ихъ было до 50 человѣкъ—достигли столицы. Явившись къ св. Златоусту, Долгіе братья разсказали о всѣхъ неистовствахъ Ѳеофила такъ правдиво и обстоятельно, что сомнѣнію мало оставалось мѣста. Св Іоаннъ, „самъ воспитанный цвѣтомъ восточныхъ ученій“, нашелъ братьевъ православными. Св. Іоаннъ обѣщалъ Долгимъ братьямъ, что или убѣдитъ Ѳеофила снять съ нихъ отлученіе или новый соборъ ихъ оправдаетъ. Однако, осторожный святитель не помѣстилъ пришельцевъ въ своемъ домѣ, не допустилъ ихъ до св. Причастія и совѣтовалъ имъ хранить молчаніе, чтобы не подвергать позору церковь, въ которой творились такія дѣла. Златоустъ хотѣлъ испытать всѣ средства къ примиренію Нитрійскихъ иноковъ съ Ѳеофиломъ. Ему св. Іоаннъ написалъ письмо, умоляя Ѳеофила именемъ церкви и славы Божіей даровать ему, какъ брату и сыну, прощеніе мнимыхъ преступниковъ, въ ученіи которыхъ не оказалось ничего противнаго вселенской вѣрѣ. Ѳеофилъ отвѣтилъ Златоусту письмомъ, въ которомъ упрекалъ его въ нарушеніи никейскихъ соборныхъ правилъ,' но совершенно неправильно. Скоро за письмомъ Ѳеофила явилась депутація изъ членовъ клира Александрійской церкви къ императору съ просьбой изгнать изъ Константинополя мятежниковъ противъ церкви и государства, чародѣевъ и еретиковъ, коимъ имя—Долгіе братья и ихъ товарищи, явившіеся обвинителями Ѳеофила. Но несчастные иноки подали на него жалобу императору, вслѣдствіе чего защитникъ ихъ Златоустъ отказался содѣйствовать имъ, какъ нарушителямъ даннаго ими слова хранить молчаніе о дѣлѣ и не жаловаться въ мірской судъ. Императрица-же изъ ненависти къ Златоусту взяла ихъ подъ свою защиту и въ рукахъ этой порочной женщины дѣло закипѣло.

Подъ ея вліяніемъ императоромъ съ согласія Златоуста былъ подписанъ указъ о созывѣ собора для раз-

смотрѣнія жалобы Долгихъ братьевъ на Θеофила, къ которому Елафій лично ѣздилъ въ Александрію передать приказъ явиться для оправданія во взведенныхъ на него обвиненіяхъ. Сей неблагопріятный Θеофилу оборотъ дѣла перепугалъ его сильно: вмѣсто судьи ему приказали явиться обвиняемымъ. Но ловкость Θеофила помогла ему выпутаться изъ бѣды. Имѣя въ Константинополѣ массу шпіоновъ, Θеофилъ прекрасно зналъ все положеніе дѣлъ при дворѣ. Θеофилъ понималъ, что все дѣло обращалось въ борьбу между нимъ и Златоустомъ. Но Θеофилъ зналъ по сообщеніямъ своихъ шпіоновъ, что высшая знать не любила св. Іоанна, что въ столицѣ у него было много враговъ, которымъ не доставало лишь предводителя. Θеофилъ рѣшилъ взять на себя эту роль, трудную и отвѣтственную. И онъ съумѣлъ провести ее до конца. Но какъ изъ обвиняемаго предъ соборомъ превратиться въ обвинителя перваго патріарха Востока? Въ чемъ его обвинить? И кто явится поддерживать обвиненіе? Всѣ эти вопросы Θеофилъ порѣшилъ скоро. Онъ рѣшилъ на Константинопольскомъ созываемомъ соборѣ обвинить Златоуста въ оригенизмѣ на томъ основаніи, что св. Іоаннъ оказалъ поддержку нитрійскимъ монахамъ, объявленнымъ Θеофиломъ оригенистами. Злобный епископъ забылъ, что св. Іоаннъ не нашелъ ничего еретическаго въ ихъ исповѣданіи. Θеофилъ написалъ письмо знаменитому архіепископу Саламинскому святому Епифанію, прося его пріѣхать въ Константинополь на соборъ по дѣлу объ оригенизмѣ, защитникомъ котораго со всѣми крайностями явился будто-бы св. Іоаннъ. Епифаній, надо замѣтить, всю жизнъ провелъ въ обличеніи оригенизма, точнѣе говоря — крайностей Оригенова богословствованія. Получивъ отъ Θеофила акты Египетскаго собора, на которомъ Долгіе братья были судимы за оригенизмъ, св. Епифаній познакомился съ лицевою стороною дѣла о братьяхъ и воспылалъ къ нимъ ненавистью. Епифаній, 80-ти-лѣт-

ній старецъ, рѣшилъ явиться въ Константинополь для торжественнаго пораженія оригенизма съ его воображаемою главою Златоустомъ, котораго онъ искренно, но ошибочно, считалъ еретикомъ. Узнавъ объ этомъ, Θеофилъ рѣшилъ ѣхать въ Константинополь съ сорока египетскими епископами, чтобы въ немъ составить свой соборъ для суда надъ Златоустомъ по обвиненію въ оригенизмѣ. Бѣдный Θеофилъ! Напрасно онъ трудился въ Египтѣ надъ составленіемъ обвинительныхъ противъ Златоуста пунктовъ: по прибытіи въ Константинополь онъ нашелъ столько сторонниковъ себѣ, которые быстро приняли его руку, когда узнали, что Θеофилъ пріѣхалъ судить Златоуста, и столько обвиненій противъ него, что заготовлять все это въ Египтѣ оказалось совершенно напраснымъ. Θеофиломъ намѣченный въ качествѣ союзника св. Епифаній тоже не помогъ ему. Епифаній, явившись торжественно въ столицу, какъ врагъ Златоуста, отказался вступить въ общеніе съ предстоятелемъ столицы и Востока, за что съ восторгомъ былъ принятъ его многочисленными врагами. Мало того, Епифаній нарушилъ права его тѣмъ, что безъ надлежащаго разрѣшенія въ чужой церкви служилъ литургію, произвелъ посвященіе въ діаконскую степень, и уже хотѣлъ вооружить простой народъ рѣчью противъ Златоуста, котораго собирался объявить низложеннымъ за оригенизмъ. Когда эти намѣренія сдѣлались извѣстны Златоусту, послѣдній далъ распоряженіе не пускать въ церковь св. Епифанія. Серапіонъ, ставъ у церковнаго входа, въ присутствіи многочисленной толпы народа, показалъ входившему Епифанію всю неправильность его поступковъ. Какъ человѣкъ высоконравственный, св. Епифаній, чистосердечно обсудивъ свое поведеніе, самъ нашелъ его неправильнымъ, почему даже возвратился домой. Скоро его посѣтили Долгіе братья и объяснили, что онъ осудилъ ихъ, по довѣрію къ Θеофилу, ихъ обвинителю, не читавъ ихъ произведеній, въ которыхъ будто-бы защищались заблужденія

Оригена. И это была правда. Св. старецъ понялъ, что онъ былъ средствомъ мщенія со стороны Θеофила Златоусту, что ему дальше дѣлать нечего и рѣшилъ уѣхать изъ столицы. При прощаніи св. Епифаній сказалъ: „оставляю вамъ вашъ городъ, вашъ дворецъ, ваши зрѣлища; не дождусь, когда покину все это, увѣряю васъ“ *) На пути къ Саламину святитель скончался. Θеофилъ уже ѣхалъ въ Константинополь производить судъ надъ св. Іоанномъ, какъ писалъ и говорилъ восточнымъ и малоазійскимъ епископамъ, составляя въ ихъ средѣ себѣ приверженцевъ. Въ столицѣ Θеофила уже ждали съ нетерпѣніемъ, чтобы съ его прибытіемъ начать борьбу съ Златоустомъ. Въ Константинополѣ Θеофилъ нашелъ почву для нее совершенно подготовленною — и борьба началась. Св. Епифаній не дожилъ до ея серьезнаго начала.

Явившись въ столицу, Θеофилъ первыми своими поступками обидѣлъ Златоуста, чѣмъ показалъ, что онъ не простилъ ему ни пораженія при замѣщеніи константинопольской каθедры, ни оскорбленія, нанесеннаго дѣломъ Долгихъ братьевъ. Θеофилъ совсѣмъ забылъ, что онъ еще обвиняемый, а не обвинитель. При дворѣ его ласкали: императрица, считавшая себя обиженною недавней проповѣдью св. Іоанна, совѣтовалась съ нимъ, какъ погубить Златоуста; вліятельные епископы, Антіохъ и Северіанъ, разъясняли Θеофилу всѣ планы и средства борьбы. Самъ Θеофилъ, поселившись въ одномъ изъ императорскихъ дворцовъ, собиралъ себѣ сторонниковъ обычными своими средствами: обѣдами, деньгами, лестью и т. п. Забытое на время дѣло Нитрійскихъ иноковъ снова опять всплыло. Долгіе братья въ гражданскомъ судѣ по дѣлу о волшебствѣ были оправданы; ихъ обвинителямъ грозила смертная казнь, подъ вліяніемъ которой они сознались, что дѣйствовали подъ влія-

*) А. Тьерри, 141.

ніемъ Θеофила. Θеофилу опять пришлось худо, но онъ успѣлъ выпутаться, чему помогли его сторонники, которымъ онъ былъ нуженъ для низложенія Златоуста. Роль Θеофила, какъ обвиняемаго, симъ окончилась и онъ готовился къ выступленію въ роли обвинителя Златоуста.

Началась борьба. Во дворцѣ Плакидіи, гдѣ поселился Θеофилъ, весьма часто происходили совѣщанія, какъ погубить праведника. Θеофилъ былъ руководителемъ заговора, а императрица—его душой. Описываемыя нами событія происходили весной 403 года. Народъ, услышавъ о козняхъ враговъ Златоуста, рѣшилъ охранять его, а онъ убѣждалъ своихъ охранителей лучше „молиться и противопоставить заступничество неба злымъ замысламъ земли“ *). Мѣстомъ собора, назначеннаго на лѣто 403 г., былъ выбранъ Руфиновъ дворецъ, „чудо искусства V в.“, въ Халкидонскомъ предмѣстьѣ, называвшемся „Дубомъ“: слишкомъ боялись константинопольской черни, преданной Златоусту и способной къ возмущеніямъ. Въ сей соборъ прибыли египетскіе епископы и часть восточныхъ, недовольныхъ малоазійскими реформами Златоуста. Θеофилъ предсѣдательствовалъ въ соборѣ, а его дѣятелями были: Антіохъ, Северіанъ, Акакій, низложенный Гераклидъ и др. Ихъ назвали „александрійцами“, а „іоанниты“ собрались подъ руководствомъ св. Іоанна въ его дворцѣ: ихъ было весьма много и это была лучшая часть константинопольскаго клира.

Соборъ въ Дубѣ созванъ былъ разсмотрѣть: а) жалобу нитрійскихъ монаховъ, б) преступленія Іоанна, совершенныя имъ въ Малой Азіи и в) его проступки церковные и политическіе. Архидіаконъ Іоаннъ, Златоустомъ нѣкогда наказанный за грубость обращенія со слугой, представилъ въ засѣданіе собора противъ святителя обвинительный актъ въ 29-ти пунктахъ. „Это былъ па-

боръ обвиненій, по большей части неправдоподобныхъ, частію очевидно ложныхъ, почерпнутыхъ изъ слуховъ несправедливыхъ или фальшивыхъ, мнимыхъ или преувеличенныхъ, которые два года злоба враждебной партіи распространяла про Златоуста, но которымъ свидѣтельство архидіакона (въ церкви онъ считался свѣдущимъ высокопоставленнымъ лицомъ) придавало неожиданное подтвержденіе" *). Обвиненія говорятъ, что Златоустъ однажды ударилъ Мемнона, а потомъ служилъ литургію, что онъ выражался грубо о своихъ подчиненныхъ, что онъ на малоазійскихъ соборахъ былъ обвинителемъ и судьей, что онъ посвящалъ четырехъ епископовъ за-разъ, что онъ возводилъ преступниковъ въ церковныя степени, что онъ былъ корыстолюбивъ, что онъ обѣдалъ одинъ, предаваясь излишеству, что онъ называлъ императрицу Иродіадой и Іезавелью, что въ его проповѣдяхъ встрѣчались богохульныя и неудачныя выраженія и т. д.

Златоуста позвали къ отвѣту на соборъ. Въ сіе время св. Іоаннъ убѣждалъ преданныхъ ему епископовъ быть вѣрными церкви, не раздирать ее мятежами и расколами, разъяснялъ смыслъ бѣдствій, постигшихъ церковь. Епископы плакали, потому что они „оставались сиротами, а церковь—вдовой; ея святые законы ниспровергнуты, а гордость и нечестіе торжествуютъ; бѣдные покинуты; народъ безъ наставленія..." **), какъ заявилъ одинъ изъ епископовъ. Надо сознаться, что онъ нисколько не преувеличилъ тогдашнихъ золъ церковныхъ... Епископы, сидѣвшіе вокругъ Златоуста, выслушавъ содержаніе письма отъ собора, рѣшили послать отвѣтъ, въ которомъ показывали, что соборъ въ Дубѣ—не настоящій, что въ немъ нарушены правила церковныя и т. д. Златоустъ прибавилъ отъ себя, что онъ тогда только

*) Тьерри. 157.
**) Тьерри. 162.

явится для дачи показаній въ соборъ, когда Антіохъ, Северіанъ, Акакій и Θеофилъ станутъ въ ряду его прямыхъ обвинителей, а не судей, которыми они не могутъ быть по извѣстной всѣмъ и каждому ихъ ненависти къ обвиняемому. Соборъ, не исполнивъ законнаго требованія Златоуста, еще разъ прислалъ епископовъ, въ числѣ коихъ былъ негодный монахъ Исаакъ, только-что посвященный за услуги соборищу въ санъ епископа, звать Златоуста на соборъ. Скоро явился къ св. Іоанну и посланецъ императора съ приказаніемъ немедленно отправиться въ Дубъ. Златоустъ послалъ трехъ епископовъ вторично передать его прежній отвѣтъ. Епископы-посланцы подверглись истязаніямъ на соборѣ, а одинъ изъ нихъ былъ закованъ въ цѣпь, предназначенную уже для Златоуста: такъ скоро рѣшили его дѣло! О свидѣтеляхъ не очень заботились: ихъ явилось, по вызову всесильнаго Θеофила, достаточное количество и они способны были, по своей злобѣ, показывать и подтверждать, что угодно. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, соборъ перешелъ къ рѣшенію посредствомъ подачи голосовъ, но о характерѣ его уже намъ судить легко. Еще раньше сего будущіе преемники Златоуста Арзасъ и Аттикъ кричали: „виновность Іоанна доказана съ избыткомъ; нѣтъ никакой нужды продолжать допросы“. И какъ впослѣдствіи ихъ усердно наградили за ревностную ихъ дѣятельность! Соборъ рѣшилъ низложить Златоуста, и императоръ утвердилъ соборный докладъ объ этомъ.

Соборъ хотѣлъ было пересмотрѣть жалобу нитрійскихъ иноковъ, но Θеофилу это еще разъ грозило опасными скандальными разоблаченіями, почему онъ, поразивъ главнаго врага, съ мелкими согласился помириться. Нитрійскіе иноки были истомлены и неудачами и смертію весьма многихъ изъ нихъ, почему согласились покаяться предъ соборомъ въ прегрѣшеніяхъ, на нихъ взведенныхъ, что и исполнили въ одномъ изъ его засѣданій, и тогда же получивъ прощеніе, отправились

въ родной Египетъ, но не многіе достигали горъ нитрійскихъ. Объ Оригенѣ-же самъ Өеофилъ послѣ выражался: „творенія Оригена—садъ, въ которомъ смѣшаны цвѣты и терніе,—я отбрасываю терніе и любуюсь цвѣтами“ Какъ измѣнчивы иногда бываютъ сужденія людей!

Оставалось собору разсмотрѣть дѣло епископа Гераклида, котораго Ефесскіе христіане свергли съ престола. Но тутъ случились гораздо болѣе важныя событія, бывшія причиной того, что соборъ прекратилъ свое существованіе и разошелся, не постановивъ многихъ рѣшеній...

По обнародованіи приговора о низложеніи Златоуста народъ константинопольскій выразилъ такое участіе къ гонимому праведнику, своему Златословесному учителю, что трудно было исполнить приговоръ. Чѣмъ болѣе оставляло Златоуста епископовъ, раньше ему преданныхъ, тѣмъ болѣе народъ проникался къ нему любовію, недопускавшею разлуки пастыря съ паствою. Императоръ не очень спѣшилъ исполненіемъ приговора, но проповѣдь *) Златоуста, въ которой о императорѣ было сказано, что онъ въ дѣлахъ правленія явился рабомъ женщины, а императрица была названа „безчестной“, заставила слабаго Аркадія покончить съ колебаніями своей трусливой и жалкой совѣсти, какъ-будто смущавшейся тѣмъ, что Златоустъ подвергался изгнанію Еще разъ явился къ нему императорскій чиновникъ съ строгимъ приказаніемъ удалиться въ изгнаніе, о мѣстѣ коего еще не было извѣстно: объ этомъ враги Златоуста еще не сговорились. Народъ и день и ночь стерегъ домъ Златоуста, боясь, какъ бы у него не отняли любимаго учителя. Раздавался лишь одинъ голосъ: „требуемъ вселенскаго собора для суда надъ архіепископомъ“. Но не устерегли вѣрные христіане своего Зла-

*) Эта знаменитая проповѣдь начиналась словами: «сильныя волны, жестокая буря!..»

тоуста: его ночью увезли отъ нихъ тайно за Босфоръ. Скоро узнали о секретѣ и толпа совершенно онѣмѣла: не хотѣли вѣрить случившемуся. Однако, Златоустъ научилъ вѣрныхъ, какъ поступать въ скорбныхъ случаяхъ жизни, а горе народа было неизобразимо. Всѣ бросились въ церкви „молить небеса о возвращеніи отца, похищеннаго людьми“. Въ эту ночь, по Златоусту, „весь городъ обратился въ одну церковь“. Плачъ, рыданія перемѣшались съ словами и звуками церковной и внѣ-церковной молитвы. Никто не зналъ, что дѣлать. Северіанъ, въ проповѣди назвавшій праведника „гордецомъ“, былъ изгнанъ изъ церкви и города. Θеофилъ народомъ не былъ допущенъ въ архіепископскую церковь, а его распоряженій не слушали. Приверженцы Θеофила и по трусости склонившіеся предъ нимъ епископы и священники съ презрѣніемъ народомъ были отвергнуты. Когда для усмиренія черни пустили въ дѣло войска, то произошло побоище: крестильная чаша наполнилась кровью, а храмъ трупами.

Новая ночь принесла неслыханные ужасы. Земля заговорила: подземные удары были такъ сильны, что императрица не нашла спасенія въ своей спальнѣ: ея кровать упала. Испуганная виновница всѣхъ золъ Златоуста бросилась къ императору съ мольбою весьма неожиданною - возвратить Златоуста: Евдокія вѣрно угадала причину землетрясенія. „Тотъ, кого насъ заставили изгнать,—праведникъ (теперь она боялась даже назвать его имя: несчастная!), и самъ Богъ вооружился мщеніемъ. Если ты хочешь спасти имперію, немедленно пошли возвратить его“. Страхъ небесной казни заставилъ Евдокію солгать предъ св. Іоанномъ, коему въ письмѣ она дрожащей рукой начертила: „Святѣйшій! умоляю тебя, не думай, что я принимала участіе въ томъ, что произошло съ тобою. Злые и совращенные люди (какъ справедливо!) составили противъ тебя заговоръ. Богъ свидѣтель моихъ словъ и тѣхъ слезъ (весьма дешевыхъ

и вынужденныхъ), которыя я приношу Ему въ жертву". Гонцы одинъ за другимъ съ собственноручнымъ письмомъ и словесными приказами раскаявшейся императрицы спѣшили догнать Златоуста. Златоустъ былъ обрадованъ милостію Божіей и смущенъ неожиданными перемѣнами въ настроеніи своихъ враговъ. Когда Златоустъ подплывалъ къ Константинополю, то могъ наслаждаться чудной картиной: море сдѣлалось (встрѣча происходила ночью) какъ бы огненнымъ отъ множества факеловъ, съ которыми плавали въ лодкахъ по проливу тысячи христіанъ: это они встрѣчали своего отца и пастыря. Ни одинъ тріумфаторъ древняго Рима и Греціи не былъ встрѣчаемъ съ такой искренней радостью, которая одушевляла вѣрныхъ, увидѣвшихъ св. страдальца. Св. Іоаннъ не хотѣлъ вступать въ свою епархію, не возстановленный въ санѣ и власти новымъ соборомъ, болѣе многочисленнымъ и законнымъ. Но народъ насильно вовлекъ св. Златоуста въ церковь, гдѣ его посадили на каѳедру, прося преподать слова мира и наставленія. Рѣчь, сказанная Златоустомъ, была наполнена благодарностями императрицѣ (настолько онъ былъ всегда исполненъ чувствъ любви и всепрощенія) и изъявленіемъ радости свиданія паствы съ пастыремъ. Враги Златоуста быстро исчезли изъ Константинополя. Какъ торжественно Ѳеофилъ явился въ столицу, такъ постыдно изъ нея бѣжалъ со своими единомышленниками. Златоустъ все же настоялъ на своей законной просьбѣ: императоръ издалъ повелѣніе о созывѣ вселенскаго собора для оправданія Златоуста. Онъ теперь силой событій получилъ вліяніе на Аркадія и императрица, повидимому, примирилась съ новымъ оборотомъ дѣла, но не надолго, какъ потомъ оказалось. Златоустъ побѣдилъ правдой и силой Божіей еще разъ, но уже послѣдній.

Новый весьма короткій періодъ управленія церковію Златоустъ началъ исполненіемъ воли народа, который, возведя его на каѳедру, далъ совѣтъ: „епископъ, очисти

клиръ твой, прогони предателей". Златоустъ наградилъ мужественныхъ своихъ приверженцевъ повышеніемъ въ церковныхъ степеняхъ и довѣріемъ, а слабодушныхъ, измѣнниковъ и предателей наказалъ сообразно винѣ каждаго. Но эти мѣры епископа, весьма нужныя при тогдашнемъ остромъ положеніи дѣлъ, возбудили умы снова. Снова Златоустъ сталъ во враждебныя отношенія ко двору. Настроеніе женщинъ порочныхъ, своенравныхъ мѣняется быстро: Евдоксія не представляла исключенія изъ сего правила. Скоро страхъ предъ Златоустомъ въ ней смѣнился дерзостью, а раскаяніе исчезло подъ вліяніемъ порывовъ гордости и мщенія. Ея властолюбіе подготовило почву и поводъ для новой борьбы съ Златоустомъ. Императрица пожелала чести, которой не удостоивалась ни одна изъ женщинъ Запада. По ея внушенію, императоръ Аркадій далъ повелѣніе поставить статуи Евдоксіи для поклоненія рядомъ съ его собственными. Народы Востока должны были покланяться ей, какъ божеству. Сенатъ Константинополя рѣшилъ поставить статую Евдоксіи, изъ массы серебра, въ императорской одеждѣ, въ положеніи повелительномъ. Для статуи было выбрано въ столицѣ самое почетное мѣсто, откуда Евдоксія какъ бы „господствовала надъ церковію, дворцомъ, городомъ и какъ бы являлась душой засѣданій Сената" *). Императрица-христіанка требовала языческаго поклоненія: неудивительно, что Златоустъ вооружился въ душѣ противъ сей новизны. Статую поставили. Народу были предложены угощеніе и игры, почему онъ забылъ церковь и Златоуста. Это продолжалось нѣсколько дней. Крики и ликованія бурной толпы мѣшали богослуженію въ главной церкви Златоуста. Онъ чрезъ префекта столицы просилъ обузданія неистовствъ толпы, но она не унималась. И Златоустъ разразился проповѣдью (до насъ не дошедшею), которая

*) Тьерри, 195.

вмѣстѣ съ двумя другими, сказанными по низложеніи и возвращеніи Златоуста, считается „чудомъ церковнаго краснорѣчія“,—примѣрами, равныхъ которымъ еще не явила исторія проповѣди. Въ проповѣди еще разъ появились имена Іоанна и Иродіады—какъ бы для того, чтобы новая Иродіада помучилась чувствами, подобными тѣмъ, кои мучили древнюю Иродіаду и заставили ее требовать головы ненавистнаго ей святаго проповѣдника. Евдоксіи судьба не дала лишь проколоть новому Іоанну иглой языкъ, а головы его она таки добилась, хотя не въ буквальномъ смыслѣ.

Настроеніе враговъ св. Іоанна снова стало для него опасно: они опять явились въ Константинополь, кромѣ Феофила, котораго страхъ еще не прошелъ. Уже снова совѣщались, какъ погубить св. Іоанна. Хотѣли обвинить его въ оскорбленіи величества, но это было по многимъ причинамъ опасно. Рѣшили прибѣгнуть къ тому средству, котораго просилъ самъ св. Іоаннъ, потому что надѣялись обратить это средство противъ него. Соборъ, созывавшійся для оправданія Златоуста, долженъ былъ теперь обвинить его. Снова Златоусту изъ судьи, какъ и въ первый разъ, пришлось стать обвиняемымъ. Собирали обвиненія и свидѣтелей противъ св. Іоанна. Императрица Евдоксія и епископы: Северіанъ и Антіохъ были душой заговора. Звали Феофила, но онъ отказался (сильно напугала его ревнивая любовь Константинопольцевъ къ Златоусту) за множествомъ дѣлъ, пообѣщавъ помочь низложенію и совѣтами, и епископами-сторонниками, и какими-то документами.

Епископы уже съѣзжались на соборъ. Онъ открылся въ 404 году въ началѣ января. Собору было поручено заняться пересмотромъ рѣшеній Дубскаго собора о Златоустѣ. Враги Златоуста могли изъ числа ста епископовъ, съѣхавшихся на соборъ, выбрать въ свою партію не болѣе половины: въ ней (партіи) оказались и новые епископы: Леонтій Анкирскій, умный, но высокомѣрный

богословъ, Киринъ Халкидонскій, Аммоній Лаодикійскій, пріѣхавшій, какъ говорили, „подложить подъ церковь огонь" и др. Члены собора медлили приступить къ серьезному разбору дѣла Златоуста: они боялись любившаго его народа. Египетскіе епископы пока приглядывались и изучали среду, въ которой дѣйствовали. Ихъ единомышленникомъ оказался Леонтій и онъ-то далъ серьезный ходъ обвиненіямъ противъ Златоуста. Это былъ второй Өеофилъ. Златоуста обвинили въ томъ, что онъ безъ соборнаго разрѣшенія по возвращеніи занялъ свой престолъ. Мы знаемъ, сколько фактической правды въ семъ обвиненіи: Златоуста насильно ввели въ церковь. Но имѣло-ли это обвиненіе основаніе въ церковныхъ законахъ? Враги Златоуста основывались на 2-хъ правилахъ Антіохійскаго собора 341 г. Но эти правила не были извѣстны и приняты на Востокѣ и Западѣ, а лишь въ Египтѣ. Антіохійскій соборъ пользовался малымъ авторитетомъ, потому, что догматическія рѣшенія его были неправославны. И Златоустъ отвергъ значеніе этихъ церковныхъ правилъ для его дѣла—тѣмъ болѣе, что правила, запрещавшія низверженному епископу снова безъ соборнаго разрѣшенія занимать свой престолъ, къ Златоусту были неприложимы, ибо онъ никогда не былъ низложенъ законнымъ соборомъ. Соборъ раздѣлился на двѣ партіи. Одни члены защищали силу и приложимость къ Златоусту спорныхъ правилъ Антіохійскаго собора, а другіе и то и другое отвергали. Въ народѣ даже интересовались вопросомъ: можно-ли признать Антіохійскій соборъ православнымъ? Императоръ, видѣвшій раздѣленіе и не знавшій, какъ устранить его, принялъ совѣтъ Северіана, предложившаго самому императору быть судьей спора, который будутъ вести предъ нимъ члены той и другой партіи. Находчивость епископа Елпидія много помогла Златоусту. Елпидій предложилъ сторонникамъ Антіохійскихъ правилъ и, слѣдовательно, низложенія Златоуста подписать догматическія поста-

новленія (аріанскія) спорнаго собора. Враги Златоуста поблѣднѣли, ибо ихъ уличили въ томъ, что они защищали ересь. И все таки св. Іоанна снова рѣшили низложить.

Приближалась Пасха. Св. Іоанну предложено было удалиться изъ города. „Если императоръ хочетъ этого, то пусть принудитъ меня къ тому силою, — отвѣтилъ невинный св. Іоаннъ,—ибо городъ принадлежитъ ему. Насиліе будетъ моимъ оправданіемъ предъ небомъ; но никогда не выйду отсюда добровольно". Аркадій, заключивъ св. Іоанна во дворцѣ его, запретилъ ему являться въ церковь. Но въ великую субботу Златоустъ явился въ храмѣ, чтобы видѣть крещеніе 3,000 лицъ. Императору донесли о нарушеніи его запрещенія. Войска отправились исполнять императорское приказаніе водворить епископа въ мѣстѣ плѣна. И тутъ-то произошли сцены, „одно воспоминаніе о которыхъ приводило въ ужасъ историковъ полвѣка спустя". Солдаты ворвались въ храмъ, схватили архіепископа, перебили массы новокрестившихся, разогнали готовившихся къ просвѣщенію полураздѣтыхъ женщинъ, ворвались въ алтарь, осквернили св. Дары, пролили св. Кровь Христову, купель крещенія обагрилась кровію, „св. воды возрожденія представили взорамъ цвѣтъ крови". „Что-же еще моглобы быть совершено въ городѣ, взятомъ приступомъ варварами"?—спрашивалъ св. Іоаннъ, очевидецъ всѣхъ сихъ безобразныхъ ужасовъ, въ письмѣ къ папѣ Иннокентію. Разогнанные вѣрные собрались, по уговору, въ термахъ Констанція для окончанія прерваннаго таинства. Люцій (язычникъ) съ войсками произвелъ тамъ еще большія избіенія. Истинная церковь Христова, слѣдовательно, подпала гоненію, подобное которому можно отыскать лишь въ исторіи третьяго вѣка. Всѣ депутаціи епископовъ къ императору оставить насилія не имѣли успѣха. Іоаннитовъ стали преслѣдовать, ими наполнили тюрьмы,

которыя „превратились въ церкви, а послѣднія—въ мѣста беззаконія и богохульства“ *).

Златоустъ, продержанный въ плѣну до Троицына дня, пересталъ уже питать надежду на оправданіе. Ему оставалось только облегчить свои страданія перепиской съ епископомъ Рима — Иннокентіемъ. Въ этой перепискѣ Златоустъ изложилъ свое дѣло и просилъ Иннокентія быть милостивымъ къ нему и созвать епископскій соборъ на Западѣ для его оправданія. Епископы повезли письма папѣ Иннокентію, у котораго Ѳеофилъ потерялъ довѣріе своимъ нахальствомъ и дерзостью. Иннокентій развилъ цѣлую систему борьбы для защиты св. Іоанна, но обстоятельства, въ которыхъ онъ виновникомъ не былъ, не позволили папѣ довести дѣло до конца. Ѳеофилъ извѣщалъ Иннокентія о низложеніи св. Іоанна. Тотъ молчалъ. А св. Іоанну дружелюбно писалъ: „Да не возобладаетъ скорбь, тебя отягчающая, надъ голосомъ чистой совѣсти, тебя утѣшающей. Она есть непобѣдимый оплотъ противъ всякихъ несправедливостей“... Ѳеофилу было послано папой холодное приглашеніе явиться въ западный соборъ для оправданія по дѣлу Златоуста.

Во мнѣніи народа св. Іоаннъ такъ высоко стоялъ, что боялись употребить надъ нимъ новое открытое насиліе. Враги его стали тогда искать тайныхъ средствъ убить св. Іоанна. Но всѣ покушенія на его жизнь окончились неудачей, къ великой досадѣ враговъ. Убійцъ поймали и народъ едва не растерзалъ ихъ на части. Послѣ Пятидесятницы враги Златоуста: Антіохъ, Акакій, Северіанъ и др. явились къ императору, прося его изгнать, наконецъ, св. Іоанна изъ столицы. „Да будетъ низложеніе Іоанна на главахъ нашихъ!“—заключили они свою просьбу. Императоръ далъ необходимый приказъ. Солдаты окружили домъ св. Іоанна и, не смотря на кровопролитную схватку съ охранявшей домъ тол-

*) Тьерри, 231.

ной народа, изъ которой весьма много потомъ оказалось убитыхъ, еще болѣе раненыхъ, увели Златоуста тайнымъ ходомъ, едва давъ ему проститься съ церковью. Ни дома, ни церкви любимой Златоустъ не видалъ болѣе: „Ангелъ церкви удалился вмѣстѣ съ нимъ“—писалъ Палладій. Печально, но вѣрно! Снова разразилась морская буря, на этотъ разъ надъ храмомъ св. Софіи. Вдругъ она запылала; кажется, пожаръ начался отъ епископскаго мѣста по неизвѣстной причинѣ. Сгорѣлъ весь храмъ. Сгорѣло зданіе сената. Оба они были украшеніемъ столицы. Златоусту оставалось лишь оплакивать невыразимыя бѣдствія, постигшія Константинопольскую церковь, по пути слѣдованія въ изгнаніе.

По дѣлу о пожарѣ предпринято было разслѣдованіе. Іоаннитовъ заподозрили въ поджогѣ и такъ какъ ихъ было весьма много, то слѣдствіе обѣщало быть кровавымъ. Отъ Златоуста отняли его спутниковъ, чтобы подвергнуть ихъ допросамъ и пыткамъ. Златоустъ остался одинъ съ сопровождавшей его стражей безъ друзей. Грубые воины смягчились и замѣнили ихъ ему. Они усердно старались облегчить св. страдальцу тяжести пути и невыразимыя физическія страданія, коимъ часто подвергался Златоустъ. Онъ, какъ и окружавшіе его, не зналъ еще о мѣстѣ ссылки, о чемъ очень безпокоился, ибо боялся жестокости враговъ. Въ Никеѣ Виѳинской Златоустъ нашелъ многія удобства, отдыхъ и нѣсколько оправился. Но каково-же было его огорченіе, когда онъ узналъ, что мѣстомъ ссылки былъ ему назначенъ Кукузъ (въ далекой Арменіи). Евдоксія, гордая побѣдой, нашла еще новое средство увеличить страданія гонимаго святителя.

Но взоръ Златоуста направленъ былъ въ будущее. Онъ видѣлъ въ своей жизни таинственные пути Промысла—и былъ спокоенъ, находя силы успокоивать даже епископовъ, священниковъ и діакониссъ константинопольской церкви, оставшихся ему вѣрными. Въ Кон-

стантинополѣ іоанниты, дѣйствительно, нуждались въ ободреніи и утѣшеніи. Въ столицѣ совершались ужасы. Были подвергнуты допросамъ и пыткамъ всѣ главнѣйшіе дѣятели партіи св. Іоанна. Тигрій діаконъ былъ мученъ и отправленъ въ изгнаніе. Серапіонъ, епископъ Гераклійскій, былъ подвергнутъ пыткѣ и удаленъ въ Египетъ подъ присмотръ епископа Ѳеофила, своего злѣйшаго врага: умѣли, дѣйствительно, мстить приверженцамъ Златоуста за ихъ преданность законной власти. Даже Олимпіаду, эту благороднѣйшую благотворительницу, едва не подвергли пыткамъ, но ограничились изгнаніемъ, которымъ не спѣшили. Никарета за свою благотворительность получила въ вознагражденіе изгнаніе. Другія діакониссы были болѣе несчастны: нѣкоторыхъ изъ нихъ подвергли пыткамъ. Всѣмъ имъ Златоустъ писалъ письма, въ коихъ утѣшалъ ихъ въ страданіяхъ и благодарилъ за вѣрность правдѣ.

По изгнаніи Златоуста враги его позаботились о преемникѣ. Северіанъ, Антіохъ, Акакій и другіе обманулись въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ. Евдоксія выбрала Арзаса, брата Нектарія, 80-лѣтняго протоіерея, во всю жизнь ни чѣмъ о себѣ не заявившаго, человѣка лѣниваго. О немъ современники говорили, что у него многорѣчіе рыбы *). Выбирая его, Евдоксія хотѣла, чтобы новый архіепископъ былъ чуждъ всякихъ стремленій къ обличеніямъ ея пороковъ—и не обманулась. Соперники Арзаса помирились съ нимъ потому, что ожидали его скорой смерти. Этотъ человѣкъ предназначенъ былъ замѣнить Златоуста: онъ называлъ его „слабоумнымъ пустомелей“. Златоустъ удивился выбору императрицы. Олимпіадѣ онъ писалъ: „Не сокрушайся сердцемъ отъ того, что одна церковь застигнута свирѣпыми волнами, другая потрясена бурею, третья покрыта невыносимыми ранами, что эта церковь получила волка вмѣсто пастыря,

*) Тьерри, 307.

а та морскаго разбойника вмѣсто кормчаго, палача вмѣсто врача"... Все это было приложимо къ дѣйствіямъ Арзаса на столичной каѳедрѣ, которыми руководили другіе.

Слѣдствіе надъ іоаннитами по дѣлу о пожарѣ рѣшено было покончить за невозможностью отыскать виновниковъ его. Но скоро началось другое. Всѣ враги Златоуста были возмущены тѣмъ противодѣйствіемъ, которое оказали іоанниты Арзасу. Онъ издалъ 11 сентября 404 года указъ о преслѣдованіи ихъ за расколъ и мятежъ въ церкви, ими будто-бы произведенный. Іоанниты отказались посѣщать церкви, управляемыя врагами Златоуста, тѣмъ болѣе, что ихъ при входѣ въ церковь заставляли проклинать имя Златоуста, но ни одинъ честный человѣкъ на это не имѣлъ духу согласиться—и церкви опустѣли. Войскамъ былъ данъ приказъ силою собирать народъ въ церковь, а собранія іоаннитовъ за городомъ разгонять. Повторились прежнія надругательства, избіенія насилія: воистину Арзасъ былъ „палачъ", а не „врачъ" золъ церковныхъ!

Не успѣлъ этотъ „палачъ" сойти со сцены исторіи, какъ умерла императрица — и смерть ея была ужасна. „Придворные епископы пожалѣли ее, но плакалъ о ней одинъ только мужъ" *). Богъ наказалъ ее, когда она не хотѣла вразумиться Его угрозами. Грозная смерть, надо замѣтить, вообще была безжалостна къ врагамъ Златоуста. Палладій описываетъ ихъ смерть. Одинъ епископъ упалъ съ лошади, возвращаясь послѣ осужденія св. Іоанна, и умеръ. Другой, заболѣвъ гнойной водянкой, былъ заживо съѣденъ червями. Третій, заболѣвъ злокачественною рожей, умеръ отъ чесотки. У четвертаго языкъ, произнесшій осужденіе, распухъ такъ, что страдальцу нельзя было дышать — и онъ задохся. Константинополь потрясали землетрясенія, градъ, истребившій хлѣба, и голодъ. Всѣ — и іоанниты и ихъ против-

*) Тьерри, 303.

ники—одинаково видѣли въ сихъ совпаденіяхъ и ужасахъ проявленія небеснаго гнѣва за изгнаніе св. Златоуста. Императоръ, слабый и жалкій Аркадій, страдалъ вѣроятно, болѣе другихъ: императрицы не было—и совѣсть его, усыпленная раньше, теперь проснулась. Преп. Нилъ, къ которому Аркадій обратился за душевнымъ утѣшеніемъ, оттолкнулъ его, упрекая за изгнаніе праведника.

Скоро умеръ и самъ Арзасъ. Его преемникомъ, болѣе умнымъ и дѣятельнымъ, но столь же безчестнымъ, былъ Аттикъ, священникъ константинопольскій. Ему принадлежитъ честь гоненія іоаннитовъ въ союзѣ съ Θеофиломъ и другими патріархами Востока по всему Востоку. То, что нѣсколько разъ, повторялось въ Константинополѣ, должно было теперь произойти во всѣхъ наиболѣе большихъ городахъ Востока: мы разумѣемъ избіенія и преслѣдованія іоаннитовъ; для этой цѣли составился даже тріумвиратъ патріарховъ. Его дѣятельность для подавленія іоаннитовъ не заслуживаетъ описанія: она слишкомъ уже позорна. Римскій епископъ Иннокентій получилъ посланіе съ изложеніемъ гоненій на іоаннитовъ отъ нѣсколькихъ добросовѣстныхъ пастырей Востока, въ коемъ они просили папу о возстановленіи порядка и законности въ восточныхъ церквахъ.

Что же дѣлалъ въ это время св. изгнанникъ? Онъ, конечно, благословлялъ враговъ своихъ, плакалъ о бѣдствіяхъ церкви, ему дорогой, утѣшалъ ея лучшихъ представителей, писалъ письма на Западъ о помощи. 6-го Іюля 404 года Златоустъ выѣхалъ изъ Никеи въ Кесарію. Путь чрезъ епархію Леонтія былъ весьма тяжелъ для страдальца: онъ устроилъ изгнаннику нѣсколько огорченій. Каппадокія встрѣтила Златоуста съ любовію. Жители толпами вышли ему на встрѣчу; многіе говорили: „Лучше бы солнце лишило землю своего свѣта, нежели видѣть эти золотыя уста, обреченныя на молчаніе“. Его встрѣтилъ архіепископскій клиръ, нашлись

врачи, которые помогли св. страдальцу въ снова возвратившихся къ нему болѣзняхъ желудка. Житель Кесаріи Діоскоръ помѣстилъ его въ своемъ домѣ, гдѣ за нимъ тщательно ухаживали. Но... архіепископъ Кесаріи не оказалъ св. Іоанну никакого вниманія, желая лишь, чтобы онъ поскорѣе уѣхалъ. До Кукуза проѣхать осталось лишь 200 в. Но этотъ путь былъ чрезвычайно опасенъ. Шайки разбойниковъ исаврянъ, дикаго горнаго народа, наводившаго ужасъ по всей странѣ, могли ежеминутно надѣлать путнику тысячи непріятностей. Лишь только Златоустъ хотѣлъ выѣхать изъ Кесаріи, какъ въ городѣ раздались крики: „Исавряне грабятъ! къ оружію!“ Пришлось отложить отъѣздъ. Но архіепископъ Кесаріи Фаретрій вооружилъ толпу монаховъ, которые на слѣдующій день пришли къ дому, занятому св. Іоанномъ, и кричали, чтобы онъ немедленно удалился. Сколько ихъ ни убѣждали, монахи стояли на своемъ. Священники города, видя недовольство своего епископа перестали посѣщать путника. Ему нужно было выбирать между смертью отъ монаховъ и смертью отъ Исаврянъ. Онъ избралъ послѣднее. Конвой Златоуста повезъ его далѣе. Хотѣли было остановиться въ предмѣстьи города, но Фаретрій и тамъ произвелъ насиліе. Глубокой ночью, почти въ виду разбойничьихъ шаекъ, глубоко потрясенному и больному Златоусту пришлось отправиться далѣе. Дорога шла по крутымъ уступамъ горъ. Конвой ежеминутно ожидалъ свалиться въ пропасть: не видно было ничего, а тутъ еще разбойники... Вдругъ лошадь св. Іоанна пала на одно колѣно и онъ свалился: его подняли безъ чувствъ... Наконецъ прошла эта ночь несчастій, а другая готовила такіе-же хлопоты. Такимъ образомъ продолжали путь, пока не прибыли въ Кукузъ. Златоустъ потомъ писалъ Олимпіадѣ: „Я теперь въ Кукузѣ, уважаемъ всѣми и внѣ опасности: не бойся въ отношеніи меня Исаврянъ, которыхъ зима заключила

въ ихъ норы; я-же самъ никого не боюсь такъ, какъ епископовъ (намекъ на Ферстрія), исключая немногихъ".

Гостепріимный Діоскоръ, извѣстный Златоусту по Кесаріи, поспѣшилъ упокоить путника въ своемъ кукузскомъ домѣ. Св. Іоанна тотчасъ посѣтили епископъ города и его правитель, предлагая свои услуги. Сирійскій богачъ, владѣвшій землями около Кукуза, обставилъ жизнь изгнанника всѣми удобствами. „Какъ видно, небольшіе городки приносили ему больше счастья, нежели большіе города, селенія—болѣе, чѣмъ столицы—эти жилища зависти, честолюбія и низости" *). Златоустъ ожилъ. За нимъ ухаживала Сабиніана, діаконисса, его родственница, изъ Антіохіи, пріѣхавшая для сей цѣли въ Кукузъ. Ему было хорошо, насколько возможно это для человѣка въ положеніи ссыльнаго. Зима, въ тѣхъ мѣстахъ суровая, еще не успѣла дать себя почувствовать Но скоро ея ужасы сдѣлали положеніе изгнанника невыносимымъ. Онъ сталъ страдать кашлемъ, головной болью, и ему стало такъ тяжко, что онъ послѣ писалъ: „Я былъ у самыхъ дверей смерти, и въ теченіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ во мнѣ оставалось жизни лишь настолько, чтобы чувствовать страданія"... Наступило лѣто и Златоусту стало лучше. Онъ тотчасъ принялся за дѣла, которыхъ накопилось много. Когда всему міру сдѣлалось извѣстнымъ, что великій Іоаннъ сосланъ въ Кукузъ, письма и посланцы со всѣхъ сторонъ полетѣли туда: еще много было у него друзей въ мірѣ, въ которомъ теперь ничего не было извѣстнѣе и славнѣе имени Іоанна. Кажется, теперь онъ узналъ о смерти Флавіана, епископа Антіохійскаго, и въ немъ пробудились жгучія воспоминанія, связанныя съ его родиной и его служеніемъ ей. Въ Антіохіи партія іоаннитовъ была сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Почему насилія, открывшіяся при избраніи преемника Флавіану, отличались большей жесто-

*) Тьерри, 324.

костью. Хитростью попалъ на престолъ Порфирій, чародѣй и развратникъ. Его выбрали Антіохъ и Северіанъ. Переписка св. Іоанна была громадна. Посѣтители-путешественники спѣшили къ нему отовсюду. Порфирій писалъ ко двору: „вся Антіохія въ Кукузѣ“.

Кукузскій изгнанникъ предпринялъ три дѣла. Онъ собирался обратить персовъ и финикіянъ въ христіанство и укрѣпить готовъ въ православіи посредствомъ преданныхъ дѣлу миссіонеровъ. Златоустъ началъ ихъ искать. Но обращеніе Финикіи, начатое давно, несмотря на мужество миссіонеровъ, подвигалось впередъ настолько плохо, что въ нѣсколько лѣтъ едва основано было нѣсколько приходовъ. Священникъ Руфинъ просилъ у Златоуста св. мощей и онъ указалъ на Аравискаго епископа, который, по любви къ изгнаннику и его дѣлу, далъ священнику Терентію св. останки нѣкоторыхъ мучениковъ, съ которыми тотъ вернулся въ Финикію и дѣло обращенія ея настолько подвинулось впередъ, что скоро вся страна стала христіанскою. Своимъ просвѣтителемъ она считала всегда св. страдальца-изгнанника. У готовъ Киммерійскихъ умеръ епископъ Унила, человѣкъ удивительный. Въ Кукузъ попало письмо съ просьбой прислать епископа. Св. Іоаннъ, сколько ни старался, не успѣлъ устроить это дѣло. На границахъ Персіи основался христіанскій городокъ, котораго основателемъ, а потомъ епископомъ былъ Маруѳа, человѣкъ малоученый, но хорошей жизни. Златоустъ начиналъ завязывать съ нимъ сношенія, чтобы познакомить его со своимъ планомъ обращенія Персіи въ христіанство. Но Маруѳа слишкомъ былъ враждебно настроенъ противъ него, чтобы войти съ нимъ въ сношенія. Онъ не думалъ, чтобы у изгнанника могли быть достаточныя средства для успѣшнаго начала проповѣди. Златоустъ понесъ новое огорченіе, о которомъ поспѣшилъ написать Олимпіадѣ. Его переписка съ ней описываетъ намъ всѣ трудности его жизни въ Таврійскомъ

Кукузѣ. Слѣдующая зима была еще болѣе ужасна, чѣмъ предыдущая, и принесла Златоусту знакомыя болѣзни, а нападенія исаврянъ, грабежи ихъ, голодъ и пр. заставили изгнанника бѣжать въ Арависсу, считавшуюся неприступной. „Арависскій холодъ едва не убилъ его". Нападенія исаврянъ на окрестности города довершили чашу золъ. „Куда ни оглянешься,—писалъ Златоустъ,—вездѣ видишь потоки крови, разрушенные дома, раззоренныя деревни". Тяжело было изгнаннику безъ писемъ. „Ничто не доходитъ сюда, ничто не проникаетъ отсюда"—жаловался страдалецъ. Наступила новая весна. Златоустъ снова переселился въ Кукузъ, гдѣ ожидала его масса переписки. Но извѣстія ея опечалили его глубоко. Онъ прочиталъ о новыхъ ссылкахъ, о пыткахъ, о казняхъ его послѣдователей. Сердце его болѣзненно сжалось. Впрочемъ, облегченіемъ Златоусту были небольшія замѣтки, что многіе свѣтскіе сановники приняли его сторону, когда имъ стали ненавистны неистовства Аттика и его клевретовъ. Услышавъ, что Иннокентій готовитъ посольство къ Аркадію съ собственноручнымъ письмомъ Гонорія (западнаго императора) и своимъ посланіемъ, св. Іоаннъ еще разъ написалъ Иннокентію просьбу о соборѣ и дополнилъ ее послѣдними извѣстіями о себѣ. Но посольство, прибавимъ теперь, не имѣло успѣха. Послы, прибывъ въ Константиноль, были оскорблены, заключены въ темницу, у нихъ отняли письма и прогнали назадъ. Враги Златоуста теперь пріобрѣли слишкомъ большую власть надъ Аркадіемъ. Златоустъ потерялъ теперь всякую надежду на оправданіе и возвращеніе въ столицу, но враги его еще не забыли. Послѣ зимы 406 года, ко всѣмъ случайностямъ которой святой Іоаннъ приготовился заранѣе, наступила послѣдняя весна его жизни. Но нерадостна она была для него: полученъ былъ новый указъ—свидѣтельство безчеловѣчной мстительности его враговъ—заключить плѣнника въ Арависскую крѣпость и запретить ему переписку и

сношенія съ міромъ: враги ужаснулись тѣхъ симпатій, которыя оказывались ему въ Кукузѣ. Златоустъ благословлялъ Бога за страданія и враговъ, которые ему ихъ доставили. Но тяжело ему было. Изъ Арависсы онъ успѣлъ послать одно и послѣднее письмо Олимпіадѣ *), проникнутое дивной вѣрой въ Промыслъ Божій.

Но злоба враговъ Златоуста на томъ не успокоилась. Порфирій Антіохійскій хлопоталъ о томъ, чтобы Златоуста услали еще дальше: сочувствіе антіохіянъ Златоусту было ему ненавистно. Страшно подумать, какъ мстительны иногда бываютъ люди! Врагамъ Златоуста „хотѣлось бы видѣть его умирающимъ, просящимъ пощады“. По ихъ настоянію, Аркадій назначилъ Златоусту мѣстомъ ссылки Питіунтъ, на границѣ кавказскихъ владѣній римлянъ. Враги были увѣрены, что „златыя уста Іоанна обрекались здѣсь на молчаніе могильное“ **). Конвою, присланному изъ столицы, враги дали приказъ, обходиться съ плѣнникомъ съ крайней грубостію. Златоуста повлекли въ мѣсто новой ссылки. Тяжелый путь страдальца чины конвоя сдѣлали еще болѣе жестокимъ. Св. Іоанна старались вести или во время дождей, или во время полуденнаго зноя, при чемъ избѣгали остановокъ въ городахъ, запрещали оказывать изгнаннику какое-либо сочувствіе... Прошли Команы и остановились у уединенной церкви, посвященной св. Василиску (епископу Команской церкви, III в.): Златоусту стало худо.

*) По изгнаніи св. Іоанна, Олимпіада оставила Константинополь: онъ ей былъ ненавистенъ—и окончательно поселилась въ Никомидіи. Въ ея домѣ слышались «лишь молитвы и слезы». Лица, ее хорошо знавшія, обращались съ ней какъ со святою. Предъ смертію, которой очевидцемъ былъ никомидійскій епископъ, Олимпіада просила его опустить ея гробъ въ волны моря, что и было исполнено по кончинѣ. Море бережно перенесло ея останки къ берегу одного константинопольскаго предмѣстья. Въ церкви св. Ѳомы она покоилась до 618 года, когда ея мощи были перенесены въ столицу.

**) Тьерри, 415.

Ночью явился ему св. мученикъ Василискъ и сказалъ: „Надѣйся, Іоаннъ! завтра мы будемъ вмѣстѣ“. На слѣдующій день хотѣли отправиться далѣе, но едва прошли нѣсколько верстъ, какъ св. страдалецъ невыразимо началъ мучиться лихорадкой; видно было, что ему немного часовъ осталось жить. Вернулись къ мѣсту стоянки. Священникъ, по просьбѣ Златоуста, одѣлъ его въ бѣлую одежду, пріобщилъ св. Таинъ у самаго алтаря. Златоустъ началъ молиться; горяча была молитва праведника; она окончилась словами: „Слава Богу за все. Аминь“. Златоустъ легъ на полъ церковный, перекрестился, взоръ его угасъ и онъ не всталъ болѣе... „Душа его стряхнула прахъ земной жизни“, взойдя на небо, куда Златоустъ обращалъ взглядъ свой во всю жизнь. Весь міръ, узнавъ о кончинѣ св. Іоанна, оплакивалъ изгнанника. И кто изъ его друзей могъ-бы пожелать ему опять возвращенія въ этотъ негодный „міръ злобы“?

Кончина послѣдовала 14 сентября (407 года), когда весь христіанскій міръ поклоняется св. Кресту Христову. Кто точнѣе Златоуста исполнилъ завѣтъ Спасителя: „аще кто хощетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе, возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ“? Вся жизнь великаго Іоанна, для котораго самое названіе „великаго“ мы считаемъ малымъ, была самоотверженіемъ ради дѣла Христа, съ которымъ наконецъ страдалецъ соединился, бодро пронесши „крестъ свои“ во всю свою многострадальную жизнь. Но да умолкнутъ наши похвалы: все равно, намъ не выразить словами величіе подвига жизни св. Іоанна. Потщимся по силамъ подражать его терпѣнію, его любви къ ближнимъ, его всепрощенію враговъ, не знавшихъ никогда границъ своей злобѣ.

Златоустъ жилъ шестьдесятъ лѣтъ, епископомъ былъ $9^1/_2$ лѣтъ и изъ коихъ 3 года и 3 мѣсяца провелъ въ страданіяхъ изгнанія.

Но исторія жизни св. Іоанна не окончилась съ его

смертію: „праведники во вѣки живутъ“—на небѣ духомъ своимъ, а на землѣ—въ памяти людей, чтущихъ ихъ подвиги и поклоняющихся ихъ св. мощамъ. Остается описать торжества прославленія св. Іоанна вслѣдъ за ужасами послѣднихъ годовъ его жизни.

Имя св. Іоанна раздѣлило при жизни его носителя міръ на двѣ половины, а по смерти оно же и соединило ихъ въ „едино тѣло Христово“, которое терзала раньше ненависть людская.

Чрезъ 7 мѣсяцевъ по смерти Златоуста умеръ Аркадій; преемствовалъ ему его сынъ Өеодосій II, юный мальчикъ. Между восточными и западными епископами завязалась переписка, предметомъ коей былъ поступокъ новаго патріарха Антіохіи Александра (почитателя св. Іоанна), внесшаго имя св. Іоанна въ церковный помянникъ и просившаго о томъ другихъ патріарховъ. Наконецъ, по смерти Өеофила, который написалъ клевету на почившаго св. Іоанна и скоро былъ найденъ мертвымъ на своей постелѣ, его мѣсто занялъ его племянникъ Кириллъ. Его-то было особенно трудно убѣдить въ необходимости внести имя Іоанна въ помянникъ, какъ епископа. Злѣйшій врагъ св. Іоанна Константинопольскій Аттикъ подъ вліяніемъ народа уже внесъ имя епископа Іоанна въ диптихи (помянники), когда Кириллъ еще упорствовалъ, но наконецъ и онъ согласился. На Западѣ папа Иннокентій сразу же по смерти св. Іоанна началъ поминать его въ церковныхъ молитвахъ, какъ епископа. Наконецъ Востокъ и Западъ, при патріархѣ Константинопольскомъ св. Проклѣ, признали Іоанна святымъ и мученикомъ, а его мощи торжественно были перенесены въ столицу.

Однажды св. Проклъ говорилъ къ народу похвальное слово св. Іоанну. Изъ среды народа раздались желанія видѣть его мощи въ столицѣ. Императоръ согласился, ибо уважалъ великаго борца за правду. Богъ устроилъ такимъ образомъ, что Златоустъ, позорно изгнанный изъ

Константинополя при жизни, съ торжествомъ возвратился въ него по смерти. Это случилось чрезъ 30 лѣтъ по кончинѣ св. Іоанна. Императоръ за отца и мать письменно просилъ прощенія у св. изгнанника. Посольство съ письмомъ прыбыло въ Команы, мѣсто упокоенія св. Іоанна, и началось перенесеніе его мощей (совершившееся въ 437 году, празднуемое 27 января). Торжественно было это обратное шествіе святителя въ свою столицу. Исавряне уже не угрожали; епископы не преслѣдовали; вражескія уста сомкнулись подъ печатію смерти. Святые останки Іоанна во все время пути окружали: пресвитеры, монахи, дѣвственницы и толпы народа, всегда благоговѣйнаго. Приблизились къ Босфору; въ третій разъ онъ украсился судами, лодками, факелами, такъ что „море казалось сушею". Слезы радости по случаю возвращенія св. мощей были у всѣхъ на глазахъ. Императорское судно приняло св. Іоанна и тихо-тихо поплыло къ столицѣ. На берегу ожидала св. мощи другая несмѣтная толпа: весь Константинополь со дворомъ во главѣ былъ на пристани. Отсюда мощи были перенесены въ церковь св. Апостоловъ, въ которой и остались. Народъ и царское семейство преклонились предъ св. мощами со словами молитвы, прощенія и слезами. Св. Проклъ обратилъ ликъ св. Іоанна къ народу; онъ возопилъ: „Святѣйшій отецъ! Займи свой престолъ". Нѣкоторые, болѣе чистыя души, услышали его тихое, какъ легкое вѣяніе вѣтра, привѣтствіе: „миръ вамъ". Такъ успокоились „сильныя волны", утихла „жестокая буря!" „Благословенъ Богъ!" сказали бы уста св. Іоанна при жизни. Воистину „слава Богу за все"! Какъ бы ни волновали страсти людскія „крѣпкій корабль Іисусовъ", онъ достигнетъ своей пристани! И намъ, христіанамъ, не твердымъ вѣрой въ Промыслъ Божій, эту истину нужно твердо всегда помнить! Слава же Богу, давшему Златоусту крѣпость духа! Слава Вѣнчавшему его вѣнцомъ нетлѣннымъ!

Теперь мощи св. Іоанна покоятся въ Римѣ, куда они были перенесены при разореніи Константинополя латинянами.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О твореніяхъ *) св. Іоанна Златоуста.

«Не знать столь прекрасныхъ твореній тоже значитъ, что не видѣть солнца въ самый полдень». Прен. Исидоръ Пелусіотъ о твореніяхъ св. Іоанна Златоуста.

Прослуживъ Церкви Христовой беззавѣтно всю жизнь, Златоустъ оставилъ ей богатое наслѣдство. Это — его дивныя творенія. Но намъ, отдѣленнымъ отъ св. Іоанна четырнадцатью столѣтіями, трудно разобраться въ этомъ богатствѣ премудрости и вѣдѣнія духовнаго.

*) Нѣсколько словъ объ изданіяхъ твореній Златоуста и о русской литературѣ, посвященной обзору его жизни и твореній. Творенія Златоуста были изданы Дуцеемъ (1609—1633 гг.), Савиліемъ (1612 г.) и Монфокономъ. Послѣднее изданіе наиболѣе полное; оно перешло съ исправленіями въ патрологію Миня, въ которой состоитъ изъ 13 томовъ. Творенія Златоуста переводились на разные языки. Полный переводъ твореній св. Іоанна существуетъ на французскомъ языкѣ. Русскій переводъ твореній Златоуста, составлявшихъ любимое чтеніе нашихъ предковъ, по частямъ началъ появляться съ XI вѣка прежде на славянскомъ нарѣчіи, а потомъ и въ русскомъ текстѣ. Съ 1894 года Петербургская Духовная Академія предприняла полное изданіе твореній Златоуста, имѣющее состоять изъ 12 томовъ по 2 части въ каждомъ. Честь и слава академической корпораціи, непожалѣвшей ученыхъ силъ своихъ на удовлетвореніе одной изъ насущныхъ потребностей русскаго народа.

Русская литература о Златоустѣ достаточно обширна. Извѣстны: «Жизнь св. Іоанна Златоуста», изданная въ Москвѣ въ 1860 году, «Жизнь св. Іоанна Златоуста», помѣщенная въ «Приб. къ Твор. свв. отцовъ», 1855—1857 гг., «Жизнь св. Іоанна Златоуста», написан-

Нѣтъ прежде всего точной, такъ сказать, описи этому наслѣдству. Никто изъ современниковъ св. Іоанна не позаботился собрать всѣ его сочиненія и сохранить ихъ въ надежныхъ рукахъ. Да это, скажемъ въ извиненіе современниковъ, весьма трудно было сдѣлать тогда, какъ теперь совсѣмъ невозможно.

Въ Златоустѣ мы прежде всего дивимся необыкновеннѣйшей плодовитости его ума и сердца. „Никто кромѣ Бога—говоритъ Свида—не знаетъ, сколько всего написалъ Златоустъ". Но и того, сколько дошло до насъ чрезъ 14-ть вѣковъ, вполнѣ достаточно для изученія въ теченіе цѣлой жизни. И находились любители письменности св. Іоанна—онъ вполнѣ этого заслуживаетъ,—которые посвящали ея изученію всю свою жизнь. Творенія св. Іоанна писаны имъ во время жизни въ пустынѣ, въ годы служенія родной Антіохіи и въ Константинополѣ.

Первымъ самымъ раннимъ христіанскимъ произведеніемъ св. Іоанна были два его „увѣщанія", написан-

---

ная Лопухинымъ и помѣщенная въ введеніи къ I тому «Полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста», изд. С.-Петербургской Духовной Академіи. Въ «Бог. Вѣстн.» помѣщена статья Соколова: «Юношескіе годы св. Іоанна Златоуста и приготовленіе его къ пастырскому служенію» (1895 г. Сент. - Ноябрь). Въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» (за 1890 г. III, 1891 г. I—II, 1892 г. I—II) имѣется изслѣдованіе проф. Малышевскаго: «Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца и въ санѣ діакона и пресвитера». Въ «Христ. Чтеніи» извѣстны намъ двѣ статьи: 1) «Труды св. Іоанна Златоуста по устройству общественнаго богослуженія» (1849 г., I); 2) Златоустъ, какъ проповѣдникъ человѣколюбія и милостыни (1897 г., 1—2 кн.) и друг. Много облегчили намъ трудъ: 1) А. Филаретъ «Историческимъ ученіемъ объ отцахъ церкви»; 2) А. Тьерри, котораго образцовый трудъ озаглавленъ: «Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдокія», переводъ, Москва 1884 г., и 3) Фарраръ—сочиненіемъ: «Власть тьмы въ царствѣ свѣта», въ переводѣ А. Лопухина. Весь матеріалъ изъ христоманій: Поторжинскаго, Зарницкаго, Булгакова, Благоразумова и др. перешелъ въ нашъ сборникъ съ значительными прибавленіями.

ныя къ другу „Θеодору падшему“ во время подвижничества св. Іоанна въ пустынѣ (369 г.). Основной мыслію „увѣщаній“ было изображеніе суетности міра съ его прелестями, на время увлекшими друга. Эта „проба пера“ удалась св. Іоанну: иноки пустыни зачитывались первымъ трудомъ юнаго Іоанна, радуясь благодати слова, въ немъ открывшейся. Скоро „сокрушенные и опечаленные своими грѣхами“ могли утѣшаться сладостію надежды на спасеніе, разлитой въ новомъ лучшемъ произведеніи св. Іоанна—двухъ словахъ „о сокрушеніи“: это сочиненіе установило писательскую извѣстность св. Іоанна. Писанія его удовлетворяли самымъ строгимъ требованіямъ; читатели-иноки уже воспитали въ себѣ увѣренность, что всякое произведеніе св. Іоанна будетъ прекрасно.

Наступившія гоненія на монаховъ отъ императора Валента побудили св. Іоанна стать мужественнымъ защитникомъ гонимыхъ. Защита монаховъ выполнена имъ въ трехъ словахъ, написанныхъ около 376 года. Литературная извѣстность св. Іоанна возросла послѣ сихъ и подобныхъ опытовъ настолько, что его собирались поставить епископомъ, но избранникъ бѣжалъ.

Это событіе взволновало смиренную душу св. Іоанна многоразличными мыслями „о священствѣ“, которыя онъ и изложилъ въ небольшомъ дивномъ твореніи сего имени. Св. Іоаннъ оправдываетъ въ немъ свое бѣгство указаніемъ на высоту, важность и трудность священническаго сана и свою къ нему неподготовленность. Сочиненіе наполнено мыслями, которыя въ теченіе 14 вѣковъ не устарѣли и побуждаютъ пастырей дорожить правами и обязанностями своего высокаго званія, а пасомыхъ—чтить пастырей, иногда недостойныхъ, за высоту и трудность священническаго смиренія, почти непосильную грѣшному человѣку. „Древность не представляетъ ничего подобнаго сему произведенію“. „Нѣтъ такой души, которая, читая его, не воспламенилась-бы

божественною любовью" *) — говорилъ преп. Исидоръ Пелусіотъ.

Книги „о дѣвствѣ" и „къ молодой вдовѣ" написаны св. Іоанномъ, кажется, до принятія пресвитерскаго сана.

Съ полученіемъ священной благодати св. Іоаннъ сталъ исключительно проповѣдникомъ слова Божія. Проповѣдничество св. Іоанна стяжало ему славу, коею онъ пользуется четырнадцать столѣтій и она будетъ возрастать все болѣе и болѣе, ибо христіанскій міръ не явилъ человѣка, подобнаго св. Іоанну.

Потомство не уступало въ похвалахъ св. Іоанну, какъ проповѣднику, его современникамъ. Его называли „величайшимъ свѣтильникомъ міра, вселенскимъ учителемъ, свѣтомъ истины, трубой Христовой, мудрымъ истолкователемъ божественныхъ таинъ, окомъ церкви византійской и всѣхъ церквей" **) и пр. Названіе Златоустаго утвердилось за нимъ на вѣки.

Проповѣди св. Іоанна часто вызывали у слушателей слезы и рыданія—лучшее свидѣтельство ихъ высокаго качества, а иногда—непріятныя ему рукоплесканія. Эти блестящіе успѣхи приходились на долю св. Іоанна потому, что онъ былъ отличный психологъ. „Сердце человѣческое не было для него недоступною бездною; онъ зналъ, онъ умѣлъ проникать во всѣ сокровенности его, раскрывать самые затаенные его изгибы" ***).

Проповѣди антіохійскаго періода, говорятъ, лучше и выше проповѣдей константинопольскаго происхожденія. Но мы думаемъ, что оцѣнить сравнительное достоинство проповѣдей св. Іоанна столь-же трудно, сколь не легко изъ массы алмазовъ и брилліантовъ, ослѣпляющей глаза, выбрать самые лучшіе. Краснорѣчіе св. Іоанна неописуемо: „говорить краснорѣчиво для Златоустаго было

*) А. Филаретъ, II, 320.
**) А. Филаретъ, II, 305, 321.
***) Жизнь св. Іоанна Златоуста. Москва, 1860 г., 220 стр.

тоже, что просто говорить“ *). Почти невозможно соединить ясность рѣчи и глубину мысли такъ удачно, какъ это дѣлалъ дивный геній св. Іоанна. Кажется, справедливо замѣчаютъ, что проповѣди св. Іоанна, сказанныя безъ приготовленія, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, лучше его обыкновенныхъ проповѣдей. Это замѣчаніе—новое свидѣтельство о необыкновенномъ проповѣдническомъ дарѣ св. Іоанна.

Бесѣды „о статуяхъ“, слово о Евтропіи, „о нищихъ“, предъ удаленіемъ изъ столицы и по возвращеніи въ нее, третья похвала св. Павлу—образцы краснорѣчія св. Іоанна. Онъ рѣдко записывалъ свои проповѣди прежде произнесенія. За нимъ записывали другіе почти съ буквальной точностью. А Златоустъ сочинялъ проповѣди въ моментъ ея произнесенія, чѣмъ еще болѣе поднимается въ нашемъ мнѣніи личность св. Іоанна, какъ оратора. Рѣчь проповѣдника движется легко и свободно. Примѣры изъ библіи, изъ жизни свв. отцевъ и мучениковъ, иногда даже изъ исторіи греко-римскаго міра, сравненія, уподобленія, вопросы для возбужденія вниманія въ слушателяхъ чередуются и въ обиліи находятся во всѣхъ проповѣдяхъ св. Іоанна. Ихъ цѣль—быть какъ можно болѣе понятнымъ слушателямъ, возбудить ихъ волю и чувство къ исполненію заповѣдей Христовыхъ. Все это показываетъ, что св. Іоаннъ былъ, такъ сказать, поэтъ въ душѣ и проповѣди. Поэтично, напр., его сравненіе церковнаго собранія съ волнующимся моремъ и нивой. „Какъ,—говорилъ св. Іоаннъ,—пріятны для насъ волны этого духовнаго моря,—пріятнѣе и волнъ морскихъ! Ибо тѣ воздвигаются возмущеніемъ вѣтровъ, а эти желаніемъ слышать поученіе; тѣ, воздымаясь, приводятъ кормчаго въ великій страхъ, а эти, появляясь, влагаютъ въ говорящаго великое дерзновеніе. Тѣ суть знакъ ярящагося моря, а эти признакъ

*) А. Филаретъ, II, 310.

души радостной; тѣ, ударясь о камни, производятъ глухой шумъ, а эти, приражаясь слову ученія, издаютъ пріятный звукъ. Равнымъ образомъ и дуновеніе легкаго вѣтра, когда онъ падаетъ на нивы и то приклоняетъ къ землѣ, то поднимаетъ вверхъ головки колосьевъ,—представляетъ на сушѣ подобіе морскихъ волнъ. Но и тѣхъ нивъ пріятнѣе эта нива: потому что не дуновеніе вѣтерка, а благодать Св. Духа возбудила и согрѣла души ваши". Св. Іоаннъ часто пользовался самыми маловажными обстоятельствами для уясненія церковнаго ученія. Однажды онъ произносилъ проповѣдь. Слуга церковный сталъ зажигать лампады. Слушатели заглядѣлись на зажигавшаго лампады, чѣмъ и вызвали упреки со стороны проповѣдника. „Мы говоримъ вамъ о Писаніи, а вы, отведши глаза отъ насъ, устремили ихъ на лампады и на возжигающаго лампады. Какая это небрежность, оставивъ насъ, смотрѣть на этого человѣка! И я возжигаю огонь отъ Писанія, и на языкѣ нашемъ горитъ свѣтильникъ ученія. Этотъ свѣтъ важнѣе и лучше того свѣта; мы зажигаемъ не свѣтильню, увлаженную масломъ, какъ этотъ человѣкъ, но воспламеняемъ любовію къ слушанію души, увлажаемыя благочестіемъ".

Вообще всѣ богатыя дарованія своего ума и сердца св. Іоаннъ вложилъ въ дѣло служенія проповѣди, стараясь лишь быть простымъ, понятнымъ и назидательнымъ для слушателей.

Въ Антіохіи св. Іоанномъ составлено было краткое обозрѣніе содержанія книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, истолкованы книги: Бытія (въ 386 году), псалтирь (не вся), Іова, часть пр. Исаіи и нѣкоторыхъ другихъ большихъ и малыхъ пророковъ, сказаны бесѣды объ Іовѣ, объ Аннѣ и Самуилѣ, Давидѣ и Саулѣ, Маккавеяхъ, „о темнотѣ пророчествъ", объяснены Евангелія отъ Матѳея, отъ Іоанна, Дѣянія Апостольскія, посланія св. ап. Павла къ Римлянамъ, Коринѳянамъ, Галатамъ, Ефесеямъ, Тимоѳею, Титу (остальныя посланія объяснены

съ константинопольской каѳедры), написаны слова и бесѣды на дни Рождества Христова, Богоявленія, Пасхи, Вознесенія, Пятидесятницы, Воздвиженія Креста Господня, св. Четыредесятницы (и страстной седмицы), въ дни памяти святыхъ мучениковъ, особенно чтимыхъ въ Антіохіи, сказаны слова противъ іудеевъ, язычниковъ и еретиковъ, потомъ продолженныя въ Константинополѣ, о покаяніи и др.

Константинопольская каѳедра огласилась толкованіями на посланія къ Колоссянамъ, Филипписеямъ, Солунянамъ, Евреямъ и знаменитыми проповѣдями, сказанными по случаю выдающихся обстоятельствъ жизни св. церкви и св. Іоанна.

Изъ всей массы произведеній св. Іоанна до насъ дошло только 804 бесѣды и нѣсколько сочиненій, вѣроятно, столько-же, если не болѣе бесѣдъ утеряно, а многія искажены, вслѣдствіе чего принадлежность ихъ св. Іоанну сдѣлалась сомнительной.

Какъ видимъ, св. Іоаннъ Златоустъ объяснилъ почти все Священное Писаніе Новаго Завѣта и весьма многое изъ книгъ Ветхозавѣтныхъ. Новозавѣтныя толкованія св. Іоанна выше Ветхозавѣтныхъ, потому что для толкованія рѣченій Ветхаго Завѣта потребны были прежде всего отличныя знанія еврейскаго языка, которыми св. Іоаннъ не владѣлъ, а толкованія его по Новому Завѣту справедливо считаются образцовыми, потому что греческій языкъ, на которомъ онъ написанъ, св. Златоустъ зналъ отлично, обладая всей массой греческой учености.

Сильная любовь св. Іоанна къ толкованію Слова Божія объясняется глубокимъ значеніемъ послѣдняго для христіанина. „Великое огражденіе противъ грѣха чтеніе Писаній, великая бѣда, глубокая бездна—незнаніе Писанія, великая погибель—ничего не знать изъ Слова Божія; это-то породило ереси, это-то ввело жизнь развратную, это-то поставило все вверхъ дномъ“.

Св. Іоаннъ любилъ объяснять Священное Писаніе въ своихъ вдохновенныхъ проповѣдяхъ, изъ которыхъ каждая раздѣляется на двѣ части. Первая излагаетъ истолкованіе текста, а другая объясняетъ, какъ приложить Священное Писаніе къ жизни, какъ осуществить то, что заповѣдуетъ Писаніе. Такимъ образомъ св. Іоаннъ въ своихъ истолковательныхъ проповѣдяхъ представляетъ намъ обильнѣйшій матеріалъ для нравственнаго назиданія и построенія жизни по правиламъ Слова Божія. Толкованія Св. Писанія, принадлежащія св. Іоанну, отличаются ясностію, доступностію для каждаго, внимательнаго къ Слову Божію. Св. Іоаннъ давалъ буквальное объясненіе всему Писанію и лишь въ нѣкоторыхъ необходимыхъ случаяхъ отыскивалъ смыслъ переносный, иносказательный. Для уразумѣнія прямого смысла извѣстнаго мѣста св. Іоаннъ обращалъ должное вниманіе на связь мыслей, на общую цѣль, которой подчинена вся священная книга, для чего иногда сравнивалъ переводы Священнаго Писанія, толковалъ еврейское реченіе помощью греческаго текста и т. д. Св. Іоаннъ осторожно относился къ пророческому значенію Ветхозавѣтныхъ Писаній, имѣя въ виду „темноту пророчествъ", въ нихъ заключавшихся.

Изъ образцовыхъ толкованій священнаго Писанія Новаго Завѣта лучшее—объясненіе св. Евангелія отъ Матѳея. Оно — антіохійскаго происхожденія и уже при жизни толковника переведено было на другіе языки. О толкованіяхъ Павловыхъ посланій говорятъ, что самъ „св. учитель языковъ" Павелъ, являвшійся въ видѣніяхъ неоднократно своему истолкователю, научалъ и вдохновлялъ его въ многотрудной работѣ. „Еслибы св. Павелъ захотѣлъ языкомъ греческимъ объяснять себя самого, то онъ не иначе сталъ бы толковать, какъ толковалъ св. Златоустъ знаменитый" *) (Исидоръ Пелу-

*) А. Филаретъ, II, 329.

сіютъ). Что можетъ быть выше сей похвалы, впрочемъ совершенно заслуженной? Посланія къ Римлянамъ и Галатамъ объяснены св. Іоанномъ лучше другихъ посланій *). „Наибольшею помощію св. Іоанну были его святое настроеніе, добрая жизнь, благоговѣніе и чистое разумѣніе христіанскаго ученія, а отсюда его способность мыслію и сердцемъ воспринимать смыслъ Слова Божія, воспринимать высшее озареніе благодати, отверзавшей ему умъ разумѣти Писанія, и вводить другихъ въ разумѣніе его“ **).

На первомъ мѣстѣ въ истолковательныхъ бесѣдахъ св. Златоуста, въ проповѣдяхъ его противъ язычниковъ, іудеевъ, еретиковъ, стоитъ, конечно, догматическое ученіе, какъ основа и корень нравственнаго ученія. Но догматическія сочиненія св. Іоанна послѣ опроверженій аріанства св. отцами Церкви: Аѳанасіемъ Александрійскимъ, Василіемъ Великимъ и Григоріемъ Богословомъ для насъ уже не имѣютъ всѣхъ прелестей новизны содержанія, хотя для современниковъ Златоуста они были тѣмъ же въ Антіохіи, чѣмъ творенія св. Аѳанасія—въ Александріи, Григорія Богослова въ Константинополѣ, Василія Великаго въ Кесаріи, т. е. пробнымъ камнемъ для православнаго богословія, ибо отличались (догматическія сочиненія св. Іоанна) всѣми лучшими достоинствами твореній св. Іоанна.

Златоустъ—главнымъ образомъ учитель нравственности. Сущность нравственнаго ученія св. Іоаннъ полагалъ въ любви къ Богу и ближнему. Онъ по преимуществу проповѣдникъ любви во всѣхъ ея многоразличныхъ видахъ. „Началомъ и концомъ, корнемъ и верхомъ, полнотой и содержаніемъ добродѣтели Златоустъ считалъ любовь къ Богу, соединенную съ любовью къ

*) Малышевскій, «Труды», 1891 г., I, 305.

**) Отъ его толкованія на посл. къ Евреямъ остались лишь краткія записки, несомнѣнно, впрочемъ, подлинныя.

ближнему“ *). По его ученію, высшій и единственный предметъ любви человѣка на землѣ—Богъ любви, всепрощенія и милосердія. „Кто воспламеняется любовью къ Богу, тотъ уже не хочетъ болѣе смотрѣть на предметы, подлежащіе зрѣнію тѣлесному, но, имѣя у себя другія очи, очи вѣры, постоянно устремляетъ умъ свой къ небеснымъ предметамъ, ихъ созерцаетъ, и, ходя по землѣ, дѣлаетъ все такъ, какъ бы жилъ на небѣ, не встрѣчая ни въ чемъ человѣческомъ препятствія къ подвигамъ добродѣтели.“

Христіанинъ по пламенной любви къ Богу всегда изливаетъ всѣ чувствованія свои предъ нимъ въ молитвѣ, ибо „она есть союзъ любви съ Богомъ, бесѣда съ Нимъ“. На вопросъ: можетъ ли Богъ даровать намъ благо безъ нашей просьбы, Ему извѣстной по всевѣдѣнію Божественному—Златоустъ отвѣтилъ, что „Богъ можетъ подать намъ и прежде прошенія нашего, но Онъ потому ожидаетъ нашего прошенія, чтобы имѣть случаи праведно удостоить насъ Своего промышленія“. Посему „не переставай,—говоритъ святитель,—просить, пока не получишь, конецъ молитвы—полученіе просимаго. Тогда перестань, когда получишь, или лучше и тогда не переставай, но пребывай въ молитвѣ. Если ты не получилъ, то молись, чтобы получить; если же получилъ, то благодари за то, что получилъ“. Прекрасно св. Іоаннъ развиваетъ мысль о дѣйственности всецерковной молитвы. „Какъ пристань (при морѣ), защищенная отъ вѣтровъ и волнъ, даетъ полную безопасность входящимъ въ нее судамъ: такъ и домъ Божій, какъ бы исторгая входящихъ въ него изъ бури мірскихъ дѣлъ, даетъ имъ стоять спокойно и безопасно, и слушать Слово Божіе. Храмъ—есть школа добродѣтели, училище любомудрія не только во время службы, но и раньше и послѣ нея... Войди въ преддверіе и какъ бы вѣтерокъ

---

*) А. Филаретъ, II, 314.

какой-то духовный повѣетъ на твою душу. Эта тишина внушаетъ страхъ и учитъ любомудрію; возбуждаетъ умъ, и не даетъ помнить о настоящемъ, но переноситъ тебя съ земли на небо. Если же такъ полезно быть здѣсь и безъ собранія, то какую пользу получаютъ здѣсь присутствующіе и какую потерю несутъ отсутствующіе тогда, когда пророки возглашаютъ, когда апостолы благовѣствуютъ, когда Христосъ стоитъ посреди, когда Отецъ одобряетъ происходящее здѣсь, когда Духъ Святый сообщаетъ свою радость?" Златоустъ цѣнитъ и домашнюю молитву. „Нѣтъ ничего прекраснѣе жилища, въ которомъ совершаются молитвы" всѣми его членами вмѣстѣ.

Изъ любви къ Богу вытекаетъ любовь къ ближнимъ, Златоустомъ называемая „матерію всѣхъ благъ и совершительницей всякой добродѣтели". „Всякое благое дѣло,—говоритъ св. Іоаннъ,—есть плодъ любви".

„Любовь, по Златоусту, есть великая наставница, она можетъ выводить людей изъ заблужденія, преобразовать сердце, руководствовать къ любомудрію и изъ камней дѣлать людей. Если хочешь испытать ея силу, приведи ко мнѣ дикаго, который боится всякаго шума, пугается тѣни, человѣка вспыльчиваго, свирѣпаго, похожаго болѣе на звѣря, чѣмъ на человѣка, сладострастнаго, распутнаго, словомъ—человѣка со всѣми пороками; отдай его въ руки любви, введи въ ея училище и скоро увидишь, что дикій и не смѣлый сдѣлается человѣкомъ мужественнымъ, великодушнымъ, отважнымъ на все". Но самый благой плодъ любви къ ближнимъ, по ученію св. Златоуста, есть человѣколюбіе и милостыня. Въ ученіи св. Іоанна обѣ сіи добродѣтели являются лишь другими именами той-же любви. И неподражаемо-краснорѣчивый Златоустъ умѣлъ одушевлять христіанъ на подвиги человѣколюбія и милостыни. Кажется, ни о чемъ онъ такъ часто не говорилъ, какъ о необходимости благоукрашаться сими добродѣтелями, коими мы уподобляемъ себя милосердому Христу, принимающему наши подая-

нія изъ рукъ бѣдныхъ, больныхъ, обездоленныхъ и т. д.; кажется, ничего такъ часто не обличалъ Златоустъ, какъ скупость, жадность къ золоту, жестокость сердца богачей. „Богъ предалъ за тебя, — говорилъ однажды св. Іоаннъ имъ,—Своего Сына, а ты не даешь и куска хлѣба этому Сыну, который былъ преданъ и закланъ за тебя? Отецъ безъ колебанья предалъ Его за тебя, хотя Онъ истинно Его Сынъ, а ты оставляешь умирать Его съ голода, хотя даже и то, что бы ты далъ Ему, происходитъ отъ Него, и ты далъ бы это ради твоей собственной пользы. Можетъ ли быть нечестіе больше этого? Онъ распятъ ради тебя, Онъ умеръ за тебя, Онъ терпитъ голодъ ради тебя; ты далъ бы Ему только то, что принадлежитъ Ему и притомъ ради твоей собственной пользы и ты отказываешь дать это? Не жестче ли камня тѣ, которые, увлекаемые столькими побужденіями быть добрыми, продолжаютъ упорствовать въ этомъ „діявольскомъ безчеловѣчіи“? Для Іисуса Христа недостаточно того, что Онъ умеръ на позорномъ древѣ: Онъ хочетъ быть бѣднымъ, нагимъ, странникомъ, Онъ хочетъ быть узникомъ и больнымъ, чтобы пріобрѣсть тебя по крайней мѣрѣ этимъ. Если ты, говоритъ Онъ, не отзываешься на Мою любовь, то сжалься надъ Моею бѣдностью. Если ты нечувствителенъ къ Моей бѣдности, не будь такимъ къ Моимъ болѣзнямъ и къ Моей темницѣ. Если бѣдствія, которыя терплю Я, не могутъ смягчить твоего сердца, поразсуди, какъ малаго Я требую, и не отказывай. Я не требую отъ тебя какой-нибудь чрезмѣрной щедрости, а только хлѣба, крова, утѣшенія въ нѣсколькихъ словахъ. Если ты все еще безжалостенъ, то сдѣлайся человѣчнѣе при мысли о царствѣ небесномъ, о наградахъ, которыя обѣщаю Я. Если все это не дѣйствуетъ на тебя, то сжалься при видѣ Меня нагимъ, припоминая Мою наготу на крестѣ. Я былъ нагъ, и нагъ еще и теперь; Я былъ узникомъ, и таковъ еще и теперь. Пусть то или другое состояніе подѣйствуютъ на твою

душу. Ради тебя терпѣлъ Я голодъ, и терплю его еще и теперь. Я жаждалъ на Голгоѳѣ, и жажду въ лицѣ бѣдныхъ, дабы Мои прошлыя бѣдствія и бѣдствія настоящія привлекли тебя ко Мнѣ и умилосердили тебя ради твоего же собственнаго спасенія. Хотя бы ты обязанъ былъ Мнѣ тысячью благодѣяній. Я не долга требую отъ тебя, а вѣнецъ предлагаю тебѣ: Я обѣщаю тебѣ небо за скромную милостыню. Я не говорю тебѣ: избавь Меня отъ бѣдности, отдай Мнѣ твои богатства, хотя Я и бѣденъ, то ради тебя; Я прошу у тебя только немного хлѣба, одежды, пособія въ своей бѣдственности. Будучи узникомъ, Я не прошу тебя разбить Мои оковы, но посѣтить того, кто связанъ ради тебя; Я удовольствуюсь этимъ благодѣяніемъ, за которое обѣщаю тебѣ небо. Я разрушилъ твои цѣпи, самыя тяжелыя изъ цѣпей; взамѣнъ этого Мнѣ достаточно, если ты придешь посѣтить Меня въ темницѣ. Я могъ бы и безъ всего этого увѣнчать тебя, но Я хочу быть твоимъ должникомъ, дабы, получая вѣнецъ, ты имѣлъ удовлетвореніе въ томъ, что онъ заслуженъ тобою. Вотъ почему, Самъ имѣя возможность питать Себя, Я выпрашиваю себѣ пропитаніе. Вотъ почему Я стою у твоихъ дверей, протягиваю руку и прошу помочь Мнѣ, ибо Я люблю тебя. Я люблю столъ, какъ это въ обычаѣ у друзей; Я отлагаю мою славу, чтобы принять отъ тебя Свой хлѣбъ; скажу передъ всей землей, возвѣщу всѣмъ людямъ, что ты именно утолилъ Мой голодъ. Мы стыдимся жить на счетъ другихъ; мы скрываемъ благодѣяніе, которое получено нами. Іисусъ Христосъ, напротивъ, любитъ насъ настолько, что когда даже мы тайно подаемъ милостыню, Онъ повсюду возвѣщаетъ о ней съ великими похвалами и не стыдится сказать, что Онъ былъ нагъ и мы одѣли Его, былъ голоденъ и мы напитали Его“.

Этотъ отрывокъ составляетъ часть одной изъ восторженныхъ бесѣдъ Златоустаго о „царицѣ добродѣтелей“— милостынѣ, вызвавшій громъ рукоплесканій со стороны

слушателей. Но проповѣдникъ ихъ отвергъ. „Къ чему мнѣ,—восклицаетъ онъ,—эти клики и весь этотъ шумъ? Одного только прошу я у васъ—примѣра добрыхъ дѣлъ, вашей внимательности, доказываемой дѣлами. Вотъ что для меня лучше прекраснѣйшей діадимы. Постараемся же получить эту діадиму отъ руки бѣдныхъ“ *).

На ученіи о любви къ Богу и ближнимъ св. Іоаннъ построилъ цѣлую систему нравственнаго ученія, для котораго творенія его представляютъ богатѣйшій матеріалъ. Св. Іоаннъ, какъ мы знаемъ изъ исторіи жизни его, училъ терпѣнію, сокрушенію о грѣхахъ, смиренномудрію, милосердію; обличалъ гордость, самонадѣянность, страсть къ зрѣлищамъ, къ злословію и пересудамъ, къ клятвѣ и т. д.

Источникомъ нравственнаго ученія св. Іоаннъ признавалъ лишь Священное Писаніе, а философіи отводилъ весьма малое мѣсто. Св. Іоаннъ не любилъ обосновывать нравственной истины на началахъ разума, но для уясненія ея всегда старался отыскивать прямой смыслъ священнаго Писанія, понять заключающіяся въ немъ мысли и изложить ихъ просто и общедоступно. Эти особенности въ толкованіи Писанія и въ изложеніи нравственнаго ученія были воспитаны въ Златоустѣ Діодоромъ, котораго самъ онъ называлъ своимъ „отцемъ и учителемъ“, и Флавіаномъ. Оба они вмѣстѣ съ Златоустомъ были лучшими представителями Антіохійской богословской школы, въ которой одновременно съ толкованіемъ священнаго Писанія обращалось главное вниманіе учениковъ на вопросы нравственно аскетическіе и самое толкованіе велось по методу, который должно назвать практическимъ, и который мало давалъ простора для тонкостей умозрѣнія и разсужденій философскихъ. Въ противоположность Аѳанасію Великому, Григорію

---

*) Изъ статьи о св. Златоустѣ А. Лопухина (Христ. Чтеніе, 1897 г., Февраль, 246—247).

Богослову и Василію Великому, разработавшимъ догматику христіанства, св. Іоаннъ Златоустъ выставилъ на видъ нравственный смыслъ Писанія, его руководящее значеніе въ жизни. Если тѣ великіе отцы изучали Писаніе главнымъ образомъ съ той цѣлью, чтобы вывести изъ него основы вѣры, то Златоустъ день и ночь читалъ его для того, чтобы на его основаніи возвести стройное зданіе христіанской нравственности.

Св. Іоаннъ не мало потрудился въ устроеніи богослуженія, о благолѣпіи котораго онъ всегда заботился съ ревностію, достойной сего великаго дѣла. Немного послѣ того, какъ св. Василій Великій сократилъ чинъ древней литургіи, св. Іоаннъ Златоустъ сократилъ литургію св. Василія Великаго, быстро вошедшую на Востокѣ во всеобщее употребленіе, но константинопольскимъ христіанамъ казавшуюся слишкомъ продолжительной. Они не могли выстаивать всей литургіи, и уходили, не дослушавъ ее до конца, почему подвергались упрекамъ со стороны св. Іоанна. Чтобы отнять у христіанъ всякій поводъ къ лѣности, св. Іоаннъ сократилъ Василіеву литургію и сдѣлалъ это трудное дѣло не менѣе удачно, чѣмъ св. Василій Великій. Впослѣдствіи Златоустова литургія дополнилась многими пѣснопѣніями, каковы: пѣснь „Единородный Сыне“, „блаженны“, „трисвятое“, „Херувимская пѣснь“ и молитва, ее поясняющая, „Достойно есть“, „Да исполнятся уста наша“, — такъ что литургія св. Іоанна по объему теперь едва-ли меньше Василіевой. Исторія жизни св. Іоанна показываетъ намъ, что имъ устраиваемы были впервые крестные ходы и всенощныя бдѣнія. Онъ составлялъ церковные гимны для нихъ, изливая въ нихъ свою высокорелигіозную поэтически настроенную душу, писалъ молитвы и пр. Изъ молитвъ, составленныхъ св. Іоанномъ, извѣстны молитвы предъ принятіемъ св. Таинъ (въ ихъ числѣ: „вѣрую, Господи, и исповѣдую“...), при крещеніи, при погребеніи („Боже

духовъ и всякія плоти“), нѣкоторыя изъ вечернихъ („Господи, въ покаяніи пріими мя“—особенно прекрасная молитва) и др. Св. Іоанну Константинопольскому именно обязана древне-церковная пѣснь—славословіе „слава Отцу и Сыну и Святому Духу...“ тѣмъ, что съ его времени пѣснь сія стала входить въ составъ каждаго богослуженія, стала припѣвомъ въ концѣ почти каждой молитвы; теперь она внятно поучаетъ самой высокой тайнѣ (истинѣ единосущія св. Троицы) и простыя сердца“ *).

Наконецъ св. Іоаннъ Златоустъ извѣстенъ своими письмами къ Олимпіадѣ. Всѣ писатели самаго высокаго мнѣнія объ этихъ письмахъ. „Ни одно философское произведеніе древности не кажется мнѣ, — говоритъ Тьерри **),—болѣе достойнымъ такого искренняго удивленія, какъ вся совокупность небольшихъ сочиненій въ формѣ писемъ и разсужденій, обращенныхъ Златоустомъ къ Олимпіадѣ изъ ссылки... Изъ писемъ видно, что часть ихъ писана во время путевыхъ остановокъ, подъ кровлями, открытыми всякимъ перемѣнамъ погоды, урывками въ минуты остановокъ, которыя давались ему для сна; другіе—въ дикихъ пустыняхъ, частію въ Кукузѣ подъ страхомъ исаврянъ, частію въ Арависсѣ среди вѣчныхъ снѣговъ. Въ этомъ ужаснѣйшемъ изъ изгнаній не было такого страданія, горечи котораго не испилъ бы св. Іоаннъ до дна, каплей по каплѣ, — и въ тоже самое время онъ утѣшаетъ другихъ, а о себѣ говоритъ: „изгнаніе—ничто“, показывая это и самымъ дѣломъ ***). А Олимпіадѣ утѣшеніе было необходимо: она была удручена свыше мѣры, говоря: „не услышу я болѣе голоса Божія изъ этихъ золотыхъ устъ, его лучшихъ толкователей“. Доказавъ ей, что „есть одно только зло—

*) Христ. Чт. 1849, I, 100.
**) 334 стр.
***) Тьерри, 335.

грѣхъ, и нѣтъ другаго блага кромѣ добродѣтели" *), Златоустъ выясняетъ, „что въ борьбѣ духъ человѣческій укрѣпляется самыми испытаніями, которыя онъ претерпѣваетъ. Такова природа скорбей: онѣ возносятъ превыше всѣхъ страданій тѣхъ, кто ихъ испытываетъ спокойно и великодушно. Деревья, выростающія въ тѣни, лишены крѣпости и становятся неспособны производить плоды; тѣ же, которые предоставлены всѣмъ перемѣнамъ воздуха, порывамъ вѣтра, лучамъ солнца,—полны силы, одѣваются листьями и покрываются плодами..." *) и далѣе совѣтуетъ: „не допуская себя до отчаянія, оживи мысли другихъ, научи ихъ презирать пустыя тѣни, призраки ночи, мечты, грязь, ими попираемую; научи ихъ презирать этотъ дымъ летучій, не смотрѣть на паутину, какъ на дѣйствительное препятствіе; научи проходить, не останавливаясь предъ травой, готовой истлѣть,—ибо что же другое, какъ не все это, наши земныя благополучія и бѣдствія?". Да, такія письма, получаясь въ Константинопольскомъ лагерѣ сторонниковъ Іоанна, могли ободрить, подкрѣпить, закалить и обратить ихъ въ такую грозную твердыню угнетенной правды и невинности, что никакія волны торжествующей ненависти и злобы не были въ силахъ расшатать и уничтожить ее (твердыню)... Скучавшею разлукою съ св. Іоанномъ Олимпіадѣ онъ совѣтовалъ поучаться изъ его твореній.

Св. Іоаннъ Златоустъ, поставлявшій одною изъ цѣлей своего служенія Слову Божію воспитать въ слушателяхъ любовь къ Богу и ближнему, самъ былъ образцомъ любви къ ближнимъ. Если онъ проповѣдывалъ дважды въ недѣлю, каждый день, въ день два раза, то потому, что пламенно любилъ своихъ пасомыхъ, желалъ имъ спасенія, старался быть поддержкой ихъ въ семъ подвигѣ. Въ устахъ Златоуста обычные термины: „воз-

---

*) Тьерри, 342.
**) Ibid. 355.

любленный, ваша любовь, братья и сестры“ были „живыми отголосками любящей души“ *). „И недавно къ вамъ, и теперь къ вамъ говорю: о, если бы и всегда быть съ вами! А, впрочемъ, я и всегда съ вами, если и не тѣломъ, то силой любви: потому что для меня и нѣтъ другой жизни, кромѣ васъ и заботы о вашемъ спасеніи. Земледѣлецъ только и заботится, что о сѣменахъ и посѣвахъ, и кормчій о волнахъ и пристаняхъ: такъ и проповѣдникъ — о слушателяхъ и ихъ успѣхѣ, какъ и я теперь. Поэтому и ношу всѣхъ васъ въ умѣ моемъ, не только здѣсь, но и дома. Хотя число народа и велико, а мѣра моего сердца мала, за то любовь обширна и не тѣсно вмѣщается въ насъ“. „Если бы не стали обвинять меня въ честолюбіи: ты каждый день видѣлъ бы, какъ проливаю я потоки слезъ. Вы все для меня... Если бы сердце мое, разорвавшись, могло открыться предъ вами: вы бы увидѣли, что вы всѣ тамъ просторно помѣщены“... А Филаретъ добавляетъ: „въ душѣ св. Іоанна была и нѣжная любовь любимаго ученика Христова (ап. Іоанна) и ревность учителя языковъ“ (ап. Павла).

Если слушатели платили любовью проповѣднику, слушали и исполняли его слово, то онъ не чувствовалъ труда учительства, потому что его облегчала польза слушанія. „Этой награды достаточно, чтобы ободрить насъ, и окрылить, и сдѣлать отважными, и убѣдить къ перенесенію за васъ всякаго труда“.

Если же пасомые оскорбляли чѣмъ-нибудь ревность и любовь къ себѣ Златоуста, онъ говорилъ: „Тѣмъ болѣе буду любить васъ, чѣмъ, болѣе любя, менѣе любимъ буду... Вѣдь быть ученикомъ Христовымъ и значитъ быть кроткимъ и незлобивымъ“. „Если ты тысячу разъ впалъ въ грѣхъ—иди ко мнѣ,—говоритъ Златоустъ,—и будешь исцѣленъ. И полный любви къ грѣшнику, расточалъ

*) Труды К. Д. Акад., 1892, II, 525.

предъ нимъ сокровища любви вѣчной, чтобы одушевить его любовію къ своему спасенію, чтобы побѣдить въ грѣшникѣ грѣхъ его". Такое отношеніе къ грѣшнику понятно въ проповѣдникѣ любви. „Не столько ты,—говорилъ Златоустъ грѣшнику,—желаешь, чтобы прощены были тебѣ грѣхи, сколько Господь желаетъ простить грѣхи твои".

Ради любви къ слушателямъ-пасомымъ св. Іоаннъ не давалъ себѣ достаточно отдыха, потребнаго для выздоровленія (онъ заболѣвалъ нерѣдко), но, едва оправившись отъ страданій, спѣшилъ къ каѳедрѣ.

„Не такъ горячка, — говорилъ онъ въ одномъ изъ сихъ случаевъ, — жжетъ, обыкновенно, тѣло одержимыхъ ею, какъ наши души — разлука съ любимыми, и какъ тѣ ищутъ чашъ и стакановъ и холодной воды, такъ эти лицъ любимыхъ: это хорошо знаютъ привыкшіе любить. Такъ вотъ, когда освободились мы отъ болѣзни, опять насытимся другъ другомъ, если только можно когда-нибудь насытиться; потому что любовь не знаетъ насыщенія, но постоянно наслаждаясь любимыми, болѣе и болѣе воспламеняется". Послѣ болѣзни Златоустъ говорилъ болѣе обширныя бесѣды. „Молчавшая предъ тѣмъ душа проповѣдника изливается неудержимымъ потокомъ бесѣды, окрыляемой любовію" *).

Духъ кротости и смиренномудрія, духъ молитвы и высшаго озаренія видѣнъ въ проповѣдяхъ Златоуста, въ силу чего онѣ неотразимо убѣдительны, составляя слѣдствіе всепроникающей ихъ любви къ паствѣ, тѣмъ болѣе, что пламенное слово свое проповѣдникъ осуществлялъ въ многотрудномъ своемъ пастырскомъ подвигѣ.

„Вотъ подсудимый,—пишетъ блаж. Ѳеодоритъ,—называетъ его своимъ адвокатомъ; голодный проситъ пищи, нагой—одежды, иной—разуваетъ его... Тотъ тащитъ его посмотрѣть раны; вотъ должникъ обливается слезами, а

*) Труды, 1892, II, 525.

тамъ зовутъ мирить домашнія ссоры и слуга бѣжитъ къ нему же объяснять горькую жалобу на господина. Вдова вопіетъ: умилостивись надо мной; другая оплакиваетъ сиротство свое. Тысяча дѣлъ у отца (св. Златоуста) и разныя отъ разныхъ“ *)—и все Златоустъ умѣлъ удачно оканчивать. Имѣя столько заботъ, Златоустъ просилъ молитвъ о себѣ отъ своей паствы... „Молитесь за насъ. Хотя не великую и не удивительную пользу получаете вы отъ насъ, но „за санъ молитесь“. Вотъ посильное очертаніе личности св. Іоанна, какъ пастыря. „Есть-ли столь безчувственный человѣкъ, который не возблагодарилъ бы Провидѣніе, даровавшее міру столь блистательное свѣтило?“—закончимъ мы словами преп. Исидора Пелусіота.

Въ жизни св. Іоаннъ показалъ намъ „высоту смиренномудрія“, а въ словѣ—огненную свѣтлость благодати Христовой, „отъ небесъ пріятую“.

*) А. Филаретъ. II, 292—293.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Глава I. Рожденіе, семейное воспитаніе, образованіе и свѣтская жизнь св. Іоанна 1

Глава II. Крещеніе св. Іоанна, его жизнь въ пустынѣ, приготовленіе къ пастырству; служеніе въ санѣ діакона и пресвитера 19

Глава III. Служеніе св. Іоанна въ званіи Константинопольскаго Архіепископа и Патріарха Востока . . . 43

Глава IV. Борьба св. Іоанна Златоуста съ врагами, его изгнаніе, смерть и прославленіе 67

Глава V. О твореніяхъ св. Іоанна Златоуста . . . 98